

1.2020

**Учредитель
и издатель:**

Московский
педагогический
государственный
университет

Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

Свидетельство
о регистрации СМИ:
ПИ № ФС 77-67762
от 17.11.2016 г.

Адрес редакции:
109240, Москва,
ул. В. Радищевская,
д. 16–18, каб. 223

Журнал входит в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий ВАК РФ:

Исторические науки

- 07.00.02 – Отечественная история
- 07.00.03 – Всеобщая история
- 07.00.09 – Историография,
источниковедение и методы
исторического исследования
- 07.00.15 – История международных
отношений и внешней политики

Политические науки

- 23.00.01 – Теория и философия политики,
история и методология
политической науки
- 23.00.02 – Политические институты,
процессы и технологии
- 23.00.03 – Политическая культура
и идеологии
- 23.00.04 – Политические проблемы
международных отношений,
глобального и регионального
развития
- 23.00.05 – Политическая регионалистика.
Этнополитика
- 23.00.06 – Конфликтология

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Подписной индекс журнала по Объединенному каталогу
«Пресса России» – 85007

ISSN 2500-2988

LOCUS | PEOPLE
SOCIETY
CULTURE
MEANINGS

1.2020

**The Founder
and Publisher:**
Moscow Pedagogical
State University

Mass media
registration
certificate
ПИ № ФС 77-67769
as of 17.11.2016

Editorial office:
Moscow, Russia,
Verhnyaya
Radishchevskaya str.,
16–18, room 223,
109240

The journal is included in the list
of the leading peer-reviewed scholarly
journals the Higher Attestation
Commission of The Ministry
of Science and Higher Education
of the Russian Federation recommended
to PhD candidates and those working
for their habilitation who wish to publish
the results of their research

The journal has been published
since 2010

The journal is published 4 times a year

E-mail: izdat_mgopu@mail.ru
Information on journal can be
accessed via: j-locus.ru

Редакционная коллегия

Алексей Брониславович Ананченко – кандидат исторических наук; заведующий кафедрой новейшей отечественной истории, директор Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*главный редактор*).

Александр Анатольевич Орлов – доктор исторических наук, доцент; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*заместитель главного редактора*).

Денис Николаевич Сергованцев – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории России Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (*ответственный секретарь*).

Ирина Александровна Батанина – доктор политических наук, профессор; директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета.

Игорь Валентинович Бочарников – доктор политических наук; руководитель Научно-исследовательского центра проблем национальной безопасности.

Елена Викторовна Бродовская – доктор политических наук, профессор; заведующая кафедрой политических исследований России и постсоветского пространства Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Анна Юрьевна Домбровская – доктор социологических наук; доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Иван Георгиевич Жиряков – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Татьяна Васильевна Карадже – доктор философских наук, профессор; заведующая кафедрой политологии и социологии Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.

Андрей Викторович Манойло – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Фёдор Александрович Михайловский – доктор исторических наук, профессор; профессор общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета.

Владимир Дмитриевич Нечаев – доктор политических наук; вице-президент Российской ассоциации политической науки; ректор Севастопольского государственного университета.

Вячеслав Леонтьевич Пархимович – кандидат исторических наук; доцент кафедры ЮНЕСКО «Востоковедение и африканистика: современные методы изучения и преподавания» Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кристофер Рид – PhD (история); профессор исторического факультета Университета Уорвика, г. Ковентри, графство Уэст-Мидлендс, Великобритания.

Джованни Савино – PhD (история); научный сотрудник Университета Неаполя им. Федерико II, Италия; профессор Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва.

Владимир Борисович Слатинов – доктор политических наук, профессор; профессор кафедры государственной политики и территориального управления Юго-Западного государственного университета, г. Курск.

Николай Иванович Смоленский – доктор исторических наук, профессор; заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии Московского государственного областного университета.

Василий Рудольфович Филиппов – доктор исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Тропической Африки Института Африки РАН, г. Москва.

Дмитрий Борисович Фролов – доктор политических наук, доцент; профессор кафедры «Защита информации» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана.

Владимир Леонидович Шаповалов – кандидат исторических наук, доцент; заместитель директора Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Александр (Алек) Давидович Эпштейн – PhD (социология); директор Центра изучения и развития современного искусства; страшний научный редактор Электронной еврейской энциклопедии, г. Иерусалим, Израиль.

Александр Иванович Юрьев – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета.

Editorial Board

Alexey B. Ananchenko – PhD in History; Head of the Department of Modern Russian history, the Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*editor in chief*).

Aleksandr A. Orlov – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*deputy editor*).

Denis N. Sergovantsev – PhD in History; Associate Professor of the Department of Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University (*executive secretary*).

Irina A. Batanina – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Director of the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University.

Igor V. Bocharnikov – Dr. Hab. in Political Sciences; Head, Research Center of the National Security Studies, Moscow.

Elena V. Brodovskaya – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor, Head of the Department of Political Studies of Russia and the Former Soviet Union of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Anna Yu. Dombrovskaya – Dr. Hab. in Sociology; Associate Professor of the Department of Socio-Political Research and Technology of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Aleksandr (Alek) D. Epstein – PhD in Sociology; Leading Researcher of the ORT Israel Research and Development Center, ORT Israel; Scientific Director, Center for Research and Development of Contemporary Art, Israel.

Vasily R. Filippov – Dr. Hab. in History; Leading Researcher of the Center for the Study of the Countries of Tropical Africa, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow.

Dmitry B. Frolov – Dr. Hab. in Political Sciences; Associate Professor of the Chair «Computer Law», National Research Nuclear University «Moscow Engineering Physics Institute» (MEPhI).

Tatyana V. Karadze – Dr. Hab. in Philosophy; Professor, Head of the Department of Political Science and Sociology of the Institute for Social and Humanities, Moscow State Pedagogical University.

Andrey V. Maniolo – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Chair of Russian Politics of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Fedor A. Mikhailovsky – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of World History of the Institute of Human Sciences, Moscow City University.

Vladimir D. Nechaev – Dr. Hab. in Political Sciences; vice president, Russian Association of Political Science; Rector, Sevastopol State University.

Vyacheslav L. Parkhimovich – PhD in History; Assistant Professor of the UNESCO Chair on Asian and African Studies «Modern methods of studying and teaching of Institute of Asian and African Studies», Lomonosov Moscow State University.

Christopher Reed – PhD in History; Professor at the Department of History, University of Warwick, Coventry, West-Midlands, United Kingdom.

Giuseppe Savino – PhD in History; Senior Lecturer, University of Naples Federico II, Italy.

Vladimir L. Shapovalov – PhD in History; Deputy Director of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Vladimir B. Slatinov – Dr. Hab. in Political Sciences; Professor of the Department of State Policy and Territorial Administration, Southwest State University, Kursk.

Nikolai I. Smolensky – Dr. Hab. in History; Professor, Head of the Department of New, Modern History and Methodology of the Institute of History and Philology, Moscow Region State University.

Alexander I. Yuriev – Dr. Hab. in History; Professor of the Department of Modern Russian History of the Institute of History and Policy, Moscow Pedagogical State University.

Содержание

К ЮБИЛЕЮ

Валерию Ивановичу Овсянникову – 70 лет! 11

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

М.В. Батиев

Русские путешественники в Германии
последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.:
необходимые формальности и особенности поездки 15

П.А. Рыбаков

Политика коллективизации и раскулачивания
в Рязанском регионе и сопротивление крестьянства
её проведению 33

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Ю.В. Куликова

Культ Sol в Древнем Риме (с древнейших времен
до реформы Элагабала) 46

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Е.Б. Емченко

Социальная стратификация и институты
представительства по материалам Стоглава. 64

Н.П. Таньшина

Наполеон – тоталитарный лидер?
К вопросу об «околонаучных» дискуссиях
в историографии 87

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

А.В. Сарабьев

Высокая миссия в Сирии и Ливане.
Россия и левантийские православные
(по донесениям генконсула в Бейруте Г.Д. Батюшкова) 98

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ,
ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ*A.M. Родригес-Фернандес*

- Исламская традиция и стратегии национального развития
арабских государств 117

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА. ЭТНОПОЛИТИКА

A.C. Семушенкова

- Некоммерческий сектор регионов Поволжья:
факторный анализ 129

ДОКУМЕНТ С КОММЕНТАРИЕМ

Д.И. Горшков

- Рапорт полковника Э.-Ф.-Р. Пушелона
о сражении при Москве-реке,
5–7 сентября 1812 г. 149

КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

В.С. Калмыков

- Цена взятия Измаила в 1790 г.
Размышления над книгой М.К. Чинякова
«Суворов и Измаил» 164

Contents

FOR THE ANNIVERSARY

- Valery I. Ovsyannikov is 70 years old! 11

RUSSIAN HISTORY

M. Batshev

- Russian travelers to Germany in the last quarter
of the XVIII – the first half of the XIX centuries:
The necessary formalities and features of travels 15

P. Rybakov

- The policy of collectivization
and dispossession in the Ryazan region
and the resistance of the peasantry
to its implementation 33

GENERAL HISTORY

Yu. Kulikova

- The cult of Sol in Ancient Rome
(from ancient times to the reform of Elagabal) 46

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

E.B. Emchenko

- Social stratification and institutions
of representation based on the materials of Stoglav 64

N. Tanshina

- Is Napoleon a totalitarian leader?
On the issue of “pseudoscientific” discussions
in historiography 87

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS AND FOREIGN POLICY

A. Sarabiev

- High mission in Syria and Lebanon.
Russia and the Levantine Orthodox
(according to the reports of the Consul General
in Beirut, Georgy D. Batyushkov) 98

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS,
GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT*A. Rodriges-Fernandes*

- Muslim tradition and conceptions
of national development of Arab States 117

POLITICAL REGIONAL STUDIES AND ETHNOPOLITICS

A. Semushenkova

- Volga non-profit sector: Analysis of factors 129

SOURCE WITH COMMENT

D. Gorshkov

- Colonel É.-F.-R. Pouchelon report
about battle at Moscow River
on 5–7th September 1812 149

CRITICISM. BIBLIOGRAPHY

V. Kalmykov

- The price of taking Izmail in 1790 Reflections
on the book of M.K. Chinyakov
“Suvorov and Izmail” 164

Валерию Ивановичу Овсянникову – 70 лет!

30 марта 2020 г. исполняется 70 лет доктору исторических наук, профессору, заслуженному работнику высшей школы РФ Валерию Ивановичу Овсянникову.

В.И. Овсянников родился в 1950 г. в г. Озёры Московской области в учительской семье. В 1971 г. окончил исторический факультет Московского областного педагогического института им. Н.К. Крупской. Трудовую деятельность начал преподавателем в педагогическом училище № 4 г. Москвы. Преподавать в вузе он начал в 1973 г., когда ему было 23 года. В 1975 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, а в 1991-м – доктора исторических наук.

Награжден почетным знаком «Отличник народного образования». Работал в Академии наук СССР, в Высшей комсомольской школе при ЦК ВЛКСМ. Награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

В 1984 г. начал работать в Московском государственном заочном педагогическом институте (впоследствии – Московский государственный гуманитарный университет им. М.А. Шолохова) сначала доцентом кафедры всеобщей истории, а с 1989 г. – проректором по научной работе. В 1995 г. Валерий Иванович основал Межвузовский центр дистанционного образования, который возглавлял вплоть до его расформирования в 2009 г. В 1990-е гг. В.И. Овсянников являлся заместителем председателя Совета Учебно-методического объединения педагогических вузов РФ по подготовке кадров без отрыва от основной деятельности.

Преподавательская и научно-методическая деятельность

Более 40 лет В.И. Овсянников преподавал новую и новейшую историю стран Азии и Африки, удостоен звания «Почетный профессор МГГУ им. М.А. Шолохова». Сферой его деятельности как историка является востоковедение и методология истории. Итогом его научной деятельности в 1990-е гг. стал сборник «Избранные историографические произведения» (2000). В.И. Овсянников – автор более 100 научных работ, среди которых монографии, брошюры, статьи в ведущих журналах, учебные и методические пособия, одобренные не только педагогическими вузами, но и историческими факультетами классических университетов.

С 1980-х гг. Валерий Иванович разрабатывает проблемно-концептуальный метод обучения, на основе которого под его руководством создан ряд оригинальных коллективных учебных пособий и практикумов для студентов. Первое учебное пособие «Новая история Азии», построенное на основе этого метода, увидело свет в 1983 г. В последние годы автор публикует курсы лекций по истории стран Азии в Новое время (вып. 1–3), обобщающие опыт его преподавательской деятельности.

За заслуги в педагогической деятельности В.И. Овсянников награжден медалью К.Д. Ушинского.

Разработка основ организации открытого дистанционного обучения

Валерий Иванович Овсянников – признанный в системе образования ученый, специалист в области обучения студентов по технологиям дистанционного обучения, автор публикаций, способствовавших формированию научного понимания дистанционного обучения. В конце 1980-х гг. он участвовал в разработке Концепции высшего многосту-пенчатого педагогического образования, одобренной в 1991 г. Советом Учебно-методического объединения педагогических вузов РФ по подготовке учителей без отрыва от работы и Советом ректоров педагогических вузов РФ. Валерий Иванович входил в состав рабочей группы по разработке Концепции создания и развития единой системы дистанционного обучения в России (принята Коллегией Гособразования РФ 31 мая 1995 г.). Эта Концепция, к сожалению, в сложных условиях кризиса 1990-х гг. так и осталась благим пожеланием ее авторов.

В 1990-е – начале 2000-х гг. В.И. Овсянников принимал активное участие в разработках научных основ дистанционного образования. По его инициативе разработан ряд рекомендаций по совершенствованию

заочного и дистанционного образования для Коллегии Гособразования СССР и Министерства образования и науки РФ. Основные идеи ученого по этим проблемам изложены им в ряде публикаций.

Итогом многолетней работы ученого стала фундаментальная коллективная монография «Начальный курс дидактики дистанционного образования», изданная под его редакцией в 2006 г.

По заданию Государственного комитета по высшей школе РФ В.И. Овсянников разработал проект «Положения о Российском университете дистанционного образования». В основу предлагаемой им модели университета были положены лучшие отечественные традиции организации образования «на расстоянии» и мировой опыт дистанционного обучения. К сожалению, по разным обстоятельствам «смутного времени» 1990-х гг. такой университет создан не был.

Много внимания В.И. Овсянников уделял изучению зарубежного опыта дистанционного образования. В 1989 г. в Институте научной информации по общественным наукам АН СССР (ИНИОН АН СССР) был подготовлен и издан под его редакцией научно-аналитический обзор «Заочное обучение в зарубежных странах: концепции, практика, перспективы» – первая отечественная публикация по дистанционному обучению такого контента; аналитические обзоры В.И. Овсянникова публиковал Институт ЮНЕСКО по информационным технологиям (ИИТО ЮНЕСКО).

Руководимый В.И. Овсянниковым Межвузовский центр дистанционного образования активно сотрудничал с Открытым университетом Израиля, ИИТО ЮНЕСКО. Ученый неоднократно выступал с теоретическими докладами на международных семинарах, проводимых ИИТО ЮНЕСКО, и на различных международных конференциях.

В.И. Овсянников принимал активное участие в исследованиях по программам Министерства образования РФ «Научно-методическое обеспечение дистанционного образования» (1999), «Создание системы открытого образования» (2001–2004), «Модернизация системы образования» (2004), «Исследование фундаментальных основ психологии дистанционного обучения» (2005).

Его исследования способствовали совершенствованию концептуальных основ дистанционного обучения и преобразованию дистанционного образования из простой технологии передачи информации по компьютерным сетям в научную (дидактическую) систему образования. Вклад профессора Овсянникова в разработку теоретических основ дистанционного обучения признан научной общественностью, ему присвоено звание «Заслуженный работник высшей школы». Он очень сожалеет, что эта его деятельность не получила дальнейшего

практического развития, а *система дистанционного образования* в стране так и не была создана.

Валерий Иванович принимал участие в деятельности рабочих групп подкомитета по образованию Совета Федерации РФ по подготовке проекта Закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» и поправок к закону «Об образовании» в части дистанционного обучения; являлся членом Координационного совета Государственной Думы по дистанционному обучению, экспертной группы Рособрнадзора РФ по реализации образовательной деятельности с применением дистанционных образовательных технологий.

В.И. Овсянников – член Союза журналистов Москвы. Проблемам совершенствования образования посвящена его публицистическая деятельность. В свое время получили известность его публикации в «Литературной России», дайджесте «Наука и образование: переоценка ценностей».

В свободное от работы время Валерий Иванович пишет прозу, им опубликован роман «На взлете», сборник повестей и рассказов «Дорога к Храму».

Друзья и коллеги поздравляют юбиляра со знаменательной датой и желают ему творческого и человеческого долголетия!

*Редакция журнала
«Локус: люди, общество, культуры, смыслы»*

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-15-32

М.В. Батшев

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
129366 г. Москва, Российской Федерации

Русские путешественники в Германии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.: необходимые формальности и особенности поездки

Настоящая работа является одной из первых попыток проанализировать путевые записки как самостоятельный и целостный источник информации, отражающий повседневные практики путешественников и их картину мира. В статье на основании путевых записок, писем и дневников прослеживаются особенности подготовки русских путешественников к заграничному путешествию в конце XVIII – первой половине XIX вв. Показан процесс оформления документов, необходимых для совершения заграничного вояжа. Описаны два различных пути путешественников в Германию: по суше и по морю. Проанализированы впечатления, испытанные путешественниками от знакомства с первыми немецкими городами, которые встречались им на пути. Внимание автора сосредоточено на особенностях повседневной жизни путешественников.

Ключевые слова: Россия в конце XVIII – начале XIX вв., германские государства в конце XVIII – начале XIX вв., заграничные путешествия русских туристов, путевые записки, источники личного происхождения.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Батшев М.В. Русские путешественники в Германии последней четверти XVIII – первой половины XIX вв.: необходимые формальности и особенности поездки // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 15–32. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-15-32

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-15-32

M. Batshev

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, 129366, Russian Federation

Russian travelers to Germany in the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX centuries: The necessary formalities and features of travels

In the article, on the basis of travel notes, letters and diaries, the particularities of the preparation of Russian travelers at the end of the 18th – first half of the 19th centuries for foreign travel are traced. The process of paperwork necessary for making a foreign voyage is shown. Two different ways to travel to Germany are shown: by land and by sea. The impressions experienced by travelers from acquaintance with the first German cities that they met during the trip are analyzed. The attention of the author is focused on the specific features of the daily life of travelers.

Key words: Russia at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries, German states at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries, foreign travels of Russian tourists, travel notes, sources of personal origin.

FOR CITATION: Batshev M.V. Russian travelers to Germany in the last quarter of the XVIII – the first half of the XIX centuries: the necessary formalities and features of travels. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 15–32. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-15-32

С легкой руки классиков русской литературы современный читатель привык к тому, что обеспеченные русские люди ездили в Германию лечиться. Лечение проходило на минеральных источниках, расположенных в бассейне р. Рейн, под наблюдением местных докторов. Традиция ездить туда для поправки здоровья начинает складываться в германских государствах еще в XVIII в.

Во многих из этих мест в первой половине XIX в. возникают специальные курорты. Строятся гостиницы, обстоятельно изучаются особенности каждого из минеральных источников, обустраиваются места для питья целебной воды и ванны для купания, появляется специальная инфраструктура проведения досуга. Хорошо обеспеченные представители различных слоев русского общества, нуждающиеся в лечении, открывают для себя достоинства немецкой медицины. Они начинают активно посещать немецкие курорты, расположившиеся на минеральных источниках в бассейне Рейна.

Лечение было не единственной целью путешествий русских людей в Германию в рассматриваемый период. В эти же годы молодых образованных русских начинают манить к себе германские университеты.

Рассказ о поездках будет неполным, если не показать, как русские подданные готовились к путешествию, какие документы оформляли, какие немецкие города первые встречались на пути русских путешественников и какое впечатление они производили на последних.

Ответ на поставленные нами вопросы мы будем искать в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина, «Письмах в Пруссию» Ф.В. Ростопчина, «Путевых письмах» Н.И. Гречи, «Рассказе о путешествии» Н.А. Корсакова, «Записках русского путешественника» А.П. Мещерского, «Моих Записках» Д.Н. Свербеева, «Дневнике» Е.А. Свербеевой, письмах П.Я. Чаадаева и А. С. Хомякова, а также в неопубликованных письмах кн. П.А. Вяземского и Д.А. Валуева.

Данные источники, как правило, оказываются в центре внимания исследователей, когда их интересует общение русских путешественников со знаковыми деятелями немецкой культуры. Повседневная жизнь и типичные практики путешественников, как правило, не становились объектами изучения.

Настоящая работа является одной из первых попыток проанализировать путевые записки как самостоятельный и целостный источник информации, отражающий повседневные практики путешественников и их картину мира. Записи, делавшиеся в путешествиях, как правило, редактировались, прежде чем быть опубликованными. Были путешественники, которые делали одновременно несколько видов путевых записей (журнал для себя, письма для друзей и родственников).

Случалось, что авторы, как, например, Н.М. Карамзин, вносили изменения и в разные издания своих записок.

Кратко остановимся на историографии темы. Скажем сразу, что монографических исследований по ней нет, да и специально посвященных ей статей в российской историографии немного. Одним из исключений, рассматривающих путевые записки в качестве исторического источника, является статья С.В. Оболенской «Германия глазами русских военных путешественников 1813 года» [14]. В этой статье автор, используя путевые записки трех русских офицеров – участников заграничных походов русской армии 1813–1814 гг.: Ф.Н. Глинки, Н.И. Лажечникова, А.Ф. Раевского, – показывает, как они увидели Германию. Через сделанные ими наблюдения они старались лучше понять собственную страну: «Размышления участников компании 1813–1814 гг. составили этап в процессе критического самоосмысливания русского общества, осмысливания истории России и места России в мировой истории» [Там же, с. 82].

Путевые дневники различных путешественников послужили одним из источников для книги С.О. Миллера «Эмс и дворяне России» [13]. В ней с использованием как путевых текстов, так и иных видов источников описано пребывание всех самых знаменитых русских посетителей популярного немецкого курорта Бад-Эмс.

В значительной литературе, посвященной изучению «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина¹, в последнее время наметилась новая тенденция. Наблюдается изменение исследовательских представлений о соотношении подлинности и вымысла в этом произведении. Исследователи, считающие, что книга заслуживает большего доверия, чем принято считать, обращаются в т.ч. к Вяземскому, который в «Старой записной книжке» писал: «А между тем “Письма” эти должны

¹ Традиция считать «Письма русского путешественника» вымыщенным произведением была заложена В.В. Сиповским в работе «Н.М. Карамзин, автор “Писем русского путешественника”» [19]. Ю.М. Лотман в лучшем на сегодняшний день издании «Писем...» писал, что «кроме самих “Писем русского путешественника”, у нас нет об этом периоде никаких других сведений» [9, с. 534]. В 1990-е гг. стали появляться работы, корректирующие эту точку зрения. В первую очередь, это статья женевского историка С. Геллермана [23]. В ней, на основании найденных в архивах Швейцарии документов, подтверждается достоверность многих сведений, сообщаемых Карамзином своим читателям. Но в некоторых случаях литературные установки Карамзина преобладали над фактическими обстоятельствами и в результате в тексте «Писем...» читатель имеет большое количество достоверных сведений, соединенных с авторским вымыслом. Более подробно про статью Геллерман см. в обстоятельном исследовании И.З. Серман [18]. Интересен взгляд на Карамзина английского исследователя Энтони Кросса. В его исследовании о русских в Британии в XVIII в. Карамзину посвящена целая глава. «Карамзин... старался смотреть так внимательно, и увидеть так много, как только мог, а потом написал о своих наблюдениях так честно, как позволяло его литературное чутье, переменчивые взгляды и российские условия» [11, с. 283].

служить и ныне образцами языка и слога: они не только “Письма Путешественника”, но настоящие мемуары, исповедь человека, картина эпохи. Замечательные лица, характеристики, разговоры их передаются в живом зеркале» [4, с. 177]. В работе немецкого историка Г. Панофски на основе найденных в архивах Берлина документов подтверждается достоверность сведений, приведенных в «Письмах русского путешественника» [15, с. 254–284].

А.Н. Зорин в статье «Разлука с семьей весной 1797 г.: двойная идентичность Михаила Муравьёва» [7] анализирует две разновидности текстов (письма и дневник) об одном путешествии, написанных в 1797 г. М.Н. Муравьёвым. Зорин пишет: «Пятнадцать раз подряд в одни и те же дни Муравьев пишет одному и тому же адресату два совершенно различных письма на разных языках. На наш взгляд, разрешить этот парадокс возможно, только предположив, что эпистолярная форма “Московского журнала”, по существу, условна и что это сочинение представляет собой не “письма в форме дневника”, как предполагал [М.А.] Осоргин², но, напротив, литературный дневник в форме писем» [8, с. 180]. Сам факт существования двух видов источников об одном путешествии Зорин видит в сильном влиянии на Муравьёва английского писателя Лоренса Стерна. «Точно так же Муравьев следовал примеру любимого писателя, сочиняя для жены дневник (“Журнал...”) своего пребывания в Москве параллельно с настоящими письмами, которые он писал ей оттуда же. Его “Московский журнал”, по аналогии с образцом, вполне мог бы называться “Журнал для Катеньки”» [Там же, с. 184]. Автор исследования обращает внимание и на разных адресатов писем и «Журнала». В первом случае – это супруга, во втором – будущие члены семьи.

В статье А.Ю. Сорочана «Туда и обратно: новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки» сделан обзор 17 современных зарубежных исследований литературы путешествий. Главной целью этой работы можно считать обозначение путей исследования для решения вопроса «В чем же состоит особенность литературы путешествий». «На Западе литература путешествий рассматривается как заведомо пограничное явление, и изучение ее позволяет серьезно трансформировать методологию филологических исследований. А в России (и это еще одно основание для подобного обзора), хотя и появляются немало исследований, связанных с конкретными травелогами, пока нет системного осмыслиения проблемы» [20]. Из рассмотренных автором книг ближе всего к интересующему нас хронологическому

² Осоргин Михаил Александрович (1878–1942) – русский писатель, эссеист. В 1922 г. выслан на «философском пароходе» из Советской России.

периоду относятся две работы: «Романтические местности: Европа пишет место» и «Мадам де Сталь. Опасное изгнание». Первое издание представляет собой сборник статей, в котором литература путешествий рассматривается с разных точек зрения. Авторов статей объединяет интерес к месту в культуре, местность становится конечной точкой и приводит их к совершенно новому пониманию локального. Писатели исследуют места, по которым путешествуют, в которых живут, в которые эмигрируют, создают метафизические географии, трансформируют конкретное место в нечто иное. В двух статьях сборника анализируются путешествия в Германию. Анджела Райт в статье «Путешествие летом 1794 г. через Голландию и западную границу в Германию Анны Радклифф» анализирует, как знаменитый автор «готических романов» описывает «добрую старую Англию» с точки зрения «меняющейся Европы». Джеймс Вигде в статье, посвященной Генри К. Робертсону и его странствиям по Германии, обращает внимание на то, что путешественник в своих дневниках концентрируется на описании «всего романтического», игнорируя при этом реалии современной ему Германии. О работе «Мадам де Сталь. Опасное изгнание» автор обзора пишет: «Эта книга – о другой грани путешествия, не о присутствии, а об отсутствии» [20]. В данном исследовании больше внимания уделяется политическим и эротическим декларациям мадам де Сталь, а не ее путевым впечатлениям.

Итак, обратимся теперь к тому, как воспринимали Германию русские путешественники конца XVIII – начала XIX вв., которым приходилось на родине пройти через определенные формальности для выезда за границу. Можно сказать, что их путешествие в далекие страны начиналось с путешествия по русским присутственным местам, а затем по посольствам тех государств, куда они планировали отправиться.

Оформление паспортов

Как правило, путь в Германию начинался в Петербурге. Решивший отправиться за границу подданный Российской империи мог обратиться за паспортом в губернскоеправление только той губернии, где он проживал. При этом в паспорте должно было быть зафиксировано, каким способом путешественник собирается передвигаться – сухопутным или морским. Герой «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина не сделал этого своевременно и потому «надлежало объявить мой паспорт в Адмиралтействе; но там не хотели надписать его, потому что он дан из Московского, а не из Петербургского губернскогоправления, и что в нем не сказано, как я поеду; т.е. не сказано, что поеду морем.

Возражения мои не имели успеха — я не знал порядка, и мне оставалось ехать сухим путем или взять другой паспорт в Петербурге. Я решился на первое; взял подорожную — и лошади готовы» [9, с. 6–7].

После оформления паспорта в губернском правлении полагалось получить въездную визу тех стран, куда планировал отправиться путешественник. Консульств в первой половине XIX в. еще не существовало, поэтому визы путешественники могли получить только в иностранных посольствах в Петербурге.

Московский дворянин Н.А. Корсаков пишет в своих воспоминаниях: «В следующее утро поехал я к посланникам тех держав, в столицах которых я хотел быть, для надписи на паспорте моем» [10, с. 6–7].

Проводы, погода и отплытие

Процедура проводов представляла собой отдельный ритуал. Отъезжающий должен был заблаговременно известить о своих планах всех своих друзей, затем устроить для них прощальный вечер. Кроме этого, полагалось опубликовать в «Московских ведомостях» объявление о предполагавшемся отъезде с указанием даты и приблизительного срока отсутствия. Главной целью таких объявлений было уведомление кредиторов о месте нахождения должников, чтобы в случае неурегулированных финансовых проблем можно было воспрепятствовать их отъезду.

В планы отъезжающих из Петербурга самым причудливым образом могло вмешиваться капризное Балтийское море. Н.И. Греч рассказывает в своих «Путевых письмах», что в конце апреля, за неделю до 1 мая (дня, назначенного для отплытия из Кронштадта в Петербург), лед покрывал все пространство залива. В Петербурге сомневались, что навигация откроется в назначенный срок. Капризы петербургской погоды могли вносить корректизы в планы путешественников и ускорять (или замедлять) их отъезд, как это было в случае с Гречем [5, с. 2].

Д.Н. Свербеев в «Моих записках» поведал курьезную историю про то, с какими приключениями он отправлялся в путешествие из Кронштадта в 1822 г. Один из его друзей, с которым он собирался в путешествие, не успел закончить сборы в дорогу. В результате они опоздали на утренний рейсовый пароход в Кронштадт, и были вынуждены сами добираться до порта. В результате, когда они прибыли в Кронштадт, то узнали, что судно, на котором должны были отплыть, уже ушло. Но им повезло с ветром, который не позволил этому судну уйти дальше. «Попутный западный ветер, унесший “Анну” по зыбям Финского залива, стих; Гартману стало совестно, и он, проплыв один или два узла

за рейд, бросил якорь и отправил за нами с матросом катер. Мы на расставанье выпили и простились с нашими провожатыми» [17, с. 184.].

Корсаков в «Рассказе о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции», упоминая о переезде из Петербурга в Кронштадт, пишет о эмоциях, которые вызывал отъезд у всех находящихся на пристани, будь то отъезжающие или провожающие. После всплеска эмоций следует описание поездки: «Мосток с пристани поднят, колеса машины зашумели, вода под ними запенилась, закипела белым ручьем, и машина отвалила. Тут начались снова прощанья: как с берега, так и с парохода. Платки, руки и шляпы, пока не скрылись друг от друга из виду – все было в движении. За проезд до Кронштадта платится особо: по 5 р. в пользу г. Берда³: ему принадлежат машины. Вообразите, что он получает во всю навигацию, продолжающуюся семь месяцев, от двух машин, на коих менее ста пассажиров не бывает» [10, с. 11].

Несмотря на то, что в конторе кораблей существовало расписание движения судов, оно не всегда соблюдалось. Виной тому были не только неблагоприятные погодные условия, выход корабля в море мог задерживаться по разным причинам. Греч рассказывает, что корабль, на котором он плыл, задержался на несколько часов из-за почты [5, с. 2–3].

Без особых подробностей, просто как о довольно скучном факте, пишет о начале своего путешествия кн. А.П. Мещерский: «В первых числах июня 1839 года я заплатил за место до Любека и на транспортном судне отправился в Кронштадт: тут стоял на якоре большой красивый пароход» [12, с. 1]. Однако он подробно описывает церемонию проводов, которая включала в себя торжественный обед, по подсчетам путешественника, на 240 персон. Столь большое количество участников трапезы привело к долгим промежуткам при переменах блюд. И весь обед продолжался около трех часов. Провожавшие стали покидать корабль только к вечеру, после того как все приготовленное было съедено и выпито [Там же, с. 2].

Первоначальных планов относительно направления своей поездки придерживались не все путешественники. Случалось, что планы меняли в последний момент. Так поступил и П.Я. Чаадаев. Уже отправившись с друзьями в Кронштадт садиться на корабль, он изменил свой маршрут под влиянием увиденного на корабельной стоянке. В письме к брату

³ Чарлз (Карл Николаевич) Берд (1766–1843) – шотландский инженер и предприниматель, игравший важную роль в промышленной и деловой жизни Петербурга в первой половине XIX в. Его компания выпускала паровые машины и построила первый в России пароход. Берд приехал в Россию двадцатилетним юношей и прожил здесь всю свою долгую жизнь.

из Кронштадта он замечает: «Пишу я тебе для того, чтобы сказать, что еду я не в Гамбург, а в Англию. Приехавши сюда, подрядил я было Любекское судно; но, увидавши славный английский корабль, который идет прямо в Лондон, не могу терпеть и решил ехать на нем; благодаря моему кредитиву ехать мне можно, куда вздумается, деньги у меня есть везде» [19, с. 19–20].

Деньги в любой поездке за границу значат очень много. Большинство путешественников предпочитали менять наличные российские деньги на местные в меняльных конторах, но некоторые, как, например, Свербеев, пользовались иными банковскими продуктами: «Насилю один день мог я выхлопотать у суетливого моего спутника на прощанье и получение от банкиров братьев Livio кредитива на 10 000 р. (или 12 000 франк[ов] по тогдашнему курсу) вместе с рекомендательными от них письмами к приятелям их банкирам в других городах» [17, с. 83]. Этот банковский документ позволял Свербееву в любом крупном городе Европы получить деньги на свои издержки в пределах оговоренной в документе суммы.

Плавание

Большинство авторов использованных нами источников отправилось в путь морским путем. Поэтому на особенностях передвижения от Петербурга до границ Российской империи на лошадях в то время мы останавливаться не будем. Плавание на пароходе в 1830–1840-е гг. представлялось довольно дорогим удовольствием. На пароходах собиралась публика в массе своей хорошо обеспеченная. Греч, с восторгом описывающий свое путешествие в аристократической компании на пароходе, называет и цены, уплаченные за билеты. «Мы, пассажиры, осмотрелись, познакомились между собою. Общество на пароходах бывает обыкновенно отборное, потому что не всякий может заплатить значительную сумму за переход на первом месте. Впрочем, случается нередко, что люди благовоспитанные, почтенные, но ограниченные средствами, теснятся на втором месте, не смея перешагнуть за черту, отделяющую 250 р. от 175 р.; напротив, посреди вельмож и дипломатов гнездится какая-нибудь белая французская мышь с красными глазами» [5, с. 3]. Плавание по тому же маршруту в 1822 г. стоило 10 червонцев с господ и по 5 червонцев со слуг [17, с. 183].

Несмотря на дорогие билеты и наличие обеспеченных пассажиров, пароходы не часто отходили точно по расписанию. Князь Мещерский в «Записках русского путешественника» вспоминает: «Мыостояли на якоре до двух часов утра, поджиная английского курьера с депешами.

Во всю ночь никто не ложился: всякому хотелось видеть первое движение парохода» [12, с. 4]. Служалось, что пароходы ожидали не только курьёров: «В полночь услышал я звук цепей, происходивший от поднятия якоря, и мы пустились в Балтийское море. До сих пор стояли, ожидая кронштадтскую почту, отправляемую в чужие края», – писал Корсаков [10, с.12].

В те несколько суток, что пароход двигался от Петербурга до Любека, пассажиры часто страдали от морской болезни. В этой ситуации они предпочитали находиться в своих каютах, а не прогуливаться по палубе, с которой к тому же ничего не было видно, кроме открытого моря.

Во время плавания, если позволяла погода, пассажиры совершали бесконечные прогулки по палубе или коротали время за картами. Играли в те же игры, к которым привыкли в столичных гостиных. Качки и бури путешественники переносили в зависимости от индивидуальных особенностей организма. Не все путешественники испытывали восторг от плавания по морю. Князь Мещерский в начале своего сочинения пишет: «Поездка морем не имеет ничего привлекательного: здесь все однообразно и угрюмо! Во время тихого плавания есть еще возможность пользоваться приятностью общества, но вместе с переменой погоды исчезает и любезность в разговоре: все расходятся по углам, спрашивают, жалуются, ропщут и немилосердно накидываются на первого услужливого, имевшего неосторожность вызваться с утешениями. Что может быть несноснее человека, занятого одним своим физическим страданием!» [12, с. 1].

Первые остановки по пути из Петербурга суда делали в разных портах, расположенных на побережье Балтийского моря. Здесь немецкое влияние ощущалось все сильнее и сильнее. Осматривая прибрежные города, путешественники настраивались на знакомство с Германией. Одним из таких городов был эстляндский Ревель (совр. Таллин). «Приближаясь к Ревелю, я не мог не быть поражен средневековой рыцарской его наружностью. Это был первый представившийся моим взорам город в полном смысле древнегерманского его значения, со своей полуразрушенной крепостью на утесистой скале к морю, со своим замком, в котором жил губернатор и вместе комендант порта. Мы остановились в одной из лучших гостиниц на весьма небольшой площади, окруженной чрезвычайно узкими улицами. Отсутствие всякого деревянного строения и довольно высокие узенькие дома с черепичными крышами – одним словом, Ревель казался мне чем-то странным, небывалым, сказочным – в нем не было решительно ничего русского» [17, с. 187].

При проходе через северную оконечность Германии – о. Рюген – к пароходу приставал почтовый катер и перегружал на него почту.

После этого пароход продолжал движение и через «83 часа после отхода из Кронштадта… бросил якорь у порта Травемюнде» [5, с. 9].

Путь пароходов по Балтийскому морю проходил мимо острова Борнгольм, описанного в одноименной повести Карамзина, многие из путешественников считали для себя обязательным посмотреть этот остров и вспоминали про автора «Писем русского путешественника» [1, с. 236].

Первые впечатления

Первую остановку на немецкой земле делали в Любеке или Травемюнде. Свербеев в одном из набросков к своим запискам так пишет об этом городе: «В Любеке, похожем отчасти на Ревель, и на Ригу своим средневековым видом» [17, с. 577]. Московский славянофил Д.А. Валуев, отправлявшийся в 1844 г. на лечение в Англию, проезжая через Любек, оставил самое поразительное его описание. «Меня поразил Любек, не видавши, не поймешь немецкого города, а между тем, как только увидел, убедился, что [это] Славянский Любоч, без шуток, форма всех домов [есть] каменная изба и мне тотчас живо напомнило село Лысково возле Нижнего; серьезно, улицы сплошных изб и ряды крыш совершенно [его] напоминают. Особливо я помню одну, где, видно по какому-то инстинкту, тамошние мужики выстроились (т.е. построили свои дома. – М.Б.) такими же каменными избами, только не достает черепиц» [2, л. 2а]. Любек нравился и другому славянофилу – А.С. Хомякову. «Правду сказать, город Любек так мил, что им нельзя не любоваться. Он милее Гамбурга» [21, с. 8].

Для других путешественников первым пунктом остановки по пути из Петербурга был порт Травемюнде. Свербеев писал: «Приплывающие к нему в начале лета из Петербурга приходят от него в восхищение (кроме нас с [А.С.] Норовым)⁴, я думаю, никто не ездил в Травемюнде сухим путем), а те, которые возвращались через Травемюнде в Петербург, находили уже тут предвкусие, avant-gout, нашей северной природы и ее сурового климата. Одним, вступающим на твердую в этом порте землю, было светло, тепло и на душе легко; другим казалось холодно, серо и гадко: так все в человеческой жизни бывает относительно и сколько-нибудь верно по одному сравнению» [17, с. 189].

Среди массы дорожных записок о путешествиях в Германию есть свидетельства путешественников, которые ехали не морским путем, а по сухе. Кроме уже упоминавшегося Карамзина, это и знаменитый гр. Ф.В. Ростопчин, который в конце 1780-х гг. совершил заграничное путешествие, как это было принято в то время, «с целью завершения

⁴ Друг мемуариста, вместе с которым тот отправился в путешествие.

образования». Часть своего путешествия он описал в записках, которые назвал «Путешествие в Пруссию». Первым сильным впечатлением будущего московского генерал-губернатора была прусская почта и особенно медленная скорость, с которой она передвигалась. «Несчастный русский путешественник, плачь и сокрушаясь о ямщиках! Забывай, что лошадь может бегать рысью и скакать! Слушайся и терпи!» [16, с. 17]. Похожую оценку почты в Пруссии, как необычайно медленной, можно будет встретить и у других русских путешественников по Германии в первой трети XIX в.

Но вернемся к путешественникам, которые ехали в Германию морем. Супруга Свербеева Екатерина Александровна в дневнике от 1833 г. так описывала свои первые впечатления от Германии: «В 11 утра мы увидели Травемюнде – красивый вид. Мы пристали в сопровождении небольшого штурманского судна – какая радость! – все подзорные трубы направлены на берег. Видны красивые дома, аллеи деревьев, много народа в красивой одежде, женщины – в цветных немецких юбках с высокой талией: два рукава, маленький фартучек, свекольные лица» [6, с. 18]. Похожие впечатления от посещения Травемюнде остались и у Мещерского: «Не доходя до него (до порта. – М.Б.) на расстоянии четверти версты, был брошен якорь: капитан боялся попасть на мель. Вследствие нескольких ракет, пущенных чтобы вызвать лоцманов, подошел маленький пароход для перевозки нас, но им никто не воспользовался» [12, с. 5].

Из северных городов Германии в дневнике Свербеевой упоминается Любек как довольно живописное место, где много лесов и садов. Князю Мещерскому Любек не понравился из-за большого наплыва таких же путешественников, как и он сам, из-за чего все трактиры были переполнены, и он не смог найти себе пристанище. Не найдя себе место в гостинице, он решил покинуть город и ехать до Гамбурга. Пока запрягали лошадей, Мещерский совершил прогулку по городу, в результате которой пришел к выводу, что город ему не понравился. На его взгляд, дома в несколько этажей с пирамидальными крышами при узких улицах придают городу мрачный вид.

Любек был первым городом в Германии, который в ходе своей поездки увидел в Германии П.В. Анненков. В «Письмах из-за границы» он сравнивает переезд из Петербурга в Любек с попаданием в эпоху Средних веков: «За исключением стен, разрушенных Наполеоном, город остался таким, как застал его Лютер» [1, с. 6].

Корсаков описывает немецкий обычай, с которым столкнулся в Любеке и который на первых порах его удивил, а потом даже понравился: «Немцы расчетливы. Около полуночи услышал я крик ходящих

по улицам ночных сторожей: “Одннадцать часов было, пора спать” (Die Uhr hat elf geschlagen, es ist Zeit zu schlafen). Тон этой вокальной музыки так меня удивил, что я нарочно просидел несколько времени, чтобы еще слышать: они повторяют это каждую четверть часа. Почти во всей Германии вы услышите то же» [10, с. 15–16]. Интересно, что в текстах других авторов упоминаний о существовании подобной практики в иных немецких городах обнаружить не удалось.

Так же, как и Мещерский, сухим путем в Гамбург из Любека отправился Греч: «Я нанял коляску парою до Гамбурга за 27 марок, обязавшись дать на водку еще 3 марки, следственno, всего 30 марок, или 3 и $\frac{3}{4}$ червонца за 56 верст. Право, не дорого: экипаж удобный, лошади хорошие» [5, с. 10]. Корсаков также отправился в Гамбург из Любека. Поездка, судя по его рассказу, оказалась неспешной и с музыкой: «Наняв Фурмана (извозчика) до Гамбурга, я заплатил 12 марок и 8 шиллингов (16 р.), в 5 часов вечера отправился, и фурман, заехав в другой отель, посадил двух мужчин – это были отец с сыном – последний, по-видимому, имел лет двадцать; во всю дорогу, даже ночью, он пел из немецких опер арии, с разнообразными положениями головы и рук, чем родитель его очень утешался, а я очень скучал» [10, с. 16]. Путешественники после Любека стремились попасть в Гамбург потому, что от него было ближе ехать к лечебным водам. Маршрут к водам из Гамбурга выглядел так: «Часа через два выезжаем из Гамбурга и едем в Ганновер, Гётtingен, Кассель» [2, л. 2].

Некоторые останавливались для лечения на курортах Северной Германии. «Эти курорты были очень популярны у немцев: Травемюнде и его морские ванны со своими посетителями, любекскими торгашами и голштейнскими фермерами не представляют широкого поля моим “Запискам”. Посетительницы из мещанского общества не отличались ни туалетом, ни манерами, все они постоянно занимались вязанием чулок, а по воскресеньям – танцами ins Grune (в зеленом. – М.Б.)» [17, с. 188]. На этих курортах у подданных Российской империи контакты с местным населением налаживались с трудом: «Мужчины на скверном французском языке разговаривали со мной о торговых с нами сношениях, которые мне были неизвестны, и беседа моя с ними шла плохо: по-немецки я понимал, но не говорил, а французским языком, тогда ненавистным для северных германцев, они владели плохо» [Там же, с. 189].

Свербеев писал: «Доктор посоветовал Норову докончить морское лечение таким же и в другом месте, на принадлежащем городу Гамбургу острову Нордерн при устье Эльбы» [Там же]. Дорога из Любека до Гамбурга заняла у путешественников много времени и оставила очень

неприятные впечатления: «Нам надобно было [ехать] двое суток на долгих, потому что королевско-датскому правительству не угодно было на принадлежащей ему между двумя городами земле учредить правильные почтовые сношения. В видах эгоистического покровительства своим подданным и крайней не дружелюбности сношений с обоими вольными городами оно, это правительство, содержало единственную дорогу на 70 верст протяжения в таком ужасном состоянии, о котором и мы, русские, привыкшие к нашему бездорожью и беспутице, не могли иметь никакого понятия» [17, с. 578]. В дальнейшем Свербеев приводит объяснение такого отношения Дании к этим городам: «Не один раз предлагали Дании оба эти города построить шоссе за их собственный счет, а впоследствии, когда начались в Германии железные дороги, устроить и железную дорогу. Более 12 лет прошло в тщетных переговорах. Дания ни на какие предложения не соглашалась, в ее интересах было несравненно выгоднее, чтобы корабли из Петербурга и других мест шли в Гамбург через Зундский пролив и платили бы в Бельте установленную Данией и недавно уничтоженную (текст написан в конце 1860-х гг. – М.Б.) общим трактатом пошлину. Поэтому-то корыстолюбивые датчане и препятствовали всячески разгружению товаров в Любеке» [Там же].

Посмотрим теперь, каким увидели Гамбург русские путешественники. Свербеев остановился в одном из лучших гамбургских отелей того времени: «На две или три недели нашей разлуки устроил я себя в одной из отличнейших гамбургских гостиниц – “Юнгферштих”, Hotel de Russie, у приветливого трактирщика Видемана. Превосходный его стол был настоящий *table d'hote*» [Там же]. Свербеев отмечал, что, хотя война с Наполеоном в Германии закончилась в 1814 г., а он в Гамбурге был в 1822-м, однако в городе по-прежнему очень сильны были антифранцузские настроения. Бюргеры Гамбурга хорошо помнили время управления маршала Даву, который разграбил их банк и похитил все годами накопленные гамбургцами общественные капиталы. Свербеев писал и о том, какое впечатление произвел на него Гамбург в самом начале 1820-х гг., а также в последующие приезды. Он отмечал разницу между тем старым Гамбургом, когда город представлял собой сплошную массу весьма непрочно построенных высоких домов и очень узких улиц с прегрязнными канавами, – так было до большого пожара в 1842 г.

Видевший Гамбург в 1839 г. Мещерский не нашел в нем ничего мрачного и в своих «Записках» писал: «Город красиво выстроен. Улицы широки, хорошо вымощены и содержатся опрятно; зато переулки узки, кривы и нечисты. Все пространство земли, прежде занятое укреплениями, постепенно покрывается садами и составляет пленительное

место для гулянья, откуда можно наслаждаться открытыми видами. Туда жители собираются дышать чистым воздухом под тенью роскошных дерев и слушать музыку, которая к вечеру собирается в кофейных домах» [12, с. 7].

Из Гамбурга Мещерский совершил прогулку в соседний датский город Альтону. В мемуарах он удивлялся отсутствию четко выраженной границы между Гамбургом и владениями Дании: «“Границы вы тут не найдете, – отвечал он (проводник. – М.Б.) – потому что этот дом стоит одною половиною на Гамбургской земле, а другою – на Датской. Но если вы хотите непременно ее видеть, то пойдемте в боковую улицу: там я вам ее покажу”. Повернув в переулок, мы поравнялись с заднею частью дома, отделявшегося от соседнего небольшим протоком воды. Здесь на расстоянии полутора аршина сделана от одной стены до другой дуга из полосы железа, наверху которой поставлен значок. “Вот, – сказал мой проводник, – граница двух владений!”» [Там же, с. 8]. Датские владения Мещерскому понравились, но не так, как немецкие города, и он постарался сформулировать их отличие друг от друга: «Альтону нельзя сравнивать с Гамбургом. Нет того опрятного вида, и улицы не так красивы; но одна из них мне особенно понравилась: экипажи свободно могут разъезжать по обеим сторонам аллеи из вековых дерев, которых сучья сплетаются над головами гуляющих, и из этой густоты ветвей показываются на всяких пятнадцати или двадцати шагах висячие лампы, разливающие достаточный свет во время вечерней прогулки» [Там же, с. 9].

Все увиденное русскими путешественниками в северных городах Германии было, как правило, первыми впечатлениями в их заграничных вояжах. В дальнейшем, по мере приближения к цели своей поездки, они получали и другие впечатления, которые иногда заставляли их корректировать первоначальные. Письменная фиксация или нефиксация впечатлений от увиденного там зависели от индивидуальных поведенческих целей каждого конкретного путешественника. В использованных источниках отсутствуют описания ожиданий от Германии, потому делать выводы о соответствии или несоответствии увиденного ожиданиям у нас нет возможности.

Наблюдение над источниками, появившимися в результате проезда разных авторов по одним и тем же германским территориям и фиксация ими увиденного, позволяют выявить общие механизмы восприятия пространства. Кроме того, в travелогах можно выявить происходившие изменения во встречавшихся им природных и рукотворных ландшафтах. Содержащаяся в текстах авторская рефлексия позволяет реконструировать представления образованных русских людей о месте России в мире рассматриваемого нами исторического периода.

Библиографический список / References

1. Анненков П.В. Парижские письма. М., 1983. [Annenkov P.V. Parizhskiy pis'ma [Letters from abroad]. Moscow, 1983.]
2. Валуев Д.А. Письма к Свербееву // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 472 (Свербеевы). Оп. 1. Д. 624а. [Valuyev D.A. Pis'ma k Sverbeyevu [Letters to Sverbeyev]. *Russian State Archive of Literature and Art (RGAL)*. Fund 472 (Sverbeyev). Inventory 1. Case 624a.]
3. Вяземский П.А. Письма к сыну // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 195 (Вяземские). Оп. 1. Д. 4108. [Vyzemsky P.A. Pis'ma k synu [Letters to the son. *Russian State Archive of Literature and Art (RGAL)*. Fund 195 (Vyzemsky). Inventory 1. Case 4108.]
4. Вяземский П.А. Старая Записная книжка // Полное собрание сочинений князя П.А. Вяземского. СПб., 1886. Т. X. [Vyzemsky P.A. Old Notebook. *Polnoye sobraniye sochineniy knyazya P.A. Vyzemskogo*. St. Petersburg, 1886. Vol. X. (In Russ.)]
5. Греч Н.И. Путевые письма из Англии, Германии и Франции. Ч. 1–3. СПб., 1839. [Grech N.I. Putevyye pis'ma iz Anglii, Germanii i Frantsii [Travel letters from England, Germany and France]. Part 1–3. St. Petersburg, 1839.]
6. Дневник Екатерины Свербеевой за 1833 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1997. М., 1998. С. 7–37. [The diary of Ekaterina Sverbeeva for 1833. *Pamyatniki kul'tury. Novyye otkrytiya. Yezhegodnik*. 1997. Moscow, 1998. Pp. 7–37. (In Russ.)]
7. Зорин А.Л. Разлука с семьей весной 1797 года: двойная идентичность Михаила Муравьёва // Новое Литературное Обозрение. 2011. № 4. С. 188–201. [Zorin A.L. Separation from family in the spring of 1797: The double identity of Mikhail Muravyov. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2011. No. 4. Pp. 188–201. (In Russ.)]
8. Зорин А.Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М., 2016. [Zorin A.L. Poyavleniye geroya: Iz istorii russkoy emotsiyal'noy kul'tury kontsa XVIII – nachala XIX veka [The appearance of the hero: From the history of Russian emotional culture of the late XVIII – early XIX centuries]. Moscow, 2016.]
9. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Издание подготовили Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. М., 1984. [Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika [Letters of a Russian traveler]. Yu.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.A. Uspenskiy (preparation for publication). Moscow, 1984.]
10. Корсаков Н.А. Рассказ о путешествии по Германии, Голландии, Англии и Франции Н.А. Корсакова в 1839 году. М., 1844. [Korsakov N.A. Rasskaz o puteshestvii po Germanii, Gollandii, Anglii i Frantsii N.A. Korsakova v 1839 godu [The story of a trip to Germany, Holland, England and France N.A. Korsakov in 1839]. Moscow, 1844.]
11. Кросс Э.Г. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. СПб., 1996. [Cross A.G. U Temzskikh beregov. Rossiyanе v Britanii v XVIII veke [By the Banks of the Thames: Russians in Eighteenth-Century Britain]. N.L. Luzhetskaya (transl. from English). St. Petersburg, 1996.]

12. Мещерский А.П. Записки русского путешественника: Голландия, Бельгия и Нижний Рейн. М., 1842. [Meshcherskiy A.P. Zapiski russkogo puteshestvennika: Gollandiya, Bel'giya i Nizhniy Reyn [Notes of the Russian traveler: Holland, Belgium and the Lower Rhine]. Moscow, 1842.]
13. Миллер С.О. Эмс и дворяне России. М., 2008. [Miller S.O. Ems i dvoryane Rossii [Ems and the nobles of Russia]. Moscow, 2008.]
14. Оболенская С.В. Германия глазами русских военных путешественников 1813 года // Одиссей. Человек в истории, 1993 г. Образ «другого» в культуре. М., 1994. С. 70–84. [Obolenskaya S.V. Germany through the eyes of Russian military travelers of 1813. *Odissej. Chelovek v istorii*, 1993 g. *Obraz «drugogo» v kul'ture*. Moscow, 1994. Pp. 70–84. (In Russ.)]
15. Панофски Г. Приезд Карамзина в Берлин и его встреча с русским ветераном в Потсдаме // XVIII век. Сборник 26: Старое и новое в русском литературном сознании XVIII века. СПб., 2011. С. 254–286. [Panofski G. Karamzin's arrival in Berlin and his meeting with a Russian veteran in Potsdam. XVIII vek. Vol. 26: Old and new in the Russian literary consciousness of the XVIII century. St. Petersburg., 2011. Pp. 254–286. (In Russ.)]
16. Ростопчин Ф.В. Путешествие в Пруссию // Ростопчин Ф.В. Ох, французы! М., 1992. С. 17–71. [Rostopchin F.V. Travel to Prussia. *Rostopchin F.V. Okh, frantsuzy!* Moscow, 1992. Pp. 17–71. (In Russ.)]
17. Свербеев Д.Н. Мои Записки. М., 2014. [Sverbeyev D.N. Moi Zapiski [My Notes]. Moscow, 2014.]
18. Серман И.З. Где и когда создавались «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина? // XVIII век. Вып. № 23 / Отв. ред. Н.Д. Кочеткова. СПб., 2004. С. 194–210. [Serman I.Z. XVIII vek. Vol. 23. N.D. Kochetkov (ed.). St. Petersburg, 2004. Pp. 194–210. (In Russ.)]
19. Сиповский В.В. Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899. [Sipovskiy V.V. N.M. Karamzin, avtor «Pisem russkogo puteshestvennika» [N.M. Karamzin, author of “Letters of a Russian Traveler”]. St. Petersburg, 1899.]
20. Сорочан А.Ю. Туда и обратно: Новые исследования литературы путешествий и методология гуманитарной науки // Новое Литературное Обозрение. 2011. № 6 (112). С. 379–402. [Sorochan A.Yu. There and back: New studies of travel literature and the methodology of humanities. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2011. No. 6 (112). Pp. 379–402. (In Russ.)]
21. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. М., 1904. Т. VIII. [Khomyakov A.S. Polnoye sobraniye sochineniy [Full composition of writings]. Moscow, 1904. Vol. VIII.]
22. Чаядаев П.Я. Полное собрание сочинений и писем. М., 1991. Т. II. [Chaadayev P.Ya. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem [Complete works and letters]. Moscow, 1991. Vol. II.]
23. Gellerman S. Karamzin à Genève. Notes sur quelques documents d'archives concernant les “Lettres d'un voyageur russe”. *Facten und Fabeln Schweizerisch-slavische Reisebegegnung vom 18 bis zum 20 Jahrhundert*. Hrsg. von M. Bankowski, P. Brang, C. Goehrke, R. Kembale. Basel, Frankfurt am Main, 1991. Pp. 73–90.]

Статья поступила в редакцию 11.03.2019, принята к публикации 13.01.2020
The article was received on 11.03.2019, accepted for publication 13.01.2020

Об авторе / About the author

Батшев Максим Владимирович – научный сотрудник Центра информационного обеспечения и документации наследия, Российской научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, Москва

Maxim V. Batshev – researcher at the Center for Information Support and Documentation of the Heritage, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow

E-mail: bmv@list.ru

П.А. Рыбаков

Филиал «Угреша» государственного университета «Дубна»,
140090 г. Дзержинский Московской области,
Российская Федерация

Политика коллективизации и раскулачивания в Рязанском регионе и сопротивление крестьянства ее проведению

В статье на основе широкого использования документальных архивных материалов, а также материалов прессы представлена политика коллективизации и раскулачивания в Рязанском регионе на рубеже 1920–1930-х гг. Рассматривается процесс выработки политики коллективизации и раскулачивания в данном регионе вкупе с методами их проведения. Подробно анализируются основные формы и методы сопротивления крестьянства аграрной политике государства, их динамика и масштабы. В заключение подводятся итоги проведения коллективизации в Рязанском крае к концу первой пятилетки. Выбор региона связан с тем, что, вследствие своего географического положения (близость к столице), Рязанский край являлся испытательной площадкой для социально-экономических экспериментов, что придавало событиям особый драматизм, вызывало острую и быструю реакцию крестьянства на проводимые преобразования. Актуальность темы также обусловлена слабой изученностью в исторической литературе политики коллективизации в Рязанском крае.

Ключевые слова: Рязанский регион, коллективизация, раскулачивание, российская деревня, колхозы, крестьянство, налоговая политика в деревне, насилие, репрессии, крестьянское сопротивление

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рыбаков П.А. Политика коллективизации и раскулачивания в Рязанском регионе и сопротивление крестьянства ее проведению // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 33–45. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-33-45

P. Rybakov

Branch "Ugresha" of Dubna State University,
Dzerzhinsky, 140090, Moscow region, Russian Federation

The policy of collectivization and dispossession in the Ryazan region and the resistance of the peasantry to its implementation

In the article, based on wide use of documentary, archival materials, as well as press materials, the policy of collectivization and dispossession in the Ryazan region at the turn of the 1920s and 1930s is considered. It shows the process of developing a policy of collectivization and dispossession in the studied region, methods of their implementation. The author also analyzes in detail the main forms and methods of resistance of the peasantry to the agrarian policy of the state, their dynamics and scale. In conclusion, the results of the collectivization in the Ryazan region by the end of the first five-year period are summarized. The choice of the region was due to the fact that, thanks to its geographical location (proximity to the capital), this region was a test site for socio-economic experiments, which gave the events a special drama, provoked a sharp and rapid response of the peasantry to the changes being carried out. The relevance of the topic is also caused by the weak study in the historical literature of the policy of collectivization in the Ryazan region.

Key words: collectivization of the Ryazan region, dispossession of kulaks, Russian countryside, collective farms, peasantry, tax policy in the countryside, violence, repression, peasant resistance

FOR CITATION: Rybakov P.A. The policy of collectivization and dispossession in the Ryazan region and the resistance of the peasantry to its implementation. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 33–45. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-33-45

В июне 1929 г. была образована Московская область, в состав которой вошли 10 округов, в том числе и Рязанский. Рязанский округ включал Касимовский, Рыжский, Сасовский и Спасский уезды в их полном

составе, а также части Зарайского, Рязанского и Скопинского уездов. Округ подразделялся на 27 районов [11, с. XXXI].

Состоявшийся в ноябре 1929 г. пленум ЦК ВКП(б) в качестве первоочередной задачи поставил развертывание «сплошной коллективизации» [19, Т. 1, с. 746–764]. По замыслам партийного руководства страны коллективизированная деревня должна была обеспечить бесперебойное снабжение населения быстрорастущих городов необходимым продовольствием, стать источником людских и финансовых ресурсов для нужд индустриализации.

На 1 декабря 1929 г. в Рязанском округе в колхозы было объединено 28 тыс. (или около 7%) крестьянских хозяйств [14, с. 244]. В декабре того же года Московский областной комитет ВКП(б) под руководством К.Я. Баумана призвал завершить процесс коллективизации в Рязанском округе к весне 1931 г. [16, с. 681]. Но уже в январе 1930 г. на объединенном пленуме МК и МКК ВКП(б) К.Я. Бауман с трибуны озвучил новые цифры и новые сроки для округа: 75% коллективизированных хозяйств к весне 1930 г. [Там же, с. 682].

После таких установок темпы коллективизации в Рязанском округе стали стремительно расти. Если на 1 января 1930 г. в округе было коллективизировано 10,2% хозяйств, то к 1 марта – уже 75% [19, Т. 2, с. 321]. В некоторых районах процент коллективизации был еще выше. К 25 февраля 1930 г. Елатомский район коллективизировал 100% крестьянских хозяйств, Клепиковский – 98%, Тумский – 95,5%, Рязанский Южный – 94%, Старожиловский – 93%, Пителинский – 90,6%, Кораблинский – 84,4%, Михайловский – 84%, Ухоловский – 80,7%, Ерахтурский – 80,6%, Рыбновский – 80%, Ряжский – 79%, Кадомский – 75,5% [16, с. 285].

Начавшуюся коллективизацию активно поддерживали многие бедняки и маломощные середняки, нередко даже выступая в роли ее застрельщиков. Так, в поселке Красный Лесок Сараевского района Рязанского округа на собрании крестьян по вопросу о коллективизации бедняк С.Н. Козлов заявил: «Колхоз больше будет давать пользы государству, чем отдельное хозяйство» [Там же, с. 141]. На совещании бедноты Пронского района «все выступающие говорили о трудностях, но считали колхоз единственным путем для улучшения своего благосостояния» [9, с. 160].

Однако большинство крестьян не верили в возможности колхозов и отказывались в них вступать. Поэтому местные работники нередко прибегали к грубому најиму, насилию, угрозам, арестам. Так, в селе Алексеевка Сараевского района, проводя собрание по коллективизации, член бригады Шурчков обратился к присутствующим с такими словами: «Ваша деревня – кулацкая, упорно не идет в колхоз. У вас сплошь все

контрреволюционеры и кулаки, которые агитируют против колхозов» [12]. Тем, кто молчал на собрании, Шурчков говорил: «Ты враг мне и всем колхозникам» и запугивал людей так, что их «бросало в пот» [Там же]. Его угрозы вызывали действие: сразу после собрания село стало «коллективизированным» на 80% [Там же]. В селе Зимино Захаровского района уполномоченный по коллективизации Давыдов, приедя на собрание, вынимал из кармана наган и клал его на стол. За выступление против колхоза он арестовал двух женщин-беднячек и отправил их в районный административный отдел (милицию), где их задержали двое суток [16, с. 228]. В селе Ново-Чернеево Шацкого района работники сельсовета и уполномоченный райисполкома вызывали всех не вступивших в колхоз крестьян в отдельную комнату и «делали внушение» в виде угроз и запугиваний. В результате все село было коллективизировано, но настроение у крестьян «плохое» [Там же, с. 240]. В селе Калиновец Сасовского района уполномоченные по коллективизации Мясников, Сморчков и Дыков применяли грубый подход к населению: не желавших вступать в колхоз середняков вызывали и грозили отбором всего имущества и всевозможными репрессиями [Там же, с. 324].

К крестьянам, сопротивлявшимся вступлению в колхозы, применяли методы экономического нажима. В Кадомском, Пителинском, Александро-Невском и Северо-Рязанском районах по отдельным селениям лишали не вступивших в колхозы крестьян снабжения необходимыми товарами. В Сасовском районе руководство районной кооперативной базы распорядилось прекратить отпуск соли, керосина и других необходимых товаров всем крестьянам, не вступавшим по тем или иным причинам в колхоз [15, с. 13]. В Ермишинском, Пителинском, Шацком и Пронском районах в качестве воздействия к не вступившим в колхозы у них производились обыски с последующим изъятием (под видом сбора семфонда) всех зерновых, хлебных и фуражных запасов, налагались штрафы [16, с. 411].

Факты грубого администрирования при организации колхозов постоянно фиксировались органами Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). Так, в одной из спецсводок Рязанского окротдела ОГПУ от 8 марта 1930 г. говорилось: «Во всех положительно районах за основу работы по колхозстроительству работники мест брали нажим, администрирование, подменяя во многих случаях ими полностью агитразъяснительную работу. Многие уполномоченные, бригадники и сельсоветчики перегибали палку, как средством вовлечения в колхоз пользуясь запугиванием, арестами, экономическим нажимом» [Там же, с. 397]. Случаи насилия организаций колхозов, в том числе и в Рязанском округе, отмечал и руководитель Московской

областной организации К.Я. Бауман на III Пленуме МК ВКП(б) в марте 1930 г.: «Мы в ряде случаев, в ряде организаций имели явное попрание принципа добровольности... Например, в Ряжском районе Рязанского округа уполномоченный грозил населению лишением земли, ссылкой в Соловки, арестами за отказ войти в колхоз» [4, л. 71 об.].

Одновременно с коллективизацией на основании Постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. [20, с. 126–130] проводилась политика раскулачивания. В Рязанском округе она началась еще до выхода данного постановления. К 30 января только по шести районам Рязанского округа (Александро-Невский, Кораблинский, Пронский, Рыбновский, Ряжский, Старожиловский) было раскулачено 243 хозяйства [16, с. 161, 164–166]. Всего к середине февраля 1930 г., по сведениям секретаря Рязанского окружного комитета партии Н.Т. Тимофеева, в округе было раскулачено 1827 хозяйств [18, л. 63].

Еще в начале января 1930 г., выступая на объединенном пленуме МК и МКК ВКП(б), первый секретарь Московского областного комитета партии К.Я. Бауман давал следующие указания при проведении раскулачивания: «На основе постановления большинства деревни в районах сплошной коллективизации возможна полная или частичная экспроприация средств производства у кулака и передача их в неделимый фонд колхозов с последующим отведением раскулаченному кулаку худших земель на окраине или его выселением на другие, незанятые земли, или его использованием в качестве рабочей силы. Придется также в борьбе с злостно сопротивляющимся кулаком применять и прямые меры государственных репрессий, арестов, высылок, расстрелов и т.д.» [2, с. 11]. Похожие инструкции в отношении кулачества давались и на совещании секретарей райкомов ВКП(б) Рязанского округа в январе 1930 г.: «Я считаю, что надо кулаков выселить из их домов, а все имущество оставлять в доме» (секретарь Александро-Невского района тов. Туткин); «Мы кулакам не даем никакой земли – ни хорошей, ни плохой – и применяем больше всего метод выселения их из района» (секретарь Елатомского района тов. Чвоков) [16, с. 162]; «Мы считаем, что его [кулака] нужно заставить работать на пользу нам, посадить его на плохую землю, пусть он ее обрабатывает» (секретарь Ряжского района тов. Сморчков) [Там же, с. 166].

Подобные указания приводили к тому, что процесс раскулачивания нередко оборачивался обыкновенным грабежом, когда у раскулаченных производился отбор практически всех вещей. Так, бригады сёл Верея, Прудки и Дунино Клепиковского района при проведении

раскулачивания отбирали у крестьян такие вещи, как постельные принадлежности (часто единственныe), посуду, сало, моченые яблоки, варенье и т.д. [16, с. 275]. В селе Дубровичи Северо-Рязанского района в отдельных случаях дело доходило до отбора икон, детских игрушек [7]. В деревне Веряево Пителинского района в списки изъятых у кулачков вещей попадали деревянные гребешки, юбки, портнянки, пеленки и т.д. [15, с. 14]. Подобные факты признавало и окружное руководство. Выступая на совещании секретариата МК ВКП(б) 19 февраля 1930 г., руководитель Рязанского округа Н.Т. Тимофеев отмечал: «Раскулачивали кулацкие хозяйства так, что иногда им буквально ничего не оставляли» [18, л. 64].

Во многих районах округа раскулачивание проводилось часто ночью, в некоторых случаях выставлялись вооруженные заставы, дежурили патрули. Так, с 14 по 16 февраля 1930 г. в селе Черная Речка Сапожковского района раскулачивание проводилось ночами. На селе создалась паника. Крестьяне начали прятать имущество, зарывая его в сено, в навоз и просто в снег. Утром собаки таскали по улицам спрятанное по дворам мясо [16, с. 241]. В деревне Киселевка Южно-Рязанского района приехавший по заданию РИКа и РК ВКП(б) для раскулачивания начальник районного административного отдела Балашкин расставил на выходах из села пятерых привезенных с собой милиционеров, собрал бедноту и без всякого разъяснения заявил им, что приехал раскулачивать. Собранная беднота в панике разбежалась и бросилась прятать имущество [Там же].

Раскулачивание, осуществляемое форсированно и повсеместно, затронуло не только кулаков, но и средние и бедные слои деревни, слушающих, интеллигенцию. Так, в селе Кидусово Северо-Рязанского района рабочая бригада раскулачила 13 хозяйств, из коих попали под раскулачивание «один рабочий, три середняка, врач, фельдшерица и две учительницы» [16, с. 233]. Детей раскулачиваемых выбрасывали в холодные недостроенные помещения. В деревне Студеновка Шацкого района 20 февраля раскулачили середняка Ф.В. Ширенина. При раскулачивании у него были отобраны лошадь, корова и все хлебопродукты. Продивший раскулачивание председатель коммуны С. Ширенин говорил: «Раскулачили за то, что имел каменный амбар» [Там же, с. 325]. В селе Кривском Сараевского района раскулачили и постановили выселять за пределы района двух крестьян-бедняков за то, что они в раннем детстве были подкинуты к кулаку и воспитывались у него до 1918 г. [Там же, с. 370]. В селе Дубровичи Северо-Рязанского района раскулачили старуху, которая давно перешла со всем своим имуществом в хозяйство одной беднячки-колхозницы. Старуху раскулачили за то,

что до 1905 г. она имела небольшую торговлю [7]. По сведениям Рязанского окротдела ОГПУ, в январе 1930 г. по округу было зарегистрировано 17 случаев раскулачивания середняков, бедняков и интеллигентии, а в феврале уже 36 случаев [16, с. 275, 325].

Насильственная коллективизация и раскулачивание вызвали массовое недовольство и решительное сопротивление крестьянства, которое принимало как пассивные, так и активные формы.

Одной из наиболее распространенных пассивных форм протеста против коллективизации были убой и распродажа скота. В Рязанском округе убой и распродажа скота тоже приняли широкие масштабы, что постоянно отражалось в сводках ОГПУ. Так, в спецсводке Рязанского окротдела ОГПУ о ходе сплошной коллективизации от 14 января 1930 г. сообщалось: «Во многих селах продажа и убой принимают массовый характер» [Там же, с. 133]. В спецсводке приводились и конкретные случаи. Так, в селе Волынь Северо-Рязанского района в связи с коллективизацией происходил массовый убой скота. Всего было продано и зарезано 82 головы крупного и мелкого скота и лошадей [Там же, с. 138]. В селе Константиново Рыбновского района с 1 декабря 1929 г. было продано и зарезано «лошадей – 20 штук, коров – 70 штук, овец – 150 штук, свиней – 150 штук. У населения одно рассуждение: “Надо продавать, чем отдавать даром колхозу”» [Там же, с. 139]. В Ряжском районе количество голов скота (и мелкого, и крупного) сократилось на 20,1%. Если на 1 мая 1929 г. насчитывалось 4926 голов, то на 1 января 1930 г. осталось всего 3940. Снижение поголовья происходило за счет продажи и убоя скота и приходилось в основном на два последних месяца [Там же].

Сопротивление крестьянства государственному насилию в деревне перерастало во многих районах страны в массовые стихийные выступления, которые нередко выливались в вооруженные восстания. Однако эти выступления носили, как правило, локальный характер, были слабо организованы, чаще всего охватывали население одной или нескольких деревень, входивших в состав сельсовета, района, реже – нескольких районов. Массовые выступления были зафиксированы и в Московской области, в том числе в Рязанском округе. В мартовской справке информационного отдела ОГПУ по Московской области сообщалось: «В Рязанском округе антиколхозное движение приобрело особенную остроту, охватило десятки селений и сопровождалось убийствами и избиением местных работников и вооруженным сопротивлением оперативным группам, высыпаемым для изъятия контрреволюционного и кулацкого элемента» [19, Т. 2, с. 324]. В период с января по середину марта 1930 г. в Рязанском округе на почве коллективизации произошло

77 выступлений с общим количеством участников 25 082 человека [19, Т. 2, с. 326]. По количеству массовых выступлений Рязанский округ значительно опережал все другие округа Московской области [Там же].

Так, 19–20 февраля 1930 г. произошло выступление крестьян Казачьей и Черной Слобод Шацкого района, спровоцированное грубыми действиями местных работников при создании семфонда, а также неправильным раскулачиванием [16, с. 254]. Комсомольцы и бригадники при ссыпке семфонда вели себя грубо и вызывающе. Приехав к середняку Стрельникову, они кричали на него: «Отпирай амбар, сейчас будем все ссыпать». Бригадир Кургузов ударили кулаком по лицу женщину, которая препятствовала ему забирать семена. В селе Черной [Черная Слобода] было раскулачено несколько середняков; в частности, «у середняков Пентелькова и Селиванова было отобрано все до нитки» [Там же, с. 255]. Выступление, в котором участвовало до 300 человек, главным образом женщины, сопровождалось избиениями бригадиров, милиционеров. Волнение улеглось только после того, как ссыпка семфонда была прекращена [Там же].

Одним из самых массовых выступлений было выступление крестьян Пителинского района 22–26 февраля 1930 г. События начались 22 февраля 1930 г. в селе Веряево во время кампании по обобществлению семян. В ходе кампании отбирали не только семена, но и печенный хлеб. Восставших поддержали крестьяне соседних селений. В общей сложности в Пителинском и Тумском районах движением было охвачено 42 населенных пункта, а участвовало в беспорядках более 12 тыс. человек. Были разгромлены амбары с ссыпаным семенным зерном, поломан инвентарь, растасчен амбар с отобранными при раскулачивании вещами. За время волнений были убиты трое и ранены шесть сельчан, убит работник уголовного розыска, ранено восемь активистов [1, с. 89–90].

Другой острой формой протesta были террористические и диверсионные акты крестьянства против коммунистов, работников низового советского аппарата, сельских активистов и колхозников. По данным ОГПУ, в период с 1 января по 18 марта 1930 г. в Рязанском округе было зафиксировано 35 терактов. По виду совершаемых действий они распределялись следующим образом: убийства – 2 случая; покушения на убийство, избиения, ранения – 22; поджоги – 9; имущественные вредительства – 2 случая [19, Т. 2, с. 327].

Весьма распространенным методом активного политического сопротивления крестьянства являлся выпуск листовок и анонимок антikолхозного содержания. За период с января по середину февраля 1930 г.

в Московской области было выявлено 40 случаев распространения подобных листовок. Из них 14 листовок было учтено в Рязанском округе [17, с. 692]. Так, в селе Ирицы Шиловского района 7 февраля было обнаружено 4 экземпляра листовки со следующим призывом: «Товарищи, не ходите в колхоз, на весну будет война, и всех колхозников и коммунистов, комсомол будем вешать, обливать керосином и жечь. Товарищи, не ходите в колхоз, а дайте отпор коммунисту. Долой коммунизм и комсомол и его прихвостников!» [Там же, с. 701].

Массовое недовольство крестьян насилиственной коллективизацией заставило руководство страны несколько ослабить нажим. 14 марта 1930 г. вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе с искривлениями партийной линии в колхозном движении», в котором ЦК потребовал от парторганизаций прекратить насилиственную коллективизацию и исправить допущенные ошибки [19, Т. 2, с. 303–305]. Ошибки в деле колхозного строительства признавало и руководство Рязанского края. Выступая на пленуме окрискома в конце марта, уже новый руководитель Рязанского окружкома Ф.И. Козлов говорил: «Надо откровенно сказать, что во многих районах применялись безобразные методы коллективизации и раскулачивания. <...> Мало заботились о том, чтобы создать действительно прочные колхозы на основе добровольности, а гнались больше за количеством коллективных хозяйств. Раскулачивание проводилось без привлечения широчайших бедняцко-середняцких масс. В число раскулаченных подчас попадали середняки и даже бедняки» [10].

Кроме того, многие местные работники и организации были наказаны за «перегибы», допущенные в ходе сплошной коллективизации. К середине апреля 1930 г. в Рязанском округе было распущено 15 сельсоветов и партийных организаций, 64 человека уволены с работы, 23 районных руководителя и 131 человек сельских руководителей были привлечены к суду, более 10 человек окружного руководства лишились своих должностей в Московской области. 18 апреля 1930 г. с поста секретаря МК ВКП(б) был уволен К.Я. Бауман [3, с. XL].

Выход постановления ЦК от 14 марта привел к массовому оттоку крестьян из колхозов, который продолжался в течение нескольких месяцев. К 1 июня 1930 г. доля коллективизированных хозяйств в Рязанском округе составляла всего 8%, а на 10 августа – 7,9% [5, л. 59]. В колхозах остались в основном бедняки и маломощные середняки, которые, вступая в колхозы, надеялись с помощью государства улучшить свое бедственное положение.

Однако уже осенью 1930 г., несмотря на массовое недовольство крестьянства, ЦК ВКП(б) потребовал возобновить коллективизацию.

Состоявшийся в феврале 1931 г. В Пленум МК ВКП(б) поставил задачу довести уровень коллективизации в районах деятельности МТС до 40–50% [13, с. 447].

Между тем многие крестьяне по-прежнему отказывались идти в колхозы. Так, в Сараевском районе при обсуждении вопроса о коллективизации бедняк Арбатский говорил: «Пусть колхоз организуют те, кто хочет, я же лучше удавлюсь, но в колхоз не пойду» [6, с. 433]. Подобные настроения приводили к тому, что в отношении не желающих вступать в колхозы крестьян вновь стали широко использоваться угрозы и репрессии.

В 1931 г. была продолжена и политика раскулачивания. Так, в апреле 1931 г. из Рязанского района было выселено 78 хозяйств (435 человек). В ночь с 13 на 14 июля в том же районе было арестовано 228 кулаков (главы семей), а затем репрессированы и остальные члены их семей. В начале августа из района были выселены еще 92 кулацкие семьи [9, с. 145].

На конец 1932 г. уровень коллективизации в Московской области составлял всего 53,4% [Там же, с. 210]. В Рязанском крае он был еще ниже. Самые высокие показатели имели Шацкий район, где в колхозы было объединено 55% крестьянских хозяйств, и Рязанский район с уровнем коллективизации в 50%. Самые низкие показатели были у Ермишинского района – около 35% [8, с. 62].

Таким образом, колхозное движение в Рязанском крае имело противоречивый и драматичный характер. Наряду с добровольным движением крестьян в колхозы использовались принудительные и насилиственные методы вовлечения крестьян в колхозы, причем при явном преобладании последних. Ответной реакцией крестьянства на проведение политики сплошной коллективизации и раскулачивания становились протесты, принимавшие как пассивные, так и активные формы. Однако массовые протесты крестьян не смогли помешать планам центрального руководства страны и местных властей довести коллективизацию до конца. К концу первой пятилетки в колхозы региона было объединено около половины крестьянских хозяйств.

Библиографический список / References

1. Агарев А.Ф., Курышкин В.П. Рязанская история в событиях и лицах (1917–1993 гг.). Рязань, 2016. [Agarev A.F., Kuryshkin V.P. Ryazanskaya istoriya v sobityakh i litsakh (1917–1993 gg.) [Ryazan history in events and persons (1917–1993)]. Ryazan, 2016.]
2. Бауман К.Я. Социалистическое наступление и задачи Московской организации. Доклад на объединенном Пленуме МК и МКК ВКП(б), 6–10 января

- 1930 г. // Объединенный Пленум Московского комитета и Московской контрольной комиссии ВКП(б), 6–10 января 1930 г. М., 1930. С. 3–48. [Bauman K.Ya. Socialist offensive and the tasks of the Moscow organization. Report at the joint Plenum of the Moscow Committee and the Moscow Control Commission of the CPSU (B.), January 6–10, 1930. *Ob"yedinennyy Plenum Moskovskogo komiteta i Moskovskoy kontrol'noy komissii VKP(b), 6–10 yanvarya 1930 g.* Moscow, 1930. Pp. 3–48. (In Russ.)]
3. Виола Л. Коллективизация и Рязанский округ. 1929–1930 гг. // Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы. М., 1998. С. XXXIII–XLV. [Viola L. Collectivization and the Ryazan District. 1929–1930. *Ryazanskaya derevnya v 1929–1930 gg.: Khronika golovokruzheniya. Dokumenty i materialy.* Moscow, 1998. Pp. XXXIII–XLV. (In Russ.)]
4. Доклад тов. Баумана о весеннеей посевной кампании на III Пленуме МК ВКП(б), 26–28 марта 1930 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 20. Д. 210. Л. 63–100. [Report Comrade Bauman on the spring sowing campaign at the III Plenum of Moscow Committee of the CPSU(B.), March 26–28, 1930. *Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI).* Fund 17 (Central Committee of the CPSU(B.) VKP(b)). Inventory 20. Case 210. Sheets 63–100. (In Russ.)]
5. Докладная записка о недочетах колхозного строительства по Московской области (по материалам на 25 августа 1930 г.) // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3 (Московский комитет ВКП(б)). Оп. 11. Д. 901. Л. 28–59. [Memorandum on the shortcomings of collective farm construction in the Moscow region (based on materials as of August 25, 1930). *The Central State Archive of the City of Moscow. Department of Document Storage of the Socio-political History of Moscow.* Fund 3 (Moscow Committee of the CPSU(B.)). Inventory 11. Case 901. Sheets 28–59. (In Russ.)]
6. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации, 1927–1932 гг. / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М., 1989. [Dokumenty svidetel'stвuyut: Iz istorii derevni nakanune i v khode kollektivizatsii, 1927–1932 gg. [Documents testify: From the history of the village on the eve and in the course of collectivization, 1927–1932]. V.P. Danilova, N.A. Ivnitsky (eds.). Moscow, 1989.]
7. Емельянов Д. Вредные перегибы // За коллективизацию. 1930. № 29 (779). 7 марта. [Yemel'yanov D. Harmful excesses. *Za kollektivizatsiyu.* 1930. No. 29 (779). March 7. (In Russ.)]
8. Кирьянова Е.А. Деревня Центра России в 1933–1937 годах: социально-экономическое и политическое развитие. Рязань, 2004. [Kir'yanova Ye.A. Derevnya Tsentra Rossii v 1933–1937 godakh: sotsial'no-ekonomicheskoye i politicheskoye razvitiye [Village of the Center of Russia in 1933–1937: Socio-economic and political development]. Ryazan, 2004.]
9. Кирьянова Е.А. Коллективизация деревни Центра России (1929–1932 годы). Рязань, 2006. [Kir'yanova Ye.A. Kollektivizatsiya derevni Tsentra Rossii (1929–1932 gody) [Collectivization of the village of the Center of Russia (1929–1932)]. Ryazan, 2006.]
10. Козлов Ф.И. Выступление на расширенном пленуме окрискома. 23 марта 1930 г. // Ленинский путь. 1930. № 71. [Kozlov F.I. Speech

- at the enlarged plenum of the executive committee. March 23, 1930. *Leninskiy put'*. 1930. № 71. (In Russ.)]
11. МакДоналд Т. Из прошлого рязанской деревни // Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы. М., 1998. С. XXII–XXXII. [McDonald T. From the past of the Ryazan village. *Ryazanskaya derevnya v 1929–1930 gg.: Khronika golovokruzheniya. Dokumenty i materialy*. Moscow, 1998. Pp. XXII–XXXII. (In Russ.)]
 12. Образец беззакония // Крестьянская газета. 1930. № 30. 16 апреля. [Sample of lawlessness. *Krest'yanskaia gazeta*. 1930. No. 30. April 16. (In Russ.)]
 13. Очерки истории Московской организации КПСС. Кн. 2. Ноябрь 1917–1945. М., 1983. [Ocherki istorii Moskovskoy organizatsii KPSS. Kniga 2. Noyabr' 1917–1945 [Essays on the history of the Moscow organization of the CPSU. Book 2. November 1917–1945]. Moscow, 1983.]
 14. Очерки истории Рязанской организации КПСС. М., 1974. [Ocherki istorii Ryazanskoy organizatsii KPSS [Essays on the history of the Ryazan organization of the CPSU]. Moscow, 1974.]
 15. Попов П. «В два счета» коллективизировали деревню // Коллективист. 1930. № 6. С. 13–14. [Popov P. "In two accounts" collectivized the village. *Kollektivist*. 1930. No. 6. Pp. 13–14. (In Russ.)]
 16. Рязанская деревня в 1929–1930 гг.: Хроника головокружения. Документы и материалы. М., 1998. [Ryazanskaya derevnya v 1929–1930 gg.: Khronika golovokruzheniya. Dokumenty i materialy [Ryazan village in 1929–1930: Chronicle of dizziness. Documents and materials]. Moscow, 1998.]
 17. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1932–1934 гг.): Сб. документов. Т. 8: 1930. Ч. 1. М., 2008. [«Sovershenno sekretno»: Lubyanka – Stalinu o polozhenii v strane (1932–1934 gg.) ["Top Secret": Lubyanka – to Stalin about the situation in the country (1932–1934)]. Collection of documents. Vol. 8: 1930. Part 1. Moscow, 2008.]
 18. Стенограмма совещания при секретариате МК ВКП(б) о ходе весенней посевной кампании и коллективизации в Московской области 19 февраля 1930 г. // Центральный государственный архив города Москвы. Отдел хранения документов общественно-политической истории Москвы. Ф. 3. Оп. 12. Д. 136. Л. 63–66. [Transcript of the meeting at the secretariat of Moscow Committee of the CPSU(B.) on the progress of the spring sowing campaign and collectivization in the Moscow Region on February 19, 1930. *The Central State Archive of the City of Moscow. Department of Document Storage of the Socio-political History of Moscow. Fund 3. Inventory 12. Case 136. Sheets 63–66*. (In Russ.)]
 19. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: документы и материалы: в 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М., 2000. [Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivaniye. 1927–1939. Dokumenty i materialy [The tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession. 1927–1939. Documents and materials]. In 5 vols. Vol. 1. May 1927 – November 1929. Moscow, 1999. Vol. 2. November 1929 – December 1930. M., 2000.]

Статья поступила в редакцию 02.05.2019, принятая к публикации 30.12.2019
 The article was received on 02.05.2019, accepted for publication 30.12.2019

Об авторе / About the author

Рыбаков Павел Александрович – кандидат исторических наук; доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, филиал «Угреша» Государственно-го университета «Дубна», г. Дзержинский Московской области

Pavel A. Rybakov – PhD in History; Associate Professor at the Department of General Education, Branch “Ugresha” of Dubna State University, Dzerzhinsky, Moscow region

E-mail: rybakov_ok@mail.ru

Всеобщая история

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-46-63

Ю.В. Куликова

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Культ Sol в Древнем Риме (с древнейших времен до реформы Элагабала)

Солярный культа можно обнаружить в религиозных верованиях многих народов. В Риме поклонение Солнцу зафиксировано с древнейших времен, но, к сожалению, античные авторы оставили нам о нем лишь разрозненные упоминания. Значение культа Sol возрастало с трансформацией системы управления, а также под влиянием эллинизма и проникающих в римское мировоззрение восточных культов. В процессе своей эволюции культа Sol стал частью императорского культа, позволяя обосновать усиливающуюся власть императора. Однако в правление императора Элагабала сущность римского Sol была извращена введенными восточными ритуалами нового официального культа.

Ключевые слова: Sol, Invictus, Элагабал, Рим, Восток, Вечность, императорский культа, эллинизация, император

для ЦИТИРОВАНИЯ: Куликова Ю.В. Культ Sol в Древнем Риме (с древнейших времен до реформы Элагабала) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 46–63. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-46-63

Yu. Kulikova

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

The cult of Sol in Ancient Rome (from ancient times to the reform of Elagabal)

The Solar cult can be found in the religious beliefs of many peoples. In Rome, the worship of the sun has been recorded since ancient times, unfortunately, the ancient authors left us only scattered mentions. The Importance of the cult of Sol grew with the transformation of the system of control, under the influence of Hellenism and penetrating the Roman worldview Oriental cults. In the course of its evolution, the cult of Sol became the part of the imperial cult, allowing to justify the emperor's increasing power. However, in the reign of the emperor of Elagabal the essence of the Roman Sol was perverted by the oriental rituals of the new official cult.

Key words: Sol, Invictus, Rome, Elagabalus, East, The Hellenistic period, Aeternitas, Imperial cult, Emperor

FOR CITATION: Kulikova Yu.V. The cult of Sol in Ancient Rome (from ancient times to the reform of Elagabal). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 46–63. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-46-63

Солярный культ (от лат. *solaris* – солнечный) – одно из древнейших религиозных верований. Важность его изучения заключается в том особом влиянии, которое этот культ оказал на официальную религиозную политику римских императоров и, главное, в формировании культа Sol Invictus Imperii Romani, установленном императором Аврелианом, и христианства.

Согласно археологическим данным, почитание Солнца появилось в период неолита, главным образом у земледельцев, ведь произрастание растений и урожайность напрямую зависят от «милости» небесного светила. Многие народы поклонялись Солнцу как божеству, с одной

стороны, дающему свет и тепло, а с другой – карающему. Недаром правители не просто сравнивали себя с дневным светилом, но и напрямую олицетворяли себя с ним. Не стали исключением и римляне.

В нашем распоряжении не имеется достоверных данных о древнейших культурах римской религии. Все, что у нас есть в изложении античных авторов, является лишь отголосками реальных фактов о ранних римских верованиях. Известно, что характерными чертами римского религиозного воззрения был не только дуализм богов, но и огромное их количество. Не все из них играли значительную роль в жизни римлян, некоторые боги считались тайными покровителями конкретного дома, фамилии или частного лица.

Как отмечал французский историк Н.Д. Фюстель де Куланж, римляне исповедовали религию, нашедшую богов не в явлениях природы, а в самом человеке; при этом объектом поклонения была некая невидимая духовная сила внутри самого человека, которая оживляет тела и управляет ими [16, с. 31]. Это был, по выражению Е.М. Штаерман, «полидемонизм», своеобразное видение мира, где все действия представляются переплетением различных сил [10, т. I, с. 107].

Вполне вероятно, что среди всех наслоений можно обнаружить следы культа Sol, уходящие глубоко в древность. Но здесь также стоит учитывать, что римляне порой не воспринимали богов с одинаковыми именами, но с разными эпитетами как одних и тех же. Кроме того, характерной особенностью некоторых культов была ограниченность их действия, т.е., подобно Афине Палладе из Афин, покровительствовавшей только афинянам, кульп бога Солнца также мог иметь разные источники и влияние.

Еще одним отголоском поклонения Солнцу может быть поклонение огню – своеобразный переход от небесного к земному. Ведь даже в древнем Иране, несмотря на предпочтение огня в зороастризме, головные уборы в виде тиар имели лучи, видимо, символизирующие солнце. Подобные лучи изображены на коронах римских императоров в иконографии монет. Примечательно, что благочестивый Эней, прародитель основателя Рима, возносит молитвы Солнцу, а жрец, принося жертвы и прося о покровительстве, использует огонь:

*Жрец поросенка ведет и овцу, не знавшую стрижки,
В жертву богам, к алтарям, где пылает жаркое пламя.
Взоры очей обратив восходящему солнцу навстречу,
Головы жертв посыпают цари соленой мукой,
Метят их острым клинком и творят на алтарь возлиянье.*

[42, XII, 170–174]

Огонь оставался единственным понятным для человека божеством. Фюстель де Куланж утверждал, что об огне можно говорить как о человеке, поскольку у него, как и у человека, двойственная природа – физическая и нравственная. В первом случае он обладает способностью к рождению, жизни, движению, во второй – очищает, «наставляет на путь добра» [16, с. 28–29]. И хотя французский исследователь говорил об огне очага, думается, это вполне можно отнести и к огню вообще, ведь огонь возжигался на алтарях, в светильниках. Интересно, что масляные глиняные светильники на своей верхней части имели изображение Sol. Огонь стал посредником между человеком и божествами природы, на него была возложена функция доносить небесам молитвы и жертвоприношения и приносить оттуда людям божественные милости [Там же, с. 29]. И этот аспект чрезвычайно важен в свете последующей эволюции культа Sol.

Изначально Рим был сельской общиной, где игравшие ключевую роль в жизни сельчан сельскохозяйственные работы ориентировались на лунный календарь, а важное место было отведено церемониям в честь богов-покровителей, но главное – дням солнцестояния. Интересно, что участниками таких церемоний могли быть как мужчины, так и женщины. Так, Сервий Туллий сделал основными празднествами Сатурналии, выпадавшие как раз на дни зимнего солнцестояния. Однако, пока лунный календарь оставался основным в жизни римского общества, солярный культ не играл существенной роли.

Римский писатель и ученый-антиквар Марк Теренций Варрон сообщает, что куль Sol, наряду с другими, был установлен для почитания соправителем Ромула сабинянином Титом Тацием после объединения двух племен [40, V, 68, 74]. Также известно, что сабинский род Аврелиев имел своим покровителем бога Sol и даже являлся хранителем алтаря, посвященного ему [20, S. 22]. В таком ракурсе этот культ воспринимается как незначительный и покровительствовавший исключительно упомянутому роду. Возможно, возвышение культа Sol произошло не только из-за необходимости религиозного единства двух племен, но и в процессе формирования патрицианских родов Рима, чьему способствовала политика римских царей. Например, реформы Нумы Помпилия были направлены на формирование общего пантеона богов-покровителей ремесленных коллегий и сельскохозяйственных работ, поэтому куль Sol не должен был исчезнуть.

Солнце почиталось и у латинов. Так, дочь мифологического царя Латина олицетворялась с дочерью бога Солнца Цирцеей [42, XII, 161–4]. При этом ее прибежище располагалось неподалеку от Рима, а алтарь Sol

стоял в Numicius [35, III, 56], где располагались святыни латинов и откуда ведет свое начало один из патрицианских родов. С другой стороны, Sol – покровитель колесниц и лошадей, его символом является квадрига, тогда как бига ассоциировалась с луной [38, IX, 3]. В «Энеиде» Вергилия есть интересные строки:

*Тою порой показались цари: в колеснице-квадриге
Едет могучий Латин, и венец на челе его блещет
Яркий, о дважды шести лучах золоченых, – отличье Внуков Солнца.*

[42, XII, 161–4]

Ясно видно, что Вергилий указывает не просто на древнейшее почитание Солнца и существование культа, а на некую родственную связь с божеством. В таком случае неверно говорить, что кульп Sol являлся прерогативой сабинского рода Аврелиев. Связь культа с царским домом латинов указывает на его особый статус, хотя мы и не знаем, насколько он почитался в латинском союзе.

Sol эпохи древности был скорее отражением почитания предков у римлян и выступал как Sol Indiges [31, VIII, 9; 42, VII, 678–680, XII, 794]. Вероятно, на каком-то этапе становления культов в Риме в процессе объединения общин разных итальянских народов произошло слияние культа Sol и Indiges. Индигеты древних римлян представляли собой местных богов, которые некогда жили в Лациуме как люди, но после смерти стали покровителями населения. Первым обожествленным предком стал основатель Рима Ромул, образ которого отражал государство в целом. Поскольку этимология термина “indiges – indigetes” до сих пор дискуссионная, переводить его буквально не стоит. Думается, что контекст подразумевает именно предков в общем значении государственных покровителей и защитников, ведь Теренций Варрон упоминает Sol в числе других индигетов – Vesta, Salus, Fontis, Fortuna, Fides, которым были воздвигнуты алтари Титом Тацием [40, V, 74], а среди них особого почитания удостаивались Saturnus, Soli, Luna, Volcano и др.

К числу индигетов также относятся Пика, Фавна, Интерцидона, Энея, отчасти Эвандра, Геркулеса, Кастора и Поллукса. Как Ромул после смерти становится богом Квирином, а царь Латин – Юпитером Латийским (Latiaris), так и Эней, исчезнувший после битвы на берегах Нумика, стал призываться в молитвах как Deus Indiges. Поскольку нередко индигеты объединяются и отождествляются в преданиях и молитвах с ларами и пенатами, то, видимо, и кульп Sol зачастую имел местное значение, а потому для его отправления не существовало определенных правил, атрибутов и обязательных традиций. Несмотря на то что многие патрицианские роды претендовали на происхождение от богов или боже-

ственных героев, это, по мнению Е.М. Штаерман, не привело к формированию целостной части гентильной мифологии [10, т. I, с. 154].

Существование нескольких священных мест и алтарей для почитания солярных божеств, где в свое время приносились жертвы, лишний раз свидетельствует о том, что единого дня празднования Sol не было, а представление о едином солярном божестве еще не сформировалось. При этом говорить, что этот кульп был чисто сабинским или чисто латинским, на данном этапе нельзя. Вероятно, в древности каждое из племен имело свой солярный кульп, со своими атрибутами и своим назначением, но складывание римской цивитас на начальном этапе способствовало сближению религиозных представлений, что было необходимо для идеологического единства. Свидетельством тому могут служить реформы Ромула и Нумы Помпилия.

Согласно сведениям античных авторов, в Circus Maximus находились древние храмы богов Солнца и Луны. Реконструированный Храм Солнца можно увидеть на монетах императора Траяна [39, р. 575]. Такой же храм (*parvilar*) располагался и на Квиринале [14, XV, 74; 38, VIII, 1] – холме, заселенном сабинами. Наличие следов поклонения на Квиринале кульп Sol Indiges датируется III–II вв. до н. э. [19, S. 5–6]. Таким образом, кульп Солнца, объединенный с кульпом предков, вышел за рамки отдельных общин и стал постепенно утрачивать локальное и обретать общегосударственное значение.

Указание на то, что Sol проникал в мифологию и почитался под разными именами и ипостасями, присутствует в мифологической традиции, иконографии и эпиграфике. Так, известный греческий миф о Тесее и Ипполите имеет свое продолжение. Фактически уничтоженный Посейдоном, Ипполит являлся, по мнению Дж. Фрэзера, олицетворением Солнца [15, с. 6]. Спасенный Дианой и воскрешенный Асклепием, он был перенесен в Италию под именем Вирбия, где стал царем Ариция, а уже его сын выступил против Энея и его спутников вместе с другими латинянами [42, VII, 761].

Гораздо позднее в посвятительных надписях императоров встречаются ассоциации богов с Sol [24, VI, 31181]. Действительно, сближение образов Юпитера и Sol происходило еще с времен Республики. Юпитер произошел от праиндоевропейского божества дневного света Dyeus phter, наименование которого, по сути, является реконструкцией из более поздних индоевропейских языков [30]. В римской мифологии – это бог-отец, и, соответственно, он связан с солярным кульпом. Согласно теории Ж. Дюмезиля, Юпитер – индоевропейский бог магической царской власти в древней триаде Юпитер – Марс – Квирин, ведь в песнях салиев его эпитет Луцетий (от лат. lux – свет) [25, р. 168].

Становление римской цивитас сопровождалось формированием пантеона, в который вошли боги латинов, сабинов и этрусков. Безусловно, самыми важными были божества-покровители самой цивитас, урожая, благополучия и т.п. Теренций Варрон в I в. до н.э. упоминает о 12 главных богах (*Dii Consentes*), что, судя по числу, имеет параллели и с греческой мифологией. Среди этих *Dii Consentes*, призываемых земледельцами, упоминается и *Sol*, который вместе с луной ведает временем сельскохозяйственных работ [42, I, 1, 4–5]. Вероятно, был период, когда с упразднением царской власти культ *Sol* стал терять свое прежнее значение, но под влиянием схожих культов, эллинизма и проникновения восточных культов смог обрести еще более широкие функции. Недаром намного позднее Макробий будет олицетворять *Sol* с Янусом, являвшимся не только богом всякого начала, но и богом времени [33, I, 9].

Древнеримские гонки на колесницах имели своим покровителем одного из самых непобедимых божеств – Солнце. Впоследствии этот факт стал отображаться в иконографии монет, на которых *Sol* изображался в квадриге. Вспомним, что полководец-триумфатор обязательно восседал на квадриге. Так что традиции триумфального шествия, безусловно, имели отношение к культу *Sol*, хотя и смешались с культурами Марса и Юпитера. Видимо, и число 4 играло особую роль. Эта тенденция могла исходить из пифагорейства, в котором это число не просто символизирует равновесие и постоянство бытия, а устанавливает нормы и правила, порядки и даже традиции, которым будут следовать. Подобное обоснование вполне соответствовало формирующемуся новому образу правителя. С трансформацией *Sol* связано много изменений, происходивших в самом обществе, в результате чего гентильные культы постепенно отходили на второй план [10, т. I, с. 122].

Особо важную роль в римском религиозном мировоззрении культ *Sol*, подпитанный эллинистическими тенденциями и политическим кризисом в Римской республике, также способствовавшим трансформации идеологии и созданию образа нового лидера, играл в последние века до нашей эры и в первые три века нашей эры.

Как утверждают некоторые исследователи, собственное мифотворчество итальянских народов полностью прекратилось с окончательным объединением Италии под властью Рима [Там же, с. 153], и все-таки вплоть до I в. до н.э. римское религиозное мировоззрение и пантеон продолжали процесс установления культов богов итальянских народов, причем происходило это в условиях сильного влияния греческой и эллинистической религии.

Превращение Рима в средиземноморскую державу повлекло за собой проникновение не только греческой религии, но и восточных культов,

оказавших существенное влияние на римское религиозное мировоззрение. Именно тогда на республиканских монетах появляется изображение Sol в квадриге и лучевой короне [43, Syd., 487]. Это явный образ триумфатора, с одной стороны, и образ Рима – владыки мира подобно Солнцу – с другой. Недаром Вергилий упоминает о предназначении римлян править миром, ведь Юпитер, изображенный на монетах, также восседает в квадриге [Там же, 490]. Подобная иконография имеет достаточно глубокие корни, в частности изображение Митры в анфас и в квадриге датируется III в. до н.э. [12, с. 279–281], хотя распространение культа Митры в Риме приходится на I в. до н.э., попав на благодатную почву происходивших в римском обществе политических изменений и духовных исканий [9].

Религиозные культуры Рима подверглись сильному влиянию эллинизма. Гелиос, не слишком популярный в греческом мире, а также Аполлон, несмотря на существование первого божества, передали свои функции, в частности, Sol и Митре, эллинизированный культ которого имел лишь отдаленное отношение к иранскому Митре. А ведь Митра – это справедливость, воплощенная в солярном культе. Именно тенденция сближения Митры и Солнца, вероятно, отраженная в мифе о примирении, стала фактором, который приобретет огромное значение в культе Sol Invictus Imperii Romani императора Августа.

Фактически, не успев обрести целостность, римская религия уже не удовлетворяла требованиям населения в условиях кризиса республиканского правления и становления новой системы – принципата. Многочисленные восточные культуры стали заполнять духовную лакуну, возникшую в этот период, и постепенно адаптироваться в римском пантеоне. Происходило слияние римских и восточных культов, смешение атрибутов и функций богов, которые подчас переносились на какого-либо одного бога, и все чаще этот бог связывался с солнцем. Такое положение дел открывало все больший простор для монотеистических тенденций. Об этом свидетельствуют популярность иудаизма в самом Риме и распространение культа Митры. Недаром культ Юлия Цезаря носил черты мессианства, характерные для митраизма.

Цицерон в своем трактате пишет о движении Солнца как разуме мира, размышая при этом о вечном Боге [23, VI, 3,1; 4,2; 8,2; 33, I, 12,14]. И это не случайно. Наступил период, когда культ Солнца как природного элемента трансформируется в солярный, в котором свет наполняется идеей божественности, становится символом власти и победы, олицетворением закона и справедливости. Политические изменения в римском обществе способствовали формированию культа, отвечающего новой, зарождающейся государственной структуре власти.

Возышению солярного культа в немалой степени способствовали и действия Юлия Цезаря, который 9 августа 48 г. до н.э. в честь победы в битве при Фарсале [36, 1, 7, 12] принес жертву *Sol Indiges*. Этот факт говорит о том, что культ *Sol* прошел длительный путь и занял важное место в реформе Цезаря, которую продолжил Октавиан Август для религиозного обоснования правления рода Юлиев. В фастах также отмечено празднование *Sol Indiges* 11 декабря, а 26 августа – совместное почитание *Sol* и *Luna* [21, р. 256–278].

В связи с этим весьма примечательны события, связанные с реформой календаря, когда был установлен день официального почитания *Sol*. Первая подобная реформа календаря с переходом к солнечному году приписывается царю Нуме Помпилию. Следующие изменения были внесены децемвирами в период Ранней республики, но только Юлию Цезарю удалось устраниТЬ хронологическую путаницу между календарями Рима, доведя год до 365 дней [4, с. 293], а 25 декабря стало днем празднования *Dies Natalis Solis Invicti* (скорее всего, празднество длилось от дня зимнего солнцестояния). Здесь мы впервые сталкиваемся с одним из эпитетов, обычно прилагаемых к восточным божествам, в частности к Митре, праздникование которого также выпадает на этот день. Например, *Invictus*, соотнесенный с богом Солнца, был эпитетом римских божеств в надписях и монетных легендах: *Bona Dea*, Геракла, Сильвана, Сатурна, Дианы, Юпитера, Марса, персонифицированных Виртуса, Героя – фракийского всадника [17, с. 270]. Проблема в том, что одни боги покровительствовали военным, другие являлись борцами со злом, третьи были связаны с благополучием, процветанием и временем. Последние обычно представлены с эпитетом Вечности, начиная с персонификации *Aeternitas* эпохи Флавиев [39, Ves., 20–21, Tit., 441, Domit., 665, 929], изображавшейся с бюстами Луны и Солнца, и культа *Roma Aeterna*, введенного императором Адрианом [Там же, Hadr., 265], а также персонификациями *Victoria*, *Virtus*, *Pax*, *Felicitas* [17, с. 269]. Персонифицированный же образ Солнца появляется на монетах Антония, и, как предполагает М.Г. Абрамзон [1, с. 322], значительное влияние на этот образ оказала галльская чеканка.

Римское религиозное мировоззрение на рубеже эр переосмысливает образ и культ *Sol*. Правитель приобретает ореол неразрывной связи с богами и становится божественным – *divus*. Важной тенденцией является его прямое олицетворение с Солнцем, которое, в свою очередь, становится воплощением справедливости, постоянства и заключает в себе разум существующего мира [Там же, с. 383]. Именно в этом качестве Солнце становится частью пропаганды власти Юлиев–Клавдьев, а императоры изображаются в лучевых коронах. Персонифицирован-

ная вечность – *Aeternitas* – появляется в монетных легендах императоров, символизируя неразрывную связь между «вечным городом» Roma Aeterna и правителем. Как отмечает Абрамзон, легенда *Aeternitati Avg* на монетах Нерона как раз и связывала идею Вечности с Солнцем, пропагандируя наступление «золотого века» [1, с. 382], а Веспасиан делает лозунг Вечности частью императорского культа [Там же, с. 406]. Культ *Sol* продолжает пропагандироваться на монетах, ассоциируясь с благополучием и изобилием счастливой эпохи правящего императора, и уже Адриан и Антонин Пий распространяют его на все государство с легендой *Aeternitas imperii* [Там же, с. 343], стремясь показать постоянство правления и стабильность государства.

Вероятно, на рубеже эр мы видим характерное для эпохи отождествление и перенесение образа, функций, атрибутов с одного бога на другого, как в случае с *Sol*, избранным в качестве Пантея. Таким всеобщим богом должен был стать император, для этой цели и формировался императорский культ. Октавиан Август и Тиберий стремились сделать римскую религию вновь целостной, способной объединить империю. Этой же цели добивались и другие императоры: династия Северов, Аврелиан, Константин, – пытавшиеся нащупать новую духовную опору в условиях политического кризиса и проводившие религиозные реформы.

Установление новой системы управления требовало формирования нового образа императора, который явно сближался с эллинистическими царями. Солярный культивировал положение императора: близость и одновременно недостижимость; дарующее и одновременно карающее; единственное в своем роде, но на которое и глаз поднять невозможно – ослепит своим величием. Солнце разгоняет тьму, которая неизбежно ассоциируется со злом, его невозможно победить, что формировало представление о непобедимости императора.

Действительно, пропаганда Октавиана Августа четко обозначала наступление «золотого века» в земной жизни, когда делами неправедности, нечестности занимался принцип. Как указывает Штаерман, в этих условиях поиски первопричин зла и методов борьбы с ним переходят в сферу религиозную, в которой именно боги определяют этические принципы сосуществования [10, т. I, с. 178]. Вера в Гения определяла возможность существования божественной искры в каждом, а всеобщее поклонение Гению императора наделяло последнего божественностью. Он, как и боги, знал о деяниях и намерениях каждого и мог справедливо судить. Нужно сказать, что истинная вера включала в себя полное принятие предложенного миропонимания. Но, едва вписавшись в религиозное мировоззрение, императорский культивировался с другими местными культурами [13, с. 84–85].

Этот период определяет особую роль культа Sol, оказавшего влияние на императорский культив и сформировавшего восприятие личности императора, который, подобно восточным царям, олицетворялся с Солнцем. Sol получает эпитет *Invictus* [20, S. 17], что сближает его с Митрой, который также имел тесную связь с Солнцем, отраженную в соответствующей мифологии [10, т. II, с. 205]. Необходимо учитывать, что в Авесте Митра – ни солнце, ни луна, а его сближение с Солнцем и становление в качестве солярного божества происходило именно в римском митраизме.

Дион Хризостом отмечал, что Солнце постоянно трудится на общее благо, никогда не пренебрегает заботой о людях [22, III, 57, 73]. Неудивительно, что императорский культив, связывая правление императора с божественными силами и олицетворяя безмерную и повсеместную власть, воплотился также в образе Sol. В императорском культиве сочетались культив героя, культив правителя и культив власти, но было в нем и нечто большее. Как упоминает Светоний, император Нерон приказал воздвигнуть себе колоссальную золотую статую в образе бога Аполлона [3, I, 19, 12–13; 7, LXV, 15, 1; 37, Nero, XXXI, 1]. Попытки реконструкции рисуют нам позолоченный колосс императора в лучевой короне с земным шаром в одной руке и скипетром в другой. Все ясно указывает на то, что это был уже синкретичный культив Sol и Аполлона, который Нерон пытался воплотить в собственном образе. Подтверждением тому служит другое изображение императора Нерона в образе бога Солнца, помещенное на картине [35, XXXV, 31].

Значение культа Sol возрастает по мере укрепления власти римских императоров. Плиний Старший утверждает, что Солнце является самой важной вещью на свете [Там же, XXXIV, 45]. Дион Хризостом сравнивает царя с положением Солнца [22, III, 81–82], ведь движение его постоянно, как и власть правителя. Согласно сообщению Светония, император Веспасиан практически унифицировал Sol, чей персонифицированный образ стал фигурировать на монетах [37, Ves., XVIII], на которых сам император выступал как *Invictus* в образе Геркулеса. Таким образом, во II в. автохтонное божество Солнца фактически затмило восточные божества. Известно, что самой ранней на данный момент надписью, связывающей легенды *Invictus* и Sol с императором, является надпись на бронзовом орнаменте, датируемая II в.: INVENTORI LUCIS SOLI INVICTO AUGUSTO [28, р. 383], а надпись “*Soli Invicto deo / ex voto suscepto / accepta missione / honesta ex nume/ro eq(uitum) sing(ularium) Aug(usti) P(ublius) / Aelius Amandus / d(e)d(icavit) Tertullo et / Sacerdoti co(n)s(ulibus)*” [24, VI, 715] указывает на проникновение культа в военную среду. Стоит учитывать и тот факт, что эпитет

“*invictus*” применялся к Митре в личных надписях, сделанных его почитателями [5]. Однако, несмотря на то что значительное количество восточных культов практиковалось среди римских легионов, только культ Sol Invictus был официально одобрен и специально предписан для армии [29, р. 456]. А император Коммод присвоил этот титул себе [3, VII, 11, 8; 7, LXXIII, 15]. Лучевая корона становится важным атрибутом власти императоров, Антонина Пия окружает аура, а легенда *Pietus* связывает с предками-индигетами [1, с. 267, 373].

Именование Sol Invictus применялось и к некоторым другим солярным божествам в этот период. В частности, в одной надписи культ Юпитера Долихена упоминается вместе с Sol Invictus [24, VI, 31181], что свидетельствует о попытках сохранить традиционные культуры. Антонин Пий использовал на монетах легенду Sol Pacator – Умиротворитель, указывавшую не только на карающие функции Солнца. Однако как регулярная легенда Sol Invictus, без конкретизации субъекта, появляется на монетах в период возвышения Септимия Севера [29, р. 470, 479].

Нужно понимать, что Sol эпохи Республики и эпохи Империи – это совершенно разные культуры. Sol Indiges как автохтонный культ, по мнению некоторых исследователей [20; 34], исчез к моменту установления принципата, а Sol, который затем примет эпитет *Invictus*, пришел с Востока, из Сирии в эпоху Антонинов. В подтверждение приводится упоминание Апулеем среди чужеземных богов Sol [18, XI, 5], но это свидетельствует лишь о том, что схожие функции имели божества как в Риме, так и на Востоке, а воспринятый Элагабалом культ радикально отличался атрибутами и обрядами от привычных римлянам.

После того как гражданская война 193–197 гг. продемонстрировала полярность интересов политических сил общества, начинается новый этап духовных поисков. Попытки воссоздания династической преемственности и сильной центральной власти приходятся на время правления Северов, идеологически опиравшихся на эволюционировавший императорский культ. Стремление Септимия Севера усилить властные позиции императорской власти обусловило необходимость трансформации императорского культа.

В Рим проникает сирийское христианство, в доме императора появляется христианский учитель, и даже сама Юлия Домна названа «благочестивой» [26, VI, 21], но все же особое предпочтение отдается именно солярным культурам и митраизму [2, с. 6; 17, с. 291]. Например, Каракалла, согласно своей пропаганде, стремился дать, подобно Солнцу, благоденствие всему «кругу земель» [1, с. 428].

В процессе становления императорского культа внимание императоров, естественно, обратилось на солярные культуры, причем в первые два

века более значительное влияние на него оказывала идеология эллинизма, в III в. чаша весов все более склонялась в сторону восточных солярных культов, которые могли обосновывать возрастающие полномочия императора и его стремление к неограниченной власти, благодаря созданию тесной связи правителя с Солнцем. На формирование культа *Sol Invictus* оказывали воздействие различные философские течения, в которых Солнце подчас выступало как образ единого бога [33, I, 17, 2–3], в чем, безусловно, прослеживается влияние восточных культов.

Некоторые исследователи полагают, что *Sol Invictus* – полностью сирийский культ, начавший вытеснять римский культ *Sol Indiges* еще после побед императора Адриана на Востоке, о чем свидетельствуют монеты с легендами *Sol Invictus*. Последующие императоры, несмотря на крайнюю непопулярность восточного культа, оказывали ему поддержку [19, S. 12]. С этим мнением трудно согласиться, хотя, безусловно, заметны все более укрепляющиеся связи с Востоком и, в частности, с Сирией, которым способствовали в немалой степени торговцы и легионеры. Однако до прихода династии Северов это влияние было не столь существенным, что позволило бы говорить о своеобразной восточной идеологической интервенции. Императоры династии Антонинов стремились поддерживать социальный баланс, поэтому им было важно опираться на традиционную римскую религию. А вот после гражданских войн, выявивших раскол в обществе, поиски новой идеологической опоры стали приоритетным направлением. Брачные союзы Северов с представительницами Сирии способствовали усилиению восточного влияния на солярный культ. Ведь именно в Эмессе располагался Храм поклонения Солнцу, часто изображавшийся на монетах Элагабала [39, 61; 43, Meshorer, 149]. Однако, как утверждает Штаерман, в пропаганде *Sol* времен правления династии Северов весьма трудно определить, был ли культа Солнца восточным или римским [17, с. 288].

Популярности восточных культов в Риме нетрудно найти объяснение. Населенная многочисленными народами, пребывающая в состоянии сильного расслоения общества и социальной напряженности, Римская империя оказалась в своеобразной духовной лакуне. Многие пытались найти объяснение происходящим событиям, находя духовную опору в философских, мистических, астрологических учениях [10, т. I, с. 173], которые имели понятную логику и обещали воздаяние после смерти. Привлекательность этих культов для римлян заключалась также в том, что они имели совсем иную природу, совершенно иные обоснования привычных вещей и даже мироздания. Храмы этих культов являлись центрами науки и философии, но, главное, их практиковала императорская семья. Однако эти культуры не имели единства, представляя собой

разрозненные очаги [19, S. 13], и только в правление Элагабала подобный культ, получив целостное обоснование и атрибутивное оформление, стал почитаться под титулами Deus Sol Elagabalus и Invictus Sol Elagabalus [39, 131, 146, 195–196a], указывающими не столько на трансформацию римского культа Sol, сколько совсем на иную природу, хотя само имя императора в той или иной степени связано с Солнцем. Однако этимология имени Элагабал остается дискуссионной. Существующее иное имя – Гелиогабал – связывается с греческим богом Солнца, что вряд ли соответствует действительности, ведь Элагабал опирался именно на сирийский культ. Предписывая сенату повесить свой портрет в образе бога выше изображения Виктории, а также выдвинув почитание на первое место, император сразу же поставил культ своего божества, с которым ассоциировал себя, на высшую ступень в иерархии богов Sol Invictus Elagabal, что отражено в монетной легенде SUMMUM SACERDOS AVG [39, 146–147]. При этом он передал священные реликвии не только римлян, но и евреев под власть восточного божества [19, S. 15], демонстрируя таким образом стремление к монотеистической идеологии.

Примечательно, что негодование римлян вызвал не сам факт насаждения чужого культа, а то, что это божество было поставлено выше Юпитера, что Элагабал вынудил сенат назначить его верховным жрецом этого культа, превратив всех римских богов в его служителей [7, LXXX, 11; 3, XVII, 7]. Тем самым был нарушен баланс взаимоотношений между императором и сенатом и подорван авторитет последнего.

Поведение и поступки одиозного и неоднозначного императора оскорбляли консервативное мировоззрение римлян. Мало того что Элагабал имел склонность носить женскую одежду, видимо, подражая жрицам эмесского культа, но установленные им обычаи и ритуалы: отказ от свинины, обрезание, жертвоприношения, во время которых животных замуровывали живьем, и даже замыслы собственной кастрации – вызывали бурное негодование общества, которое вполне оправданно опасалось принудительного распространения странных ритуалов, ведь, как указывают античные авторы, обрезание было обязательным условием служения Элагабалу [7, LXXX, 11 (1)]. Последней каплей, переполнившей чашу терпения римлян, стали не только жертвоприношения и колдовство, под которым, видимо, подразумевались мистические ритуалы, но в большей степени священный брак, введенный Элагабалом, неоднократное осквернение культа Весты и человеческие жертвоприношения, поправившие все древние устои [3, XVII, 6–8; 7, LXXX, 9, 11 (3)]. Негодование вызывал и факт использования человеческой крови в различных ритуалах, в том числе при основании новых городов [3, XVII, 7–8; 7, LXXX, 11 (3)].

Некоторые исследователи вполне справедливо отрицают наличие связи культа Элагабала с существовавшим в Риме культом Sol, а также присутствие каких-либо черт отождествления Митры с Элагабалом [6; 19, S. 20; 20, S. 17; 34, S. 14–15]. Культ Sol Invictus Elagabal вызывал не просто негативную реакцию, многие античные авторы характеризуют его как «мерзость», «непристойность», «вызывающий отвращение» [3, XVII, 35; 11, VII, 18, 4; 27, VIII, 23]. После убийства Элагабала этот культ был подвергнут *damnatio memoriae* [20, S. 17–18], одно только упоминание о нем или попытки восстановить его в каком-либо виде были под запретом.

Несмотря на провал религиозной реформы Элагабала, Sol не исчезает с монет императоров, а лучевая корона по-прежнему остается неизменным атрибутом даже в эпоху проявления сепаратизма. Безусловно, сущность римского культа Sol была затронута нововведениями Элагабала, и хотя его божество имело в большей степени восточную сущность, римский Sol трансформировался. Сохраняясь в императорском культе и являясь важной частью пропаганды, культ Sol оставался инструментом для консолидации власти и идеологического единения.

Библиографический список / References

1. Абрамзон М.Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. [Abramzon M.G. Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noy politiki Rimskoy imperii [Propaganda and Roman Imperial coin types]. Moscow, 1995.]
2. Бурлинова А.Ю. Культ Митры в Балкано-Дунайских провинциях Римской империи. М., 1998. [Burlinova A.Yu. Kul't Mityr v Balkano-Dunayskikh provintsiyakh Rimskoy imperii [The cult of Mithras in the Balkan-Danube provinces of the Roman Empire]. Moscow, 1998.]
3. Властилины Рима. Биографии римских императоров от Адриана до Диоклетиана / Пер. с лат. С.Н. Кондратьева. М., 1992. [Vlasteliny Rima. Biografii rimsikh imperatorov ot Adriana do Diokletiana [Scriptores Historiae Augustae]. S.N. Condratiev (transl. from Latin). Moscow, 1992.]
4. Зелинский Ф.Ф. История античной культуры. Римская Республика. URL: <http://sno.pro1.ru/lib/zelinskiy/26.htm> (дата обращения: 01.08.2018). [Zielinski T.S. Istorija antichnoy kul'tury. Rimskaya Respublika [History of ancient culture. Republic of Rome], URL: <http://sno.pro1.ru/lib/zelinskiy/26.htm>]
5. Зуевский Р. Римский митраизм // Электронный научный журнал *SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков*. 2009. № 3. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/91462/1/Zuevsky.pdf> (дата обращения: 19.10.2018). [Zuevskiy R. Roman cult of Mithras. *SCRIPTORIUM: History of the ancient world and the Middle Ages*. 2009. No. 3. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/91462/1/Zuevsky.pdf> (In Russ.)]

6. Иванов П.В. SOL INVICTUS (Элагабал). Рим в поисках общеимперской идеологии // IV Державинские чтения. Философия. Социология. Политология. История, теория и социология культуры. Право. Экономика. История: Материалы научной конференции преподавателей и аспирантов. Тамбов, 1999. С. 81. [Ivanov P.V. SOL INVICTUS (Elagabal). Rome in search of imperial ideology. IV Derzhavinskiye chteniya. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. Istorija, teoriya i sotsiologiya kul'tury. Pravo. Ekonomika. Istorija. Tambov, 1999. P. 81. (In Russ.)]
7. Кассий Дион Коккейан. Римская история: кн. LXIV–LXXX / Пер. с древнегреч. под ред. А.В. Махлаюка. СПб., 2011. (Fontes Scripti Antiqui). [Cassius Dio. Rimskaya istoriya: kn. LXIV–LXXX [Roman history. Books: LXIV–LXXX]. A.V. Mahlayuk (ed., transl. from Ancient Greek). St. Petersburg, 2011. (Fontes Scripti Antiqui).]
8. Корелин М.С. Падение античного мировоззрения. Культурный кризис в Римской империи. СПб., 2005. [Korelin M.S. Padeniye antichnogo mirovozzreniya [The fall of the ancient worldview. Cultural crisis in the Roman Empire]. St. Petersburg, 2005.]
9. Куликова Ю.В. Место культа Митры в религиозной реформе императора Аврелиана // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. № 4. С. 52–66. [Kulikova Yu.V. Place of worship of Mithra in religious reform of Emperor Aurelian. Locus: People, Society, Culture, Meanings. 2017. No. 4. Pp. 52–66. (In Russ.)]
10. Культура древнего Рима / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1985. Т. 2. [Kul'tura drevnego Rima [Culture of Ancient Rome]. E.S. Golubtsova (ed.). Moscow, 1985. Vol. II.]
11. Орозий Павел. История против язычников: кн. I–VII / Пер. с лат., вступ. ст., comment. и указ. В.М. Тюленева. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2004. [Orosius. Istorija protiv yazychnikov [Seven Books of History Against the Pagans]. V.M. T'ulenev (transl., ed., fixes and add.). 2 ed., add. St. Petersburg, 2004.]
12. Сердитых З.В. Об одном из вариантов иконографии Митры // Проблемы античной культуры: Сб. ст. М., 1986. С. 279–281. [Serditykh Z.V. About one of the variants of Mitra's iconography. Problemy antichnoy kul'tury. Moscow, 1986. Pp. 279–281. (In Russ.)]
13. Строгецкий В.М., Кузнецов Е.В., Флоров Э.Д. Страны Средиземноморья в античную и средневековую эпохи. Проблемы социально-политической истории. Горький, 1985. [Strogetskiy V.M., Kuznetsov Ye.V., Florov E.D. Strany sredizemnomor'ya v antichnyu i srednevekovuyu erokhi. Problemy sotsial'no-politicheskoy istorii [The mediterranean countries in the ancient and medieval eras. Problems of socio-political history]. Gorky, 1985.]
14. Тацит Корнелий. Сочинения в двух томах. Т. 1: Анналы / Под ред. А.С. Бобовича и др. М., 1993. (Литературные памятники). [Tacitus Cornelius. Sochineniya v dvukh tomakh [Works in two volumes]. Vol. 1: Annales. A.S. Bobovich et al. (eds.). Moscow, 1993.]
15. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. М., 1980. [Frazer J.G. Issledovaniye magii i religii [The Golden Bough: A Study in Magic and Religion]. M.C. Ryclin (transl.). Moscow, 1980.]
16. Фюстель де Куланж Н.Д. Древний город. Религия, законы, институты Греции и Рима / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2010. [Fustel de Coulanges N.D. Drevniy gorod. Religiya, zakony, instituty Gretsii i Rima [Ancient

- City. Religion, laws, institutions of Greece and Rome]. L.A. Igorevskiy (transl.). Moscow, 2010.]
17. Штаерман Е.М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. [Shtraerman E.M. Sotsial'nyye osnovy religii Drevnego Rima [The social foundations of the religion of ancient Rome]. Moscow, 1987.]
 18. Apuleius. Metamorphoses. URL: <http://thelatinlibrary.com/apuleius.html> (accessed date: 01.08.2018).
 19. Bischoff N. Der Kult des Sol und Sol Invictus. Entwicklung und Funktion des Kultes bis Kaiser Aurelian. Bochum, 2006.
 20. Burghardt J. Deus Sol Invictus. Der Sonnengott im Spiegel des römischen Herrscherkultes. Studienarbeit, Georg-August-Universität Göttingen. Open publ. 2012.
 21. Chronography of 354 AD. Part 6: The calendar of Philocalus. *Inscriptiones Latinae Antiquissimae*. Berlin, 1893. Pp. 256–278. URL: http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/chronography_of_354_06_calendar.htm (accessed date: 08.01.2019).
 22. Chrysostomus Dio. Oration. N.Y. Publ. Library, 1844. URL: <https://archive.org/details/dionischrysosto00diogoog> (accessed date: 08.01.2019).
 23. Cicero. De Republica. Liber sextus. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/cicero/repub6.shtml> (accessed date: 08.01.2019).
 24. Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin, 1893–1936.
 25. Dumézil G. Les Dieux souverains des Indo-Européens. Paris, 1977.
 26. Eusebius Pamphilus. Historiae ecclesiasticae libri X. Fr.Ad. Heinichen (ed.). Lipsia, 1868.
 27. Eutropius. Breviarium ab Urbe condita. F. Ruehl (ed.). Lipsia, 1901.
 28. Guarducci M. Sol Invictus Augustus, Rendiconti della Pont. *Accademia Romana dei archeologia, 3rd series*. 1957/59. Vol. 30/31. P. 161–473.
 29. Hoey A.S. Official policy towards Oriental cults in the Roman army. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1939. Vol. 70. Pp. 456–481.
 30. Indo-European and the Indo-Europeans. American Heritage Dictionary of the English Language. Bartleby, 2000. URL: <https://ahdictionary.com/word/indoeurop.html> (accessed date: 08.01.2019).
 31. Livius Titus. Ab Urbe condita. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/liv.html> (accessed date: 08.01.2019).
 32. Macrobius Ambrosius Theodosius. Commentarii in Somnium Scipionis. I. Willis (ed.). Leipzig, 1994.
 33. Macrobius Ambrosius Theodosius. Saturnalia. I. Willis (ed.). Leipzig, 1994.
 34. Pfeiffer M. Sol Invictus. Die Ausbreitung Orientalischer Religionen im römischen Kaiserreich. Leipzig, 2004.
 35. Pliny C. Secundus. Naturalis historia. URL: <http://thelatinlibrary.com/pliny1.html> (accessed date: 08.01.2019).
 36. Quintilian. Institutes of Oratory: Or, Education of an Orator. Vol. 1. L., 1903.
 37. Suetonius C. Tranquillus. De vita Caesarum. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/suet.html> (accessed date: 08.01.2019).
 38. Tertullianus Q. Septimius Florens. De spectaculis. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/tertullian/tertullian.spect.shtml> (accessed date: 08.01.2019).
 39. The Roman Imperial Coinage: in 6 vol. P. Webb, H. Mattingly, E. Sydeman (eds.). L., 1968.

40. Varro M. Terentius. De Lingua Latina. URL: <http://thelatinlibrary.com/varro.ll5.html> (accessed date: 08.01.2019).
41. Varro M. Terentius. Rerum rusticarum de agri cultura. URL: <http://thelatinlibrary.com/varro.rr1.html> (accessed date: 08.01.2019).
42. Vergilius P. Maro. Aeneidos. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/verg.html> (accessed date: 08.01.2019).
43. Wildwings: Catalog of coins. URL: <http://www.wildwinds.com/coins/rsc/aburia/i.html> (accessed date: 08.01.2019).

Статья поступила в редакцию 23.04.2019, принятa к публикации 17.02.2020

The article was received on 23.04.2019, accepted for publication 17.02.2020

Об авторе / About the author

Куликова Юлия Викторовна – кандидат исторических наук, доцент; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Yulia V. Kulikova – PhD in History; Associate Professor at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: glanam_yul@mail.ru

Историография,
источниковедение
и методы исторического
исследования

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-64-86

Е.Б. Емченко

Московский государственный университет геодезии и картографии,
105064 г. Москва, Российская Федерация;

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Социальная стратификация
и институты представительства
по материалам Стоглава

Одним из важных направлений развития исторической науки является изучение терминологии как в исторических документах, так и в историографии, т.к. существует определенный разрыв между языком исследователя и языком источника, особенно средневекового. Статья посвящена изучению терминологии свода постановлений Стоглавого собора, которое дает возможность узнать представления авторов Стоглава о социальном устройстве общества. Кроме того, анализируется лексика, связанная с выборными институтами в обществе. Проведенное исследование меняет существующие в историографии взгляды на социальную структуру общества и институты представительства, которые существенно отличаются от представлений авторов Стоглава, приближая нас к исторической реальности. В приведенных в статье многочисленных цитатах отражено все многообразие и сложность различных социальных групп в середине XVI в., что свидетельствует об отсутствии сословий, которые в это время еще только формируются. Изучение лексики Стоглава, связанной с различного рода выборными и представительными институтами, дает представление о том,

что в условиях строительства молодого единого государства они играют очень большую роль, отражая, с одной стороны, традиции удельного периода, с другой – возникающие новые тенденции.

Ключевые слова: Стоглав, церковное право, терминология, социальная структура общества, выборные органы власти и должности в обществе середины XVI в.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Емченко Е.Б. Социальная стратификация и институты представительства по материалам Стоглава // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 64–86. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-64-86

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-64-86

E.B. Emchenko

Moscow State University of Geodesy and Cartography,
Moscow, 105064, Russian Federation;

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Social stratification and institutions of representation based on the materials of Stoglav

One of the important directions of historical science development is the study of terminology in both historical documents and in historiography, since there is a certain gap between the language of the researcher and the language of the source, especially the medieval one. The article is dedicated to the terminology of the code of regulations of the church Council of 1551, which makes it possible to learn the views of the authors of the Stoglav on the social structure of society. In addition, it analyzes the vocabulary associated with elected institutions in society. This research changes the existing views of historiography on the social structure of society and institutions of representation, which differ significantly from the views of the authors of Stoglav, bringing us closer to historical reality. The numerous quotations given in the article reflect all the diversity and complexity of various social groups in the middle of the XVI century, indicating the absence of estates

that were still being formed at this time. The study of Stoglav's vocabulary related to various types of elective and representative institutions gives an idea that they play a very important role in the construction of a young unified state, reflecting, on the one hand, the traditions of the preceding period, on the other – emerging new trends.

Key words: Stoglav, church law, terminology, social structure of society, elected authorities and positions in the society in the middle of the XVI century

FOR CITATION: Emchenko E.B. Social stratification and institutions of representation based on the materials of Stoglav. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 64–86. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-64-86

Существующие в исторических исследованиях историографические модели прошлого зачастую оказываются далеки от исторической реальности. Одной из важных причин сложившейся ситуации является разрыв между языком исследователя и языком исторического источника, особенно, если этот источник относится к периоду средневековья.

В последние годы вопросы изучения терминологии, понятий, используемых как в исторических исследованиях, так и в исторических документах, становятся одним из основных направлений в изучении как зарубежной истории, так и российской. Ярким примером этого в зарубежной историографии является 8-томный «Словарь основных исторических понятий», избранные статьи которого в виде двухтомника изданы в России в 2014 г. [22].

Центром терминологических дискуссий остается вопрос о том, насколько возможности сближения языка исследователя и языка изучаемой эпохи приближают нас к исторической реальности и изменят существующие историографические концепции. Тем более, что некоторые термины остаются в течение веков, иногда меняя свое значение, другие – существуют лишь небольшой период, а затем полностью исчезают из употребления.

И в зарубежной, и в российской историографии заново пересматриваются такие привычные понятия, как «феодализм» [26], «сословия» [4], «сословно-представительная монархия» и т.д. Важное значение имеет появление статей М.А. Бойцова, В.А. Кучкина, П.С. Стефановича, А.А. Горского, П.В. Лукина и др. [5–9; 11; 12; 17; 24; 30].

Теме социальной структуры общества и представительных институтов посвящены недавно изданные работы, которые подводят основные исследовательские итоги – сборник статей «Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середина XVII в. [19],

а также фундаментальное исследование В.А. Аракчеева «Власть и “земля”. Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века». В этой работе подробно проанализирована вся предшествующая историография, включая последние исследования [3]. Большой вклад внесла монография Д.В. Лисейцева о приказной системе [16] и др.

Надо обратить внимание на то, что в самом средневековом обществе не могли не задумываться о политическом устройстве страны и социальных группах населения, поэтому важно выяснить, какими были представления об этом у самих современников. Отметим, что в древнерусских документах отсутствуют специальные трактаты, в которых были бы предприняты попытки определить общественную структуру. Тем не менее, существует достаточное количество источников, в которых можно найти необходимые для нас сведения, хотя в них трудно найти системное изложение, что усложняет работу с источником.

Для терминологических исследований традиционно используются законодательные источники. В их числе – памятники церковного права. Именно в законодательных памятниках можно найти необходимый понятийный материал по самым различным темам: социальная стратификация общества, взаимоотношения светской и церковной власти, власть и институты представительства и т.д.

Среди источников права особое место занимает Стоглав – свод постановлений церковного собора Русской православной церкви (РПЦ) 1551 г. Самоназвание Стоглава – «Царские вопросы и соборные ответы о многоразличных церковных чинех», а также «Соборное уложение». В источниках встречаются также названия «соборная книга», «новое уложение» и т.д. Название Стоглав или Стоглавник впервые появляется в рукописях только с конца XVI в. [25, с. 10–11].

Стоглавый собор 1551 г. – один из самых масштабных соборов в истории РПЦ. Его созыв был продиктован глобальными изменениями, которые были вызваны созданием молодого Российского государства, проблемами его управления [15]. Появляется необходимость поднять авторитет церкви, преодолеть пороки и недостатки («нестроения»), существующие в церкви, государстве и обществе.

Стоглавый собор стал частью мероприятий, проводимых московским митрополитом Макарием и так называемой «Избранной радой» в конце 1540-х – 1550-х гг.: созыв условно первого земского собора 1549 г., активизация соборной деятельности церкви, принятие Судебника 1550 г., развитие выборных органов местного самоуправления, проведение военной реформы и т.д. В самом тексте Стоглава царь, который вошел в историю как «Грозный», называется «благочестивым»

и «прекротким» (л. 10 об.) [25, с. 39]. Текст Стоглава отличает высокая степень открытости и откровенности критики, с которой выступил собор, демонстрирует стремление к тому, чтобы исправить недостатки, существующие как в самой церкви, так и в духовной и общественной жизни.

Так как 1540–1550-е гг. – время, связанное с появлением новых и уже существовавших представительных институтов (соборы, земские и губные старосты, различного рода выборные должности и т.д.), то этот процесс неизбежно заставляет авторов Стоглава искать определенный порядок в социальной структуре общества.

Изучение богатого лексического материала Стоглава имеет определенные трудности. В его текст включены источники более раннего периода XI–XV вв.: правила апостолов, вселенских соборов, святых отцов, законы византийских императоров, Устав Владимира, грамоты великих князей и русских митрополитов, существовавшие в рукописной традиции уже в течение нескольких столетий, и т.д. Поэтому многие термины, в зависимости от того, в какой части текста они находятся: в оригинальных постановлениях собора или в цитируемом тексте более раннего источника, включенного в Стоглав, – могут иметь различные значения или вообще не использоваться в современном собору языке. Это делает необходимым исследование каждого отдельного случая употребления того или иного термина или понятия, учитывая контекст, в котором он находится.

Излагая свои представления о том, каким общество, авторы Стоглава использовали при этом различные известные им критерии: служебные, материальные, нравственные, духовные и т.п., зачастую их совмещая, что делает интересующую нас социальную структуру общества не всегда определенной и противоречивой.

Конечно, нигде в тексте Стоглава нет столь распространенных в современной историографии терминов: духовенство, дворяне, помещики, сословие, представительство и т.п. Вместе с тем, авторы текста Стоглава с удивительным постоянством выстраивают определенный порядок в структуре общества, не уставая перечислять снова и снова «чины», устанавливая систему, которую предполагалось строго соблюдать, в первую очередь, тем, кто служит в церкви.

В Стоглаве имеется гл. 90 «Ответ о том, комуждо подобает свой чин хранити». Ее источником послужили 27-е правило шестого (Трулльского) собора и Аристиново толкование на 50-е и 51-е правила седьмого (Никейского) собора и 69-е апостольское правило.

Содержание главы связано с тем, что архиереям, иероям, дьяконам и «всякому священническому и иноческому чину» (л. 231–231 об.)

[25, с. 221] подобает каждому свой чин хранить и блюсти не только своим чистым и непорочным житием, но и делом, и словом, и поведением («хожением»), и взглядом, видом («взором»), и «слухом», что может означать знание, «безо всякого зазора неподобнаго» (л. 231 об.) [Там же, с. 222]. Также следует соблюдать свой чин в одежде (ризах) и даже в обуви. Запрещается излишне себя украшать ни в городах, ни в домах, ни в дороге. Особенностью текста толкования в Стоглаве является то, что оно распространяет 27-е правило шестого собора и 16-е правило седьмого собора, обращенное только духовенству, на мирян: «И ино одѣяніе воину, и ино одѣяніе тысячи (начальник тысячи человек войска. – Е.Е.), и ино пят(ъ)десятнику (стоящий во главе 50 человек войска. – Е.Е.), и ино одѣяніе купцу, и оно одѣяніе златарю (ювелиру. – Е.Е.), и ино желѣзному ковачю (кузнецу. – Е.Е.), и ино орачю (пахарю. – Е.Е.), и ино просителю (нищему. – Е.Е.), и ино женам, яко же им носити и гл(агол)емыя торлопы (верхняя одежда. – Е.Е.)» (л. 232–232 об.) [Там же, с. 222–223]. Далее осуждается обычай, когда «причетники» украшают себя золотом, бисером и драгоценными камнями и, тем самым, своим внешним видом уподобляются тому, как одевается женщина, либо носят воинскую одежду. Завершается толкование тем, что каждый должен носить только ему предназначенную одежду с тем, чтобы отличать, к какому чину принадлежит человек: «Комууждо бо свое одѣяніе, от тѣх же и познаваются, койждо кто есть коегождо чина» (л. 232–232 об.) [Там же]. Из этого текста следует, что даже представители отдельных ремесленных специальностей должны были иметь отличающее их одеяние (л. 231–233 об.) [25, с. 221–223].

Как уже отмечалось, термин «духовенство», обозначающий в более позднее время единое сословие, в Стоглаве не существует. В нем вместо одного термина выделены три социальные категории – это «священнический и иноческий и священноиноческий чин», имеющий строгую иерархию:

- «архиереи-святители»: митрополит, архиепископы, епископы;
- «иноческий чин»: архимандриты, игумены (игумены), строители, священноиноки, старцы (старицы), пустынники (пустынницы), монашеский чин, чернец («черница, священные жены и девицы»), черноризец (черноризица).

В цитируемых Стоглавом источниках, наряду с понятиями «священник», употребляется «иерей» и «пресвитер».

Подробно представлена система «чинов» в приходских церквях – «мирских церквях»: «священнический чин», «священнический сан» (ср. «мирской сан»), «великое Божие священство», «протопопы» и «старейшие священники», «поповские старосты и десятские священники»,

«мирские священники (попы)», «поп белец», «придельные священники» (служащие в одном из приделов церкви), «ружные священники» (служащие в церквях, получающих дотацию – ругу), «соборные священники», «дьяконы», «приходящие священники и дьяконы», «сельские попы и дьяконы», «священные protопопы и все священницы» [25, с. 304] и т.д. Термины «приход» и «прихожанин» в Стоглаве встречается только 11 раз [Там же, с. 298].

В цитируемых Стоглавом источниках, наряду с понятиями «священник», встречается «иерей» и «презвитер» (пресвитер) [Там же, с. 272, 296]. Есть много терминов, значение которых связано с теми, кто при служивает в церкви во время богослужения: «дьяк», «подьяк», «чтец», «певец» (л. 233 об.) [Там же, с. 223], а также «проскурница», «сторож», «ключарь» [Там же, с. 299, 309, 275].

В «Уставе Владимира» (гл. 63) [Там же, с. 170], помещенном в Стоглаве, перечисляются «церковные люди», которые принадлежали юрисдикции церковного суда: «игумен, игумения, попъ, диакон, попадиа, диаконица и дѣти их, и кто в крылосѣ, чернецъ, черница, проскурница, понамарь, прощеник, баба вдовица, зад(у)шный ч(е)л(овѣ)к, прикладен, сторонник, слепецъ, хромецъ, монастыреве болницы, пустынницы, странноприимцы и кто порты чернеческыя свержетъ» (л. 169) [Там же, с. 171]. При этом перечень людей, принадлежащих юрисдикции епископа, менялся в разных редакциях «Устава Владимира». Понятие «церковные люди» встречается также в тексте 2-го апостольного правила, цитируемого Стоглавом – «Тако ж(е) и иноцы и прочии ц(е)рквовни людие, да судит их еп(и)ск(о)пъ ...» (л. 155 об.) [Там же, с. 160]. В «Послании митрополита Киприана во Псков», также помещенном в Стоглаве, имеется понятие «церковный человек» (л. 170) [Там же, с. 172]. И в том, и в другом случае, в отличие от «Устава Владимира», это понятие не раскрывается. В оригинальных постановлениях Стоглава термин «церковные люди» не встречается. Упоминаются «монастырские слуги», «святительские бояре», которые принадлежали юрисдикции «церковного суда». Неизвестно, могли ли принадлежать к их числу «слепцы, вдовы, хромцы, живущие в богадельнях и т.п.».

Примером сложности работы с лексикой Стоглава являются понятия «причт» и «причетник». Значение этих терминов в тексте Стоглава различается; в отдельных случаях бывает сложно его определить. Так, термин «причт церковный» в оригинальных постановлениях собора можно понимать и как объединение священно- и церковнослужителей, и как только церковнослужителей, т.е. не имеющих священного сана:

- «...и о всяком с(вя)щенническом чину и иноческом, и о всяком причту ц(е)рковном» (л. 31) [Там же, с. 55] и др.;

— «...Тако же и дворецкие, и диаки, и во Пскове намѣстник вл(а)д(ы)чны ставят сами попов кружнымъ ц(е)рквам и на них, и на всѣм причтѣ ц(е)рковномъ великие же денги емлют...» (л. 103 об.–104) [25, с. 120];

В других случаях термин «причт» используется только в первом значении: «...Никто же о причитаемыхъ в с(вя)щенномъ ц(е)рковномъ причтѣ в неподобную ризу да облачится, ни въ градѣ пребываа или в коем селѣни жител(ь)ствуя, или на пути шествуя...» (л. 232) [Там же, с. 222] и т.д.

Что касается термина «причетник», то его значение в оригинальных постановлениях Стоглава объединяет низшие церковные чины – после дьякона:

- «...О судѣхъ архимандричих и игуменовъ, и всяко^г(о) с(вя)щ(е)нническаго чину, и иноческаго, и о всѣхъ ц(е)рк(о)вныхъ причетникахъ, и о монастырскихъ слугах...» (л. 36 об.) [Там же, с. 60];
- «...попы и ц(е)рк(о)вные причетники в ц(е)ркви всегда пиани и без страха стоят и бранятся...» (л. 40 об.) [Там же, с. 63];
- «...Так же в попы и въ диаконы ставити безо мзды даже и до самого ключаря и прочих причетников» (л. 224 об.) [Там же, с. 216].

Однако иногда, а именно – в толкованиях на 50-е, 51-е и 80-е правила шестого вселенского собора, понятие «причетник» объединяет епископа, презвитера, дьякона и «причитаемых в клирос»: если «епископ или презвитер, или диякон, или в причитаемых в клирос или простец» в течение 3-х недель не посещал церковь без уважительной причины, то, если «аще клирикъ будет – да извергнется, аще простеъ – да отлучится» (л. 242) [Там же, с. 229] (см. также гл. 16, 90, 92). В аналогичном значении и в этих же главах, но в самих правилах (а не в толкованиях) употребляется понятие «клирик». В том же значении, но исключая «епископа», также используется термин «причетник».

Таким образом, в зависимости от того, где встречается тот или иной термин – в оригинальных постановлениях собора или в источнике – определяется его значение. Не всегда очевиден смысл таких терминов, как «церковники» (л. 59 об.) [Там же, с. 82], «церковные чиновники» (л. 31) [Там же, с. 55].

Церкви были «приходными», «соборными» [Там же, с. 124–134] или «предельными», сельскими или городскими, а также ружными. В соответствии с этим, различным было и положение священника, по-разному складывались и отношения с «мирянами» – прихожанами церкви.

Определение «мирской» довольно часто встречается в Стоглаве в сочетании с понятиями, связанными как с церковной терминологией, так и светской: «проскурницы – мирские черницы», «мирские церкви»,

«мирские священники», «мирские беседы», «мирские сласти», «мирской сан», «мирской властель», «мирские вещи», «мирские свадьбы», «мирские люди», «мирское судище», «мирская чадь» [25, с. 278–279].

Разнообразна терминология, связанная с «мирянами»: «мирские люди», «мирские люди», «простые люди». Интересно отметить, что в число «простых людей» в одном из случаев употребления данного термина попадают «князь» и «боярин»: «...точию великая святая соборная церковь обладает и судит таковым по закону священных правил, а от *простых людей* ни князь, ни боярин, ни всяк мирский судья да не обладает иерея...» (л. 154) [Там же, с. 159].

Миряне тесно связаны с причтом «мирских церквей». Как справедливо заметил Д.М. Шаховской, до XVII в. общество целиком находится в церкви и «русское православие определяет себя в “Доме Божием”» [29, с. 99]. «Миряне» в Стоглаве – это «духовные дети» (гл. 34, 35 и др.), «чадь»:

- «Иная убо творитца в простой чади в миру...» (л. 97) [25, с. 113];
- «И о сем достоит добре порадити и поразсудити, и утвердити по б(о)ж(е)ственному писанию, было б(ы) от кого мирской чади страх и наказание, и заповѣди Б(о)жия...» (л. 39) [Там же, с. 62].
- «Ино от нас, мирской чади, чего добра чаяти...» (л. 39 об.) [Там же, с. 62];
- «Вневидый съгрѣшают простаа чадъ...» (л. 235) [Там же, с. 224] и т.д.

Каждое из вышеназванных понятий – «миряне», «священнический и иноческий чин» – объединяет всю сложную иерархическую систему «чинов», которые авторы Стоглава предпочитают с удивительным постоянством подробно каждый раз перечислять в тексте памятника [12, с. 56–69; 30, с. 203–214].

Общество в целом – это «народ», «все православное христианство»; «людей народ»; «жители»; «люди», которые разделяются на чины. Так, в ответе на 7-й царский вопрос (из вторых царских вопросов) о возможности изображения на иконах царей, князей, святителей и «народи, которые живы суще», подтверждается, что на иконе Воздвижения животворящего креста написаны не только цари, святители, царицы, но и «...и прочие народы многая множество всяких чинов...» (л. 99 об.) [25, с. 115].

В тексте Стоглава неоднократно повторяется формула: «князья, бояре и все православное христианство», или: царский, княжеский, боярский, воинский чины, царские служебники, торговые люди, купец и т.д. «В великих ж(е)стных монастырѣх», в таких, как Троице-Сергиев монастырь, стригутся «князи и бояре, и приказные люди великие» (л. 153–153 об.) [Там же, с. 157–158].

Исключительное положение отведено иконописцам («живописцам»), которых и царь, и вельможи должны «почитати паче простых ч(е)л(овѣ)к» (л. 119) [25, с. 132–133]. Важно отметить, что в термине «христианство» происходит характерное для рассматриваемого периода замещение «К» и «Х» («крестиане» = «христиане»). Только в двух случаях этот термин можно отнести именно к крестьянству. В главе 41, вопросе 19 скоморохи объединяются в ватаги от 60 до 100 человек и «по д(е)р(е)вням у кр(е)стиян сильно едят и пируют» грабят и избивают (л. 105 об.) [Там же, с. 121], а также в «Ответе бывшего митрополита Иоасафа» (гл. 100). Он критикует решение собора о выкупе пленных только за счет казенных средств, т.к. «...кр(е)стианом... и такъ... много тягли в своих податех» (л. 255) [Там же, с. 238–239].

Как уже отмечалось выше, постановления Стоглава ставят своей целью упорядочить систему отношений между «чинами». Постановления собора, касающиеся «мирян», причта «мирских церквей» (т.е. белого духовенства) объединены в одну часть Стоглава (гл. 6–40), а постановления о монастырях – в другую, несмотря на то, что зачастую они касаются одних и тех же недостатков и «мирян», и «священнического и иноческого чина»: пьянство, распутство, драки, бродяжничество мирян, священников и монахов, участие священников в мирских праздниках («позорищах»), в языческих обрядах (гл. 41, вопр. 2, 3; гл. 5, вопр. 11), служба «черньцов» в качестве попов и «черниц» в качестве проскурниц в «мирских» церквях (гл. 5, вопр. 9); миряне в монастырях живут (гл. 5, вопр. 37), а «убогия чернцы и черницы по миру скитаются» (гл. 5, вопр. 37) и т.д.

Важно также обратить внимание на то, что монашествующие, находясь в монастыре, сохраняли свой социальный статус. В.Д. Назаров подметил особенность в перечне розданных монахиням Новодевичьего монастыря из приказа Большого прихода «милостинных» денег. Первыми в этом списке шли старицы-княгини и боярыни, затем «большие и меньшие крылошанки», а в конце – «рядовые старицы» [1, с. 272].

Таким образом, авторы Стоглава в тексте неоднократно выстраивают ряды, в которых перечисляют «чины» и различные социальные группы населения. Однако иногда в «эти ряды» включены определенные должности:

- чин царский, княжеский, боярский (л. 14) [Там же, с. 42], князи, бояре и воины (л. 15) [Там же, с. 43], «бояре мои, всѣ приказные люди и корымленщики со всѣми землями помирилис(я) во всяких дѣлех» (л. 28 об.) [Там же, с. 53];
- «царские служебники», торговые люди, воинство (л. 51 об.) [Там же, с. 73–74];

- «князи и бояре, и приказные люди великие» (л. 153) [25, с. 158];
- «царские служебники и торговые люди» (л. 251–251 об.) [Там же, с. 236–237] (ср. – служебники в монастыре (л. 139 об.) [Там же, с. 147–148]);
- «Бояринъ и диак, и приказной ч(е)л(овѣ)к, и служебники всякие, и торговой ч(е)л(овѣ)к....» (л. 251–251 об.) [Там же, с. 236–237];
- в святительских судах «бояре и диаки, и тиуны, и десяти/ники, и н(е)д(ѣ)л(ющ)ики» (л. 32 об.) [Там же, с. 56].

Критерии, по которым включены в один ряд чины, бываю смешены. Например, служебное положение в обществе и нравственный критерий: «Да дѣти боярские и люди боярские, и всякие бражники (подчеркнуто мной. – Е.Е.) зернью играют и пропиваются, ни службы служат, ни промышляют, и от них всякое зло чинитца – крадут и разбивают, и д(у)ши губят». (л. 106–106 об.) [Там же, с. 121–122].

«Люди»: градцкие люди, и сельские люди, пашенные и непашеные (л. 249–250) [Там же, с. 234–236]; торговые люди, торговый человек (л. 51 об., 251 об.) [Там же, с. 73–74, 236–237], слобожане (л. 249) [Там же, с. 234–235]. При этом авторы Стоглава различают тех, кто приехал в страну: иноземцы (л. 36 об., 198 об.) [Там же, с. 59–60, 197], иноверцы (л. 42, 198 об.) [Там же, с. 64–65, 197], иногородцы (л. 261) [Там же, с. 242].

Таким образом, социальная структура общества, представленная в Стоглаве, отличается разнообразием, в основном, подчинена определенной иерархии. При этом критерии, по которым классифицируется общество, носят смешанный характер: нравственные, профессиональные, по происхождению и т.п. С одной стороны, имеющиеся в тексте Стоглава группы населения не вписываются в употребляемые в историографии сословия, с другой стороны, столь часто упоминаемые в историографии сословия (например, духовенство) отсутствует в представленной картине социальной структуры общества. Как верно заметил в своей монографии М.М. Кром, сословия в России в XVI в. находились лишь в стадии формирования [15, с. 155].

Как уже отмечалось, XVI в. – это время создания представительных и разного рода выборных органов в управлении страны и церкви. Этот процесс также находит свое отражение в тексте Стоглава. Поэтому возникает вопрос, каким образом названные социальные группы населения участвуют в выборных органах.

В Стоглаве находится один из самых известных ключевых текстов рассматриваемого периода – о примирении бояр, приказных людей и кормленщиков «со всеми землями» и об устройстве выборных органов самоуправления: «*Ом(е)ц мой Макарей, митрополит всея Русии,*

и архиеп(и)с(ко)пы, и еп(и)с(ко)пы, и вес(ъ) ос(вя)щенны [так!] събор в пред(ъ)идущее лѣто бил есми вам челом и з бояры своими о своем съгрѣшении, а бояре тако же. И вы нас в наших винах бл(аго)с(ло)вили и простили, а яз по вашему прощению и бл(аго)с(ло)вению бояр своих в прежних во всѣх винах пожаловал и простил, да им же заповѣдал со всѣми кр(е)стияны ц(а)рствия своего в прежних во всяких дѣлах помиритися на срок. И бояре мои, всѣ приказные люди и корымленщики со всѣми землями помирилис(я) во всяких дѣлах (подчеркнуто мною. – Е.Е.). Да бл(аго)с(ло)вился есми у вас тогда же Судебник исправити по старинѣ и утвердити, чтобы суд был праведен и всякие дѣла непоколибимо во вѣки. И по вашему бл(аго)с(ло)вению и Судебник исправил, и великие заповеди написал, чтобы то было прямо и брежно, суды был праведен и беспосулено во всяких дѣлах. Да устроил по всѣм землям моего г(осу)д(а)рства старосты и целовал(ъ)ники, и соцкие, и пятидесяцкие по всѣмъ градом и по пригородом, и по волостем, и по погостом (подчеркнуто мной. – Е.Е.). И у детей боярских и уставные грамоты подписал. Се Судебник пред вами и уставные грамоты» (л. 28 об.–29) [25, с. 53].

В историографии принято считать этот текст свидетельством зарождения «сословно-представительной монархии». Термин оказался слишком условным и не отражающим историческую реальность [5, с. 18–32].

Однако выборные органы власти и выборные должности в период проведения церковного собора существовали. Несмотря на то, что собор является церковным, тем не менее, в его тексте сообщается о том, что царь озабочился «не токмо о устроении земскомъ, но и о многоразличных ц(е)рковных исправлении» (л. 10 об.) [25, с. 39].

Термина «выбирать» в Стоглаве нет. Есть термин «избирать», который имеет два значения.

‘Назначать’: святитель «избирает» – назначает: «в попы 30 лѣт, а в дьяконы – 25 лѣт» (л. 69 об.) [Там же, с. 91]; дворецкие и дьяки должны «избирать» священников и диаконов к «ружным ц(е)рквам» (л. 104) [Там же, с. 120]; святитель выбирает для себя бояр и дворецких из тех родов, из которых у него они были раньше. Если бояре и дворецкие будут из других родов, то необходимо советоваться с царем, который сам «изобрал у себя и дал им, которым будет пригоже в томъ чину быти» (л. 188 об.–189) [Там же, с. 189–190].

‘Выбирать’: поповских старост и десятских священников «искусных, добрых и житием непорочных» (гл. 6); в приходских церквях прихожане избирают священников и дияконов, и диаконов, «искусных и грамоте гораздих, и житием непорочных» (л. 103 об.) [Там же, с. 119]; по прошению братии митрополит, архиепископ и епископы «избирают» архимандритов и игуменов и посыпают их к царю (л. 224) [Там же, с. 216].

Основной институт представительства в церковном управлении – церковный собор. Участниками собора являются царь Иван Васильевич, митрополит Макарий, высшие иерархи церкви: архиепископы и епископы, а также архимандриты и игумены монастырей, соборные старцы. На соборе присутствовали также светские представители власти: князья, бояре, воины.

Важным событием является появление новых выборных должностей в церкви, в частности – старост поповских и десятских священников «искусных, добрых и житием непорочных» (гл. 6) [25, с. 69–72].

В соборном решении подробно описывается процедура выборов поповских старост и десятских священников, их обязанности и порядок их деятельности в Москве. В Москве семь соборов, к каждому из которых «причтены» (приписаны) остальные храмы. По количеству соборов в Москве избирается семь поповских старост из «добрых священников». Сто священников («или как число вместит») избирает священника «разума духовного», знающего и любящего Священное писание («рачителя божественному Писанию») и добродетельного. Выбранный таким образом поповский староста избирает себе десятских священников «достойных и искусных» и непорочных от каждого храма. Избранные старосты должны предстать перед митрополитом, который их благословляет. В других городах старосты, священники и десятские избираются «где сколько пригоже в котором городе. По селам, погостам и по волостем – только десятские священники» (л. 48–49) [Там же, с. 70–71].

Поповские старосты и священники должны осуществлять контроль за совершением службы и благочинием, поведением (чтобы не пьянились, не «глумились мирскими кощунами», не ходили в корчмы и на мирские праздники – «позорища» (л. 49–49 об.) [Там же, с. 71–72], начнут пренебрегать своими обязанностями) священнослужителей. Старосты должны выявлять подобные нарушения – спрашивать, расследовать, узнавать у священников и «добрых людей». Затем докладывать своим святителям «о бесчинстве», и уже святители «духовне наказывают» (л. 49–49 об.) [Там же]. Если же старосты и десятские священники будут покрывать бесчинных священников, то они будут от святителей в наказании и в отлучении. В дни главных праздников староста вместе со святителем, владыкой или митрополитом совершают службу. Они обязаны проверять ставленые, отпускные и благословенные грамоты у приезжающих в Москву по различным делам архимандритов, игуменов, протопопов, «священноиноков, священников и диаков», которые нанимаются служить к московским священникам (л. 49–49 об.) [Там же]. Сбор венечной пошлины во избежание злоупотреблений возлагался на поповских старост и десятских священников. Собранные ими

деньги передавались в казну. Кроме того, они участвовали в церковном суде (л. 49–49 об.) [25, с. 71–72].

Главы о церковном суде (гл. 66–69) в Стоглаве являются наиболее оригинальными и самобытными, единственными в своем роде, т.к. впервые в истории русского церковного права в нем подробно описаны церковное судоустройство и процесс церковного судопроизводства [10, с. 103–116]. Постановления Стоглава были направлены также на то, чтобы разграничить функции церковного и государственного суда («градский», «мирской»). Отменялись «несудимые грамоты»: теперь настоятелей монастырей должны были судить святители, а «чернцов и слуг монастырских» – настоятели монастырей, а ранее многих игуменов и архимандритов во всех делах, кроме церковных, судил великий князь [14, с. 131]. Причем на святительском суде по «духовным делам» «соборне», «миряне» (в т.ч. святительские бояре) не имели права присутствовать. Затем «святитель» должен был отдать судный список митрополиту. Полностью в ведение мирского суда попадали дела об убийстве (о «душегубстве и разбое с поличным») (л. 176) [25, с. 178].

Но разграничение мирского и церковного суда не было последовательным. Связь между ними во многом сохранялась. Так, попов, дьяконов, всех причетников и мирских людей в гражданских делах, а именно по рядным, духовным и кабальным грамотам, а также в ряде уголовных дел – случаях присвоения имущества, оставленного на сохранение, драках, грабежах (т.е. не по духовным делам) – по повелению святителей судят святительские бояре. У них в суде должны участвовать выборные старосты поповские и пятидесятские, десятские (по две-три недели), городские старосты и целовальники, а также земский дьяк, «которым ц(а)рь прикажет» (л. 178–178 об.) [Там же, с. 180–181]. Старосты, целовальники и земской дьяк обязаны с судных дел сделать копии, подписанные дьяками (святительскими?) и хранить их у себя. Они же, а также священники, участвующие в суде, должны подписать судные списки, которые остаются у святительских бояр, и списки, которые остаются у целовальников. Судные списки после суда должны храниться в ларце у дьяков «за боярскими печат(ь)ми по ц(а)р(е)ву Судебнику» (подъячим их не передают) до тех пор, пока не будут представлены святителю, который, посоветовавшись с «ыскусными людьми» (л. 178 об.–179) [Там же, с. 181], выносит окончательное решение и определяет величину пошлины по царскому Судебнику и Уставной грамоте с ответчика. В том случае, если истец или ответчик не согласится с содержанием судного списка, святитель обязан снова провести следствие со всеми участниками суда, после чего они должны вынести окончательное решение (л. 178 об.–179) [Там же].

Таким образом, ряд гражданских дел, связанных с договорами, завещаниями, а также грабежами, должен был рассматриваться святительскими боярами, и в суде у которых должны были находиться по 2–3 недели в т.ч. и те, кто занимал выборные должности: священники, поповские старосты, пятидесятские и десятские, а также «градские старосты и целовальники», «земской дьяк», «которым царь прикажет» (л. 181–181 об.) [25, с. 182–183]. Материалы следствия («срочные и обыскные списки») должны были писать земские дьяки, но в присутствии поповских старост и десятских священников. Т.е. устанавливался взаимный контроль мирского и церковного судов.

В случае, если святительские бояре и другие представители администрации (дворецкие и десятники) брали взятки, то «старосты», «священники» и «добрые люди», которые с ними «в суде сидят», должны были провести следствие, и провинившиеся отстранялись от должности (л. 187 об.–188) [Там же, с. 188–189].

Если же архимандриты, игумены, попы, дьяконы, церковные причетники, священноиноки, монахи и монахини будут судиться с мирскими, то их должен судить совместный суд, состоящий из мирских и святительских судей, десятских священников и земских старост («...и они просят у с(в)ятителей за собою присадки или у десятинников...» (л. 174–174 об.) [Там же, с. 177–178].

Стоглав настаивает на сохранении должности десятинника и его суда в городах «и по десятинам». А.А. Зимин ошибочно утверждает, что Стоглавый собор «ликвидировал институт владычных десятинников», т.к. отныне святительскую дань должны собирать и отдавать епископам и другим владыкам в церковных десятинах земские старосты и десятские священники [13, с. 97]. Его устройство аналогично устройству суда святительских бояр. К компетенции суда десятинника относятся те же дела, что и вышеперечисленные дела суда святительских бояр: по рядным и кабальным грамотам, «и в боях, и в грабежах, опрочь д(у)х(о)вных дѣд», и та же категория населения: священники, дьяконы, «церковные причты» и «мирские люди» (л. 179–179 об.) [25, с. 181–182]. В суде десятинников должны присутствовать старосты-священники и десятские священники («по два – по три»), старосты земские и целовальники. Они обязаны с судных списков, ими подписанных и оставленных на хранение у десятинника, сделать копии, подписать их у десятинника, поставить печать и оставить на хранение у себя (л. 179–179 об.) [Там же].

Священников, дьяконов и «церковные причты» давать на поруки можно только десятским священникам, а мирских людей – земским

старостам и земским десятским. При этом от поруки запрещалось брать «поклонное» – подарок в качестве благодарности.

Документы, в которых указывался срок явки в суд, и следственные дела должны оформлять земские дьяки в присутствии старост, десятских или церковного дьяка «крѣпости для и брежения земскаго» (л. 187–187 об.) [25, с. 188–189]. Однако не совсем ясно, какие именно «старосты» и «десятские» имеются в виду: старосты-священники и десятские священники или земские старосты и земские десятские, возможно, те и другие.

Если десятинники будут затягивать дела, брать взятки и судить несправедливо, то старосты, целовальники и священники, которые входят в состав суда десятинников, должны пожаловаться земскому дьяку. Если десятинник проигнорирует их жалобу, они должны обратиться к святителю. Крайняя мера наказания нерадивого десятинника – письмо старост к царю. Наказание – «великая опала» от царя и святителя, отстранение от должности и штраф, в три раза превышающий сумму, присвоенную десятинником.

То же наказание за аналогичное преступление (взятка) ждет недельщика, боярина, дворецкого и дьяка. Если вина будет доказана старостами и священниками, сидящими с ним в суде, то по Судебнику он должен заплатить штраф, размер которого в три раза больше суммы самой взятки. Если его поймают на этом же преступлении в следующий раз, то он опять должен заплатить штраф и затем подвергнут ссылке. При этом дворецкий и боярин должны быть лишены соответственно дворничества и боярства и конфискованы их поместья, десятинник должен быть лишен десятины, дьяк – дьячества.

В том случае, если девушки, замужние женщины и вдовы, т.е. лица женского пола, обратятся с жалобой (видимо, об изнасиловании) на представителей духовенства («священнический и иноческий чин») или на «мирских людей», то недельщикам разрешается отдавать обвиняемых на поруки «перед старостами и перед с(вя)щениками десятцкими, и перед земскими десятцкими» (л. 189 об.–190) [Там же, с. 190–191]. Затем недельщики должны их «ставить» перед боярами, а бояре должны сообщить святителю. «Священнический и иноческий чин» судят сами святители «соборне» или те, кому они поручают (л. 189 об.–190) [Там же]. Те же недельщики и тиуны, которые, договорившись с «ябедниками и з блудницами», берут взятки, обязаны по Судебнику без суда, хотя и с предварительным следствием и показаниями свидетелей, вернуть взятое в тройном размере, после чего они лишаются своих должностей (л. 189 об.–190) [Там же].

Таким образом, постановления Стоглава, касающиеся судоустройства и судопроизводства, свидетельствуют об активном участии выборных поповских старост и десятских священников в церковном суде наряду с другими выборными – земскими старостами, целовальниками, сотскими, десятскими. Еще Н.Е. Носов считал, что реорганизация системы судопроизводства и системы сбора налогов на соборе, в частности, передача функций сбора налогов местному населению в лице десятских священников, земских старост и целовальников, способствовала повсеместному внедрению в местное управление земского сословного представительства [18, с. 76–82]. Хотя поповские старосты и десятские священники представляют только приходское духовенство.

В Стоглаве прослеживается связь «причта» приходской церкви и общины («прихода»). Стоглавый собор не запрещает общине избирать своих кандидатов («ставленников») в священники и дьяконы, а также дьяков, пономарей и даже проскурниц. Осуждается лишь практика вымогательства общиной денег за избрание. В одном из царских вопросов сообщается о том, что в Новгороде «уличане» (приход церкви на одной из улиц) выбирают священников, дьяконов и других членов причта в зависимости от того, кто больше им заплатит, и с ним идут к святителю. Когда владыка присыпал своего попа, то его прогоняли, если он не давал «уличанам» достаточную сумму денег. Собор постановил, чтобы «прихожане избирали священников и дьяконов искусных и грамоте гораздых», денег за это с них не брали, а затем шли к святителю, который их благословлял (л. 103 об.) [25, с. 119–120]. Сохранились договоры, которые заключались между общиной приходской церкви и священником, в котором оговаривался срок службы священника и взаимные обязательства [2, № 184]. Известны случаи изгнания священников «мирянами». Так, в Пскове были изгнаны «мирянами» все вдовы священники. Это событие осуждается в грамоте митрополита Киприана, также включеной в состав Стоглава (гл. 65).

Такое положение приходских священников приводило к тому, что они часто переходили от одной церкви к другой. И, как об этом сообщает Стоглав, в Москве даже появилась пошлина «крестец». Приехавшие в Москву архимандриты, игумены, протопопы, священноиноки, священники и дьяконы сходились в определенном месте («на Крестец в Торгу на Ильинской улице») и нанимались на месяц и более служить по московским церквям (л. 190–192) [25, с. 191–192]. Опять же Стоглав не осуждает практику найма священников, но обязывает поповских старост проверять их полномочия: ставленные, отпускные и благословенные грамоты (л. 190–192) [Там же].

Важно отметить, что «миряне» – «добрьи люди» («лутчие люди») – наравне с поповскими старостами и священниками привлекаются к расследованию «духовных дел»: если священники участвовали в «мирских позорищах», ходили в «корчмы», «учнут о своих дѣтех д(y)х(o)вных не радити» и т.п. (л. 84–84 об.) [25, с. 103–104]; в упоминавшихся слuchаях взяточничества со стороны святительских бояр (гл. 69). Кроме того, при устройстве бояделен контроль за деятельностью по их организации поручался священникам и «градцким добрым людем» (л. 197 об.) [Там же, с. 196]. Собор принял постановление, по которому собранная святительская пошлина с попов запустевших церквей передавалась на восстановление церкви, а собирали бы ее «люди лутчие, которые к тем церквам прихожи» (л. 193 об.) [Там же, с. 193]. На них же возлагалась обязанность обеспечить церковь иконами, церковной утварью, книгами и т.п. (л. 193 об.) [Там же].

Таким образом, несмотря на то, что многие постановления Стоглава были направлены на упорядочивание и разграничение различных «чинов», в обществе сохраняется тесная связь мирского и духовного. В этот период духовенство не является единым и замкнутым сословием по отношению к остальной – мирской части общества. Недаром понятие «духовенство» получило распространение в более позднее время (XVIII в.) [23, стлб. 1183–1184].

В историографии существует две точки зрения на то, кем являются «Добрьи (лутши, лутчие) люди».

1. «Добрьи люди» – это выборные представители местного населения из дворянства и верхушки тяглого населения города или крестьянского населения в суде (Судебник 1550 г.).

2. По другой версии – «представители населения не по выбору, а по своему положению в местном обществе» [21, с. 82]. По Судебнику 1550 г. бесчестье «доброго человека» оценивалось в 5 руб., т.е. приравнивалось к бесчестью средних жителей города (торговые посадские люди). Для сравнения: крестьянин «пашенный и непашенный» – 1 руб., дети боярские городовые в зависимости от оклада – 3–5 руб., торговый гость – 50 руб. [Там же, с. 26, 82, 107, 138 и др.].

В гл. 70 указано, что «лутчие люди» из прихожан собирают мелкие митрополичьи и «десятиннические» пошлины, митрополичью дань и «заезд» (род подати) и на эти деньги сооружают церковь, запустевшие церкви снабжают иконами и книгами. А священники должны жить «о приходе и церковней земле» (л. 193 об.) [25, с. 193].

В Стоглаве используется такой термин, как «добрьи свидетели»: «добрьи свидѣтили» без суда производят розыск о продажности тиунов

и недельщиков, которые организуют говор с блудницами и с клеветниками, после чего следует наказание совершивших преступление (л. 190) [25, с. 190–191].

Для наблюдения за порядком в богадельни вводились должности смотрителей из «здравых строев и баб стряпчих», количество которых определялось в зависимости от числа призреваемых (л. 35 об.–36) [Там же, с. 58–59]. Ранее это были приказчики, назначаемые епископом, которые продавали места в богадельнях «мало больным» (л. 35 об.–36) [Там же]. Поэтому было решено на Стоглавом соборе, чтобы «приказати с(в)ященником добрым да целовалником или градцким людем добрым над ними смотрити, чтобы им насильства и обиды от стряпчих не было» (л. 197 об.–198) [25, с. 196].

Необходимо обратить внимание еще на один термин – «соборные старцы», которые являются участниками собора 1551 г. По мнению Е.В. Романенко, «соборные старцы» – это орган управления монастырем, и они сохраняли основной принцип церковной жизни – соборность [20, с. 102].

В 8-м царском вопросе (гл. 5) царь критикует практику распоряжения монастырским имуществом со стороны архимандритов и игуменов без участия соборных старцев (л. 33 об.) [25, с. 57]. Соборные старцы, наряду с архимандритами, игуменами и строителями, должны следить за соблюдением монастырских порядков, за монастырской казной, чтобы в монастыре не держали «молодых робят голоусых», ели вместе со всей братией в общей трапезе, а не в келье, наказывать «безчинников» (л. 133–135, 139–140) [Там же, с. 143–145, 147–148]. Архимандриты и игумены обязаны принимать новых вкладчиков по совету с соборными старцами (л. 142–143) [Там же, с. 149–150]. Вместе с настоятелями они обязаны расследовать, кто давал вотчины в монастырь, всех переписать в синодики монастырские с тем, чтобы по ним совершались панихиды и ставился «корм» и т.д. (л. 199 об.–200) [Там же, с. 197–198]. Соборные старцы участвуют в суде архимандритов и игуменов, когда судят чернечев и слуг, «кроме духовных дел» (л. 174) [Там же, с. 176]. Таким образом, архимандриты, игумены без соборных старцев и без келаря, и без казначея «ничъм не властовалися» (л. 139 об.–140) [Там же, с. 147–148]. Также бы и соборные старцы и келари, и казначеи без архимандритов и без игуменов «ничто же не творили» (л. 139 об.–140) [Там же].

Решения Стоглавого собора были направлены на рассмотрение в Троице-Сергиев монастырь к бывшему митрополиту Иасафу, Ростовскому архиепископу бывшему Алексею, Чудовскому бывшему архимандриту Васиану, и Троицкому бывшему игумену Ионе, и всем соборным

старцам (гл. 99). Троицкий игумен Серапион и с «Осифовъским соборным старцом с Герасимом с Ленкевым», и со священником Благовещенского собора Селивестром ответ передали царю, митрополиту и всем собору (гл. 100).

Лексика текста Стоглава отражает все многообразие и сложность социальной структуры общества в XVI в., что свидетельствует об отсутствии сословий, которые еще только формируются. Существующие в историографии представления о структуре общества не совпадают с представлениями авторов Стоглава, отражая другую реальность. В условиях формирования молодого единого государства большую роль играют различного рода выборные и представительные органы власти, которые, с одной стороны, могут отражать традиции удельного периода, с другой – новые тенденции. Однако с тем, чтобы приблизиться к исторической реальности и более точно ее передать, необходим сравнительный лексический анализ с другими документами этого, а также последующего периодов.

В связи с нарастающим интересом к терминологическим исследованиям представляется также очень важным издание средневековых источников с обязательным помещением словауказателя, в котором было бы отражено все многообразие лексики публикуемого документа.

Библиографический список / References

1. Акты Российского государства. Архивы московских монастырей и соборов XV – начало XVII вв. М., 1998. [Akty Rossijskogo gosudarstva. Arkhivy moskovskikh monastyrej i soborov XV – nachalo XVII vv. [Acts of the Russian state. Archives of Moscow monasteries and cathedrals of the XV – early XVII centuries]. Moscow, 1998.]
2. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографической Комиссией. СПб., 1838. [Akty yuridicheskie ili sobranie form starinnogo deloproizvodstva. Izdany Arkheograficheskoy Komissiej [Legal acts or a collection of forms of ancient documents. Published by The Archeographical Commission]. St. Petersburg, 1838.]
3. Аракчеев В.А. Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI – начала XVII века. М., 2014. [Arakcheev V.A. Vlast' i «zemlya». Pravitel'stvennaya politika v otnoshenii tyaglyh soslovij v Rossii vtoroj poloviny XVI – nachala XVII veka [Power and “land”. Government policy in relation to the tax estates in Russia in the second half of the XVI – early XVII century]. Moscow, 2014.]
4. Арнаутова Ю.Е. Модели истолкования социальной действительности в Средние века // Преподаватель XXI век. 2019. № 4. С. 241–252. [Arnautova Yu.E. Models of interpretation of social reality in the Middle ages. *Prepodavatel XXI vek.* 2019. No. 4. Pp. 241–252. (In Russ.)]
5. Бойцов М.А. Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Сословное представительство в России в контексте европейской

- истории, вторая половина XVI – середина XVII вв. М., 2017. С. 18–32. [Boytssov M.A. Estate-representative monarchy: An mistake in translation? *Soslovnoe predstavitel'stvo v Rossii v kontekste evropejskoy istorii, vtoraya polovina XVI – seredina XVII vv.* Moscow, 2017. Pp. 18–32. (In Russ.)]
6. Горский А.А. «Древнерусское государство» IX–XI вв.: к вопросу о периодизации и терминологии // Российская государственность: от истоков до современности: Материалы Международной научной конференции, приуроченной к 1150-летию российской государственности. М., 2012. С. 11–15. [Gorskij A.A. “Old Russian state” of the IX–XI centuries: On the issue of periodization and terminology. *Rossijskaya gosudarstvennost': ot istokov do sovremennosti: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii, priurochennoj k 1150-letiyu rossijskoj gosudarstvennosti.* Moscow, 2012. Pp. 11–15. (In Russ.)]
7. Горский А.А. Об эволюции понятия «волость» // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Вып. 2. М., 2011. С. 19–21. [Gorskij A.A. On the evolution of the concept of “volost”. *Rus, Rossiya: Srednevekove i Novoe vremya.* Vol. 2. Moscow, 2011. Pp. 19–21. (In Russ.)]
8. Древняя Русь: очерки политического и социального строя / А.А. Горский, В.А. Кучкин, П.В. Лукин, П.С. Стефанович. М., 2008. [Gorski A.A., Kuchkin V.A., Lukin P.V., Stefanovich P.S. Drevnyaya Rus': ocherki politicheskogo i sotsial'nogo stroya [Ancient Russia: Essays on the political and social system]. Moscow, 2008.]
9. Емченко Е.Б. «Царствующий град» в источниках XVI в. // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я.Н. Щапову. М., 2005. С. 208–219. [Emchenko E.B. “Tsarstvuyushhij grad” in the sources of the XVI century. *Ot Drevnej Rusi k novoj Rossii: yubilejnyj sbornik, posvyashhennyj chlenu-korrespondentu RAN Ya.N. Shchapovu.* Moscow, 2005. Pp. 208–219. (In Russ.)]
10. Емченко Е.Б. Церковный суд в постановлениях Стоглавого собора 1551 г. // Исторический вестник. 2002. № 31 (16): Церковный суд в истории России. С. 103–116. [Emchenko E.B. Ecclesiastical court in the decisions of the Stoglavy Cathedral in 1551. *The Historical Reporter.* 2002. No. 31 (16). Pp. 103–116. (In Russ.)]
11. Емченко Е.Б. Москва – «святой град» в публицистических и литературных текстах Средневековья и Нового времени // Церковь в истории России. Сб. 7. Отв. ред. В.М. Лавров. М., 2007. С. 7–31. [Emchenko E.B. Moscow – “Holy city” in publicistic and literary texts of the middle Ages and Modern times. *Tserkov' v istorii Rossii.* Vol. 7. V.M. Lavrov (ed.). Moscow, 2007. Pp. 7–31. (In Russ.)]
12. Емченко Е.Б. «Причт» и «миряне» по материалам церковного законодательства XVI в. // Церковь в истории России. Сб. 1. Отв. ред. П.Н. Зырянов, Я.Н. Щапов. М., 1997. С. 56–69. [Emchenko E.B. “Pricht” and “laity” based in the materials of Church legislation of the XVI century. *Tserkov' v istorii Rossii.* Vol. 1. P.N. Zyryanov, Ya.N. Shchapov (eds.). Moscow, 1997. Pp. 56–69. (In Russ.)]
13. Зимин А.А. Пересветов и его современники. М., 1958. [Zimin A.A. Peresvetov i ego sovremenniki [Peresvetov and his contemporaries]. Moscow, 1958.]

14. Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. [Kashtanov S.M. Finansy srednevekovoj Rusi [Finances of medieval Russia]. Moscow, 1988.]
15. Кром М.М. Рождение государства. М., 2018. [Krom M.M. Rozhdenie gosudarstva [Birth of the state]. Moscow, 2018.]
16. Лисейцев Д.В. Приказная система Московского государства в эпоху Смуты. М.; Тула, 2009. [Lisejtshev D.V. Prikaznaya sistema Moskovskogo gosudarstva v epochu Smuty [The system of prikazes of the Moscow state in the era of distemper]. Moscow; Tula, 2009.]
17. Лукин П.В. Новгородское вече. М., 2014. [Lukin P.V. Novgorodskoe veche [The Novgorod Veche]. Moscow, 2014.]
18. Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. [Nosov N.E. Stanovlenie soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenij v Rossii [Formation of Estate-representative institutions in Russia]. Leningrad, 1969.]
19. Представительные институты в России в контексте европейской истории XV – середины XVII в. / Отв. ред. В.Д. Назаров. М., 2017. [Predstavitel'nye instituty v Rossii v kontekste evropejskoj istorii XV – seredina XVII v. [Estate representation in Russia in the context of European history, the second half of the XVI – mid XVII centuries]. V.D. Nazarov (ed.). Moscow, 2017.]
20. Романенко Е.В. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., 2002. [Romanenko E.V. Povsednevaya zhizn' russkogo srednevekovogo monastyrya [Everyday life of a Russian medieval monastery]. Moscow, 2002.]
21. Российское законодательство X–XX вв. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. [Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. [Russian legislation of the X–XX centuries]. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. Moscow, 1985.]
22. Словарь основных исторических понятий. Избр. ст. в 2-х т. / Пер. с нем. К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. М., 2014. [Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatij. Izbrannye stat'i v 2-kh tomah [Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland]. Featured articles in two volumes. Translated from the German by K. Levinson; Yu. Zaretskij, K. Levinson, I. Shirle (compil. eds.); sci. ed. translation by Yu. Arnautova. Moscow, 2014.]
23. Словарь современного русского литературного языка / Под ред. В.И. Чернышова. М.; Л., 1950–1965. Т. 3: Г–Е. 1954. [Slovar' sovremenennogo russkogo literaturnogo jazyka [Dictionary of modern Russian literary language]. V.I. Chernyshov (ed.). Moscow, Leningrad, 1950–1965. Vol. 3: G–E. 1954.]
24. Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI вв. М., 2012. [Stefanovich P.S. Boyare, otroki, druzhiny: voenno-politicheskaya ehlita Rusi v X–XI vv. [Boyars, otroks, druzhinas: Military and political elite of Russia in the X–XI centuries]. Moscow, 2012.]
25. Стоглав: Текст. Словоуказатель / Отв. ред.: Дж. Манискалько Базиле, А.В. Юрасов; подготовка текста Е.Б. Емченко. М.; СПб., 2015. [Stoglav. Tekst. Slovoukazatel' [Stoglav: Text. Lexicon]. G. Maniscalco Basile, A.V. Yurasov (eds.); E.B. Emchenko (preparation of the text of Stoglav and author's article). Moscow; St. Petersburg, 2015.]

26. Феодализм: понятие и реалии / Под общ. ред. А.Я. Гуревича, С.И. Лучицкой, П.Ю. Уварова. М., 2008. [Feodalizm: ponyatiye i realii [Feudalism: Concept and realities]. A.Ya. Gurevich, S.I. Luchitskaya, P.Yu. Uvarov (eds.). Moscow, 2008.]
27. Щапов Я.Н. Княжеские уставы и церковь в Древнейшей Руси. XI–XIV вв. М., 1972. [Shapov Ya.N. Knyazheskie ustavy i tserkov' v Drevnejshej Rusi. XI–XIV vv. [Princely charters and the Church in Ancient Russia. XI–XIV centuries]. Moscow, 1972.]
28. Щапов Я.Н. Государство и церковь в Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. [Shapov Ya.N. Gosudarstvo i tserkov' v Drevnej Rusi X–XIII vv. [The state and the Church in Ancient Russia of the X–XIII centuries]. Moscow, 1989.]
29. Шаховской Д.М. Автокефалия и симфония // 400-летие учреждения патриаршества в России. Рим, 1989. С. 97–103. [Shakhovskoj D.M. Autocephaly and Symphony. 400-letie uchrezhdeniya patriarshestva v Rossii. Rome, 1989. Pp. 97–103. (In Russ.)]
30. Emchenko E.B. “Clero” e “laici” secondo le gislazione ecclesiastica del XVI secolo. *Laicità tra diritto e religion da Roma a Constantinopoli a Mosca*. P. Catalanoe, P. Siniscalco (eds.). 2009. P. 203–214.

Статья поступила в редакцию 06.12.2019, принята к публикации 26.02.2020

The article was received on 06.12.2019, accepted for publication 26.02.2020

Об авторе / About the author

Емченко Елена Борисовна – кандидат исторических наук; заведующая кафедрой истории отечества, государства и права гуманитарного факультета, Московский государственный университет геодезии и картографии; старший научный сотрудник Учебно-научного центра актуальных проблем исторической науки и образования им. А.Г. Кузьмина, Московский педагогический государственный университет

Elena B. Emchenko – PhD in History; Head at the Department of History of the Fatherland, State and Law of the Faculty of Humanities, Moscow State University of Geodesy and Cartography; senior researcher at the Educational and Research Center of Actual Problems of Historical Science and Education named after A.G. Kuzmin, Moscow Pedagogical State University

E-mail: emchenko@list.ru

Н.П. Таньшина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы

при Президенте РФ,

119571 г. Москва, Российская Федерация;

Государственный академический университет гуманитарных наук,

119049 г. Москва, Российская Федерация;

Московский педагогический государственный университет,

119991 г. Москва, Российская Федерация

Наполеон – тоталитарный лидер? К вопросу об «околонаучных» дискуссиях в историографии

Статья посвящена спорам, происходящим в исторической науке и особенно в средствах массовой информации вокруг имени и наследия Наполеона Бонапарта. В центре внимания автора статьи – «околонаучные» дискуссии, связанные с представлением о Наполеоне как о тоталитарном лидере, предшественнике авторитарных и тоталитарных режимов XX в. Несмотря на то что подобные дискуссии порой не носят научного характера, они имеют большой общественный резонанс, поскольку активно подогреваются СМИ. На основе анализа работ ангlosаксонских и французских авторов прослеживаются источники представлений о Наполеоне Бонапарте как о тоталитарном лидере, а также анализируются причины появления таких «теорий».

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт, историография, тоталитаризм, Адольф Гитлер, СМИ, Тьерри Ленц, Жан Тюлар

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Таньшина Н.П. Наполеон – тоталитарный лидер? К вопросу об «околонаучных» дискуссиях в историографии // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 87–97. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-87-97

N. Tanshina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, 119571, Russian Federation;

State Academic University for the Humanities,
Moscow, 119049, Russian Federation;

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Is Napoleon a totalitarian leader? On the issue of “pseudoscientific” discussions in historiography

The article is devoted to the disputes that occur in historical research and especially in the media around the name and legacy of Napoleon Bonaparte. The author of this article focuses on “near-scientific” discussions related to the idea of Napoleon as a totalitarian leader, the predecessor of authoritarian and totalitarian regimes of the twentieth century. Despite the fact that these “discussions” sometimes do not have a scientific character, they have a great public response, because they are actively heated by the media. Based on the analysis of the works of Anglo-Saxon and French authors, the article traces the origins of ideas about Napoleon as a totalitarian leader, and also analyzes the reasons for the appearance of such “theories”.

Key words: Napoleon Bonaparte, historiography, totalitarianism, Adolf Hitler, mass media, Thierry Lentz, Jean Tulare

Acknowledgements. The article was prepared as part of the research work of the state task of RANEPA.

FOR CITATION: Tanshina N. Is Napoleon a totalitarian leader? On the issue of “pseudoscientific” discussions in historiography. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 87–97. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-87-97

не в силах прийти к окончательному мнению, и эти слова вполне применимы ко дню сегодняшнему [3, с. 146–166]. Отсюда и вечные споры вокруг Наполеона. Дебаты идут о том, кто он – наследник Революции или ее могильщик, тиран или реформатор, великий капитан или «кровавый ячмень», спаситель Франции или диктатор, виновный в ее закате, работоговец, создатель современной Франции или, наконец, предшественник тоталитарных лидеров и создатель тоталитарного режима? Сторонников и тех, и других мнений немало. Его жизнь восстановлена буквально по дням; его переписка опубликована, источники многочисленны. Казалось бы, историкам уже все известно о Наполеоне, но они почему-то продолжают и продолжают спорить о нем...

Последние трагические события, так или иначе связанные с именем и памятью Наполеона, стали предметом бурного общественного обсуждения, осуждения, дискуссий, спекуляций и отразились на исторической науке как таковой, не говоря уже о реконструкторском движении. В соцсетях люди так и пишут: «Не могу даже слышать о Наполеоне!» Недавно в Москве состоялся фестиваль «Цифровая история», на котором я должна была выступать с сообщением о Наполеоне как литературном образе. Должна была, но выступила совсем с другим докладом. Почему? Организаторы решили «перестраховаться» и не обращаться к наполеоновской проблематике. То есть само имя Наполеона в какой-то степени стало табуированным.

У Наполеона множество ипостасей. Он сам создавал свой образ и свою легенду, а миф и антимиф, «золотая» и «черная» легенды, начали формироваться еще при его жизни. А две главные его ипостаси прямо противоположны. Первая: Наполеон – герой, создатель современной Франции, ее важнейших политических и правовых институтов. Говоря словами известнейшего наполеоноведа Жана Тюлара, Наполеон – архетип спасителя, прообраз «спасителей», «которыми, как вехами, отмечена история Франции XIX–XX веков... Наполеон проторил дорогу Кавеннику, Луи Наполеону Бонапарту, Тьери, Петену и де Голлю» [4, с. 350].

Вторая ипостась: Наполеон – это зло. Лионель Жоспен, политик левого толка, так и назвал свою книгу – «Наполеоновское зло» [11], обвинив Наполеона среди прочих грехов в изобретении авторитарной формы правления. Но Наполеона обвиняют в изобретении не только авторитаризма, но и тоталитаризма; более того, доходят до того, что именуют его «промоутером геноцида» [14; 15]. Собственно говоря, все эти обвинения порой адресуются и Французской революции в целом, которая также является политически ангажированной темой.

Подобные заявления с завидной регулярностью повторяются в СМИ. Но вся эта продукция, иногда имеющая эфемерный успех, зачастую

не относится к серьезным научным работам, потому я и вынесла в название статьи термин «околонаучные дискуссии». Как отмечает известный специалист по наполеоновской эпохе, директор Фонда Наполеона Тьерри Ленц, эти идеи всегда популярны у массового читателя, падкого до сенсаций и вообще до всего, что связано с именем Наполеона, однако, считает Ленц, они не оказывают влияния на состояние исторической науки как таковой и на трансформацию взгляда на Наполеона как на создателя современной Франции, который, по мнению Ленца, постепенно начинает утверждаться в обществе. Может быть, позиция французского историка слишком оптимистична, но он полагает, что авторы подобных работ ведут лишь арьергардные бои, используя устаревшие аргументы. И в целом убежден, что французская наука уже давно должна выйти из манихейства 1950–1970-х гг., т.е. черно-белого взгляда на Революцию и Наполеона [14, р. 7].

Обвинения Наполеона в тоталитаризме возникли в XX в., когда тоталитарные и авторитарные режимы стали реальностью. Художественная литература очень чутко реагирует на состояние общества, и Джордж Оруэлл в «Скотном дворе» вывел образ Наполеона-борова, устанавливающего тоталитарный порядок. И хотя образ агрессивного кабана Наполеона отсылает скорее к Сталину, но Оруэлл так или иначе вписывает Наполеона в семью диктаторов XX в. Примечательно, что в первых переводах на французский он носил имя Цезарь, поскольку во Франции запрещено называть свиней Наполеонами. Правда, позже оригинальное имя вернули.

При этом если у Оруэлла Наполеон – объект критики как тоталитарный лидер, то идеологи фашизма и национализма еще до создания Третьего рейха взяли образ Наполеона на вооружение как эталон сильной личности. В 1927 г., когда во Франции вышел на экраны знаменитый немой фильм Абеля Ганса, посвященный Наполеону, немецкий публицист Вернер Хегеман (1881–1936) констатировал, что его соотечественники очарованы Наполеоном. При этом у немцев Наполеон вызывал амбивалентные чувства: не только притяжение и очарование, но и ненависть. Наполеон – великий человек, объединивший свой народ, но нанесший поражение немцам и итальянцам. Однако позже немцы его победили, и эта победа способствовала их национальному единению. В период между двумя мировыми войнами победа над Наполеоном, одержанная в 1815 г., напоминала, что реванш над Францией за поражение в Первой мировой войне был возможен [18, р. 275]. Иными словами, немцы, как и французы, приспосабливали имя Наполеона и память о нем к потребностям дня.

Уже с конца 1920-х гг. начинают публиковаться сравнительные биографии Наполеона и Гитлера. В 1941 г. Филипп Боулер, являвшийся с 17 ноября 1934 г. по 23 апреля 1945 г. начальником личной канцелярии Гитлера как руководителя НСДАП, опубликовал биографию Наполеона под названием «Гениальный Наполеон – светящий след кометы» [6], в которой Гитлер трактовался как продолжатель дела Наполеона. Однако после того как немцы потерпели поражение под Москвой в 1941 г., книга была изъята из продажи: аналогии напрашивались совсем нежелательные.

На имени Наполеона попытается спекулировать и сам Гитлер. Поражение Франции в 1940 г. совпало со столетием перемещения останков Наполеона со Святой Елены. Нацисты использовали этот юбилей, чтобы организовать возвращение в Париж останков Орлёнка, сына императора, погребенного в Вене [18]. Как в свое время Луи-Филипп, Гитлер тоже хотел совершить этот символический акт, дабы польстить самолюбию французов. Однако, как и Луи-Филиппу, ему это не особенно помогло. В условиях оккупации и поражения память о наполеонидах больше не прельщала французов. В народе говорили: «Вместо угля нам привезли пепел» (имеется в виду уголь для отопления, что было особенно актуально в условиях зимы); «Нам вернули мертвого узника вместо узников живых» [16, р. 267]. Маршал Петен тоже использовал память о Наполеоне в своих целях, проводя аналогии с 1799 г.: тогда Бонапарт покончил с Первой республикой, чтобы спасти Францию. Петен положил конец Третьей республике, чтобы облегчить положение Франции, оккупированной немцами [13, р. 91].

Не остались в стороне и англичане. Во время Второй мировой войны английские власти сравнивали планировавшуюся немецкую операцию вторжения на Британские острова «Морской лев» с проектами Булонского лагеря. Сталин в 1941 г. также вспомнил не только о героях Древней Руси, но и о подвиге русского народа в Отечественной войне 1812 г. В газете «Свободная Франция», публиковавшейся в Лондоне, в номере от 15 мая 1942 г. появилась статья, в которой сравнивались две русские кампании – Наполеона и Гитлера – и делался вывод, что Гитлер, так же как и французский император, найдет в России могилу для своей армии [14, р. 197].

После войны за дело взялись историки. В 1949 г. увидела свет книга голландского историка профессора Питера Гейла «Наполеон: за и против». Эта работа бывшего узника Бухенвальда до сих пор весьма популярна в англосаксонских научных кругах [1; 8]. В 1957 г. английский военный историк Уильям Джексон опубликовал книгу «Семь дорог на Москву», в которой обратился к истории вторжений Наполеона и Гитлера в Россию [10].

Как полагает Тьеири Ленц, традиция сравнения Наполеона и Гитлера имеет англосаксонское происхождение и уходит корнями к пропагандистской идеи о том, что либеральная Великобритания сначала поднялась против кровавого якобинского террора, а затем и против порожденного Революцией тирана. И так же, как и Гитлер, Наполеон был побежден истинными защитниками всеобщей свободы, т.е. англичанами. Такие теории, которые Ленц справедливо называет абсурдными, имели определенный успех у публики, падкой на броские идеи, причем не только в Великобритании, но и во Франции [14, р. 196].

Очередной всплеск сравнительных биографий Наполеона и Гитлера пришелся на конец 1980-х – середину 1990-х гг., когда среди британских историков снова актуализировалась мода на проведение исторических параллелей между периодом борьбы с наполеоновской Францией и временем борьбы с гитлеровским рейхом.

Наиболее известной стала вышедшая в 1988 г. работа Десмонда Сьюарда «Наполеон и Гитлер» [2; 19]. Автор этой книги находит много общего между Наполеоном и Гитлером: бедное происхождение и амбиции юности; холерический темперамент, состояние фрустрации из-за нереализованных амбиций; нетерпимость к критике; оба – иностранцы; страстная борьба за власть; государственный переворот для прихода к власти; идея создания для одного новой Франции, для другого – новой Германии; выбор войны как средства достижения цели; желание завоевать Европу; поражение в войне с Россией; желание покончить с Англией с помощью континентальной блокады; сопротивление доминированию, в Испании – для Наполеона, в оккупированных странах – для Гитлера; поражение перед лицом коалиции государств; финал авантюры ценой разорения их стран. Разница же заключается в том, что в распоряжении Гитлера были современная наука, средства массовой информации и более эффективный контроль.

Анализируя эту книгу, Тьеири Ленц иронично добавляет, что автор забыл указать, что оба этих человека не любили холод и ненавидели показываться обнаженными.

Данная «методология» анализа, по словам Ленца, основана абсолютно на пустом месте. Речь идет исключительно о ловко составленном тексте, основанном на манихействе, зрелицности и использовании общих мест. Не Геббельс ли утверждал [14, р. 199], что чем абсурднее ложь, тем охотнее в нее верят?

Появление в 1991 г. книги сэра Алана Буллока, посвященной сравнительному анализу Гитлера и Сталина, еще больше подогрело интерес к теме сопоставления Гитлера и Наполеона. Однако Буллок все-таки

сравнивал деятелей, живших в одно время, бывших жесткими авторитарными лидерами и являвшихся прямыми противниками.

Что касается сравнений Наполеона и Гитлера, то они, как отмечает Ксавье Модюи, просто некорректны [18, р. 276]. Порой все их «сходство» просто притянуто за уши. Авторитарный имперский режим стал прототипом тоталитаризма, полиция Фуше породила гестапо, политика в отношении евреев стала матрицей Холокоста, наполеоновские завоевания – прообразом завоеваний немецких нацистов, и в целом Наполеон – это модель Гитлера. Почему не наоборот – непонятно [14, р. 197].

Французская исследовательница Анни Журдан также отмечает, что порой авторы сравнительных биографий доходят до абсурда в своих сравнениях: Наполеон и Гитлер были иностранцами в своих странах; оба были небольшого роста (Модюи в заключении к своей книги специально посвятил этому вопросу отдельный пассаж, отметив, что рост Наполеона (168 см) был средним для того времени [18, р. 281]); у обоих был холерический темперамент; Бонапарт, как и Гитлер, не выносил противоречий и подчинил мир железом и кровью [12, р. 12].

У Десмонда Сьюарда появились и французские подражатели. В 2005 г. была опубликована работа писателя, философа и историка Клода Рибба «Преступление Наполеона» [20]. На обложке этой книги написано: «За 150 лет до Гитлера один диктатор, не колеблясь, раздавил своим сапогом часть человечества. И это не Гитлер, а его модель, Бонапарт. Как бесчинства этого деспота – женоненавистника, гомофоба, антисемита, расиста, фашиста, антиреспубликанца, который ненавидел как французов, так и корсиканцев, вплоть до настоящего времени не замечались широкой общественностью? Почему часть Франции в XXI веке пытается превратить “мясника” черных в национального героя? Двести лет спустя Клод Рибб впервые предоставляет свидетельства и доказательства Преступления Наполеона».

Поскольку автор книги является защитником исторической памяти бывших рабов, возглавляет Комиссию Антильских островов, Гвианы и острова Реюньон, его прежде всего интересует политика Наполеона во время экспедиции на остров Сан-Доминго. Как отмечает Ленц, выдвигаемый им тезис о том, что Наполеон намеревался организовать геноцид «черных» на Сан-Доминго, является абсурдным [7].

По словам Ленца, эта и подобного рода работы основаны на слабой источниковой базе и неглубоком знании историографии. Но в работах такого рода это и не важно: речь идет о «полуправде» или вообще лжи, с помощью которой создается некий тезис. Аналог – работы о «тайнах» смерти Наполеона [14, р. 200].

Опубликованная за несколько дней до двухсотлетия Аустерлицкого сражения, эта работа спровоцировала большую шумиху во Франции, что позволило автору книги утверждать, будто бы именно он испортил все памятные мероприятия. Но дело было не в нем, а в президенте Ж. Шираке, распорядившемся отменить юбилейные мероприятия, связанные не только с празднованием Аустерлица, а вообще с коммеморациями Первой империи.

Мы вышли еще на один важный упрек в адрес Наполеона, обвиняемого не только в тоталитаризме, но и в геноциде. Мишель Вовель, крупнейший историк-марксист, «последний из могикан», не так давно ушедший из жизни, в своей последней книге воспоминаний с негодованием отмечал, что в 2005 г. бурно обсуждали «преступления Наполеона» и «геноцид» в отношении населения Сан-Доминго [23, р. 112]. Известный историк Пьер Нора в интервью газете «Le Monde» 18 февраля 2006 г. подчеркнул, что так можно договориться до того, что и сама Французская революция будет восприниматься как преступление против человечества.

Надо сказать, что это уже происходит, особенно в связи с дискуссиями относительно событий гражданской войны в Вандее. Французский историк и издатель Рейналь Сеше более 30 лет добивается признания гражданской войны в Вандее геноцидом, а преступления против памяти об этой войне именует «меморицидом». Однако эта позиция вызывает резкое неприятие у левой историографии. Так, крупный французский историк-марксист Клод Мазорик именует идею «франко-французского геноцида» Сеше «безумной фантасмагорией», которая «не поддерживается ни одним серьезным историком» [5, с. 408]. Конечно, это далеко не так. Например, известный историк Пьер Шоню, научный руководитель Сеше, весьма высоко оценивает работы своего ученика. Он написал предисловие к книге Р. Сеше 1992 г., в котором также именует войну в Вандее геноцидом: «Эта война была самой жестокой из всех религиозных войн и первым идеологическим геноцидом» [21, р. 24].

Жан-Клеман Мартен, один из ведущих специалистов по Вандее, не именя войну геноцидом, называет ее антиреволюционным символом, чемпионом среди оппонентов Французской революции [17, р. 9]. Регион живет событиями той войны до сих пор, поэтому Мартен называет войну в Вандее «неоконченной» [Там же, р. 15].

Такое отношение к позиции Р. Сеше связано с тем, что он покусился на святая святых, а изменения в отношении к «священной корове» Революции происходят во Франции очень медленно, ведь Революция – это матрица современной политической культуры Франции. Иными словами, если признать войну в Вандее геноцидом, значит, поставить под сомнение Революцию как таковую.

Именно поэтому термины «геноцид» Наполеона и «геноцид» в Вандее неприемлемы для власти, при том что Наполеон для официальных властей в целом – это зло. Но Наполеон и Вандея – порождение Революции, а Революция – это святое, как бы к ней ни относились.

Несмотря на то что ведущие французские наполеоноведы, такие как Жан Тюлар, Тьерри Ленц, Пьер Бранда, Артур Шевалье, считают эпоху Консульства и Империи кульминацией Революции, когда были закреплены ее основные принципы, в обществе и среди правящей элиты отношение к Наполеону очень неоднозначное. А поскольку проблематика Революции и Наполеона политически ангажирована, как и сами историки (левые отторгают Наполеона, правые видят в нем создателя современной Франции), дискуссии о Наполеоне, как научные, так и околонаучные, будут происходить постоянно. Ведь как говорил Ленц в одном из своих интервью, Наполеон – это не только о прошлом, это о французах и европейцах XXI в. [15]. Вообще-то актуализация истории – характерная черта обыденного сознания, а не исторического. Но тема настолько политически ангажирована, а личность Наполеона настолько масштабна, что и историки не могут не выходить на современность, а выводы зачастую делают, исходя из своих политических пристрастий.

Сейчас порой говорят об упадке Франции. Несмотря на все дискуссии о Наполеоне, при нем французы точно не ощущали себя «упадочной» нацией, более того, именно Наполеон дал французам чувство национальной гордости и национального величия. Идея величия Франции была ключевым принципом Шарля де Голля, и первый президент Пятой Республики отдавал должное Наполеону. В беседе с Андре Мальро генерал де Голль произнес замечательные слова: «Он оставил Францию меньшей, чем ее нашел, это так... Но это как с Версалем: его надо было создавать. Нельзя торговать величием» [16, р. 102]. Вот и современные французы, на мой взгляд, снова хотят ощутить это чувство величия, как было раньше, при Наполеоне и де Голле, а не быть просто «младшим партнером» заокеанских друзей. Последняя сравнительная биография Наполеона и де Голля в 2017 г. была опубликована крупным французским историком Патрисом Генифе [9].

Таким образом, наполеоновская эпоха нуждается в серьезном исследовании и переосмыслении, ведь для французских историков Наполеон не являлся приоритетной темой, его не изучали ни в университете, ни в школе. И несмотря на то что сенсации, разоблачения, мистификации,

связанные с его именем, будут появляться постоянно, этой темой должны заниматься не падкие на жареные факты журналисты и не дилетанты-любители, а специалисты. Людям нравятся сказки, особенно страшные, и людям свойственно видеть то, что они хотят увидеть. А политтехнологи или политически ангажированные историки найдут в истории все что угодно. И запишут и братьев Гrimm, и Ульриха фон Гуттена в отцы-основатели национал-социализма, а потом и Наполеона в предшественники Гитлера; только одни будут это делать с гордостью, другие – с содроганием. Все это лишь подтверждает необходимость дальнейшего изучения наполеоновской проблематики.

Библиографический список / References

1. Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2018. [Zemtsov V.N. *Velikaya armiya Napoleona v Borodinskem srazhenii* [The great army of Napoleon in the battle of Borodino]. Moscow, 2018.]
2. Сьюард Д. Наполеон и Гитлер. Смоленск, 1995. [Seward D. *Napoleon i Gitler*. [Napoleon and Hitler: A Comparative Biography]. Smolensk, 1995.]
3. Таньшина Н.П. Наполеон Бонапарт в исторической памяти: между мифом, брендом и легендой // Новая и новейшая история, 2019. № 3. С. 146–166. [Tanshina N.P. *Napoleon Bonaparte in historical memory: Between myth, brand and legend*. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2019. No. 3. Pp. 146–166. (In Russ.)]
4. Тюлар Ж. Наполеон, или Миф о «спасителе» / Пер. с фр. А.П. Бондарева; Вступ. ст. А.П. Левандовского. М., 2012. [Tular J. *Napoleon, ili Mif o «spasitele»* [Napoléon et la noblesse de l'Empire]. A.P. Bondarev (transl. from French); A.P. Lewandowski (introductory article). Moscow, 2012.]
5. Чудинов А.В. Жизнь и революция. Интервью с Клодом Мазориком // Французский ежегодник. 2018: Межкультурные контакты в период иностранной оккупации / Под ред. А.В. Чудинова. М., 2018. С. 396–424. [Tchudinov A.V. *The life and revolution. Interview with Claude Mazoric*. *Frantsuzskiy yezhegodnik 2018: Mezhkul'turnye kontakty v period inos trannoy okkupatsii*. A.V. Tchudinov (ed.). Moscow, 2018. Pp. 396–424. (In Russ.)]
6. Bouhler Ph. *Napoleon: Kometenbahn eines Genies*. München, 1941.
7. Branda P., Lentz T., Lheureux-Prévot Ch. *Napoléon, l'esclavage et les colonies*. Paris, 2006.
8. Geyl P. *Napoleon: For and Against*. L., 1949.
9. Gueniffey P. *Napoléon et de Gaulle. Deux héros français*. Paris, 2017.
10. Jackson W.G.F. *Seven roads to Moscow*. L., 1957.
11. Jospin L. *Le Mal napoléonien*. Paris, 2014.
12. Jourdan A. *Mythes et légendes de Napoléon*. Paris, 2004.
13. Kern E. *Napoléon. Deux cents ans de légende. Histoire de la mémoire du Premier Empire*. Paris, 2016.
14. Lentz T. *Napoléon et la France*. Paris, 2015.
15. Lentz T. À la rentrée, les élèves vont découvrir un peu mieux Napoléon. *Le Point*. 15.08.2019.
16. Malraux A. *Les chenes qu'on abat*. Paris, 1971.

17. Martin J.-C. *Une guerre interminable. La Vendée deux cents ans après*. Paris, 1985.
18. Mauduit X. *L'Homme qui voulait tout*. Paris, 2015.
19. Poisson G. *Le retour des cendres de l'Aiglon*. Paris, 2006.
20. Ribbe C. *Le crime de Napoléon*. Paris, 2005 (réimp. 2013).
21. Secher R. *Le génocide franco-français. La Vendée – Vengé*. Paris, 1992.
22. Seward D. *Napoleon and Hitler: A comparative biography*. L., 1988.
23. Vovelle M. *Mémoires vives ou perdues. Essai sur l' Histoire et le souvenir*. Paris, 2018.

Статья поступила в редакцию 10.12.2019, принятa к публикации 12.02.2020
The article was received on 10.12.2019, accepted for publication 12.02.2020

Об авторе / About the author

Таньшина Наталья Петровна – доктор исторических наук; профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; ведущий научный сотрудник лаборатории западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Natalia P. Tanshina – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of General History of the Institute for Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow; Leading Researcher at the Laboratory of Western European and Mediterranean Historical Studies at the Faculty of History, State Academic University for the Humanities, Moscow; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Europe and America of Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: nata.tanshina@mail.ru

История международных отношений и внешней политики

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-98-116

А.В. Сарабьев

Институт востоковедения РАН,
107031 г. Москва, Российская Федерация

Высокая миссия в Сирии и Ливане. Россия и левантийские православные (по донесениям генконсула в Бейруте Г.Д. Батюшкова)

Анализ положения паствы Антиохийского патриархата Православной церкви в сирийских и ливанских областях Османской империи предлагается сквозь призму оценок российского генконсула в Бейруте. Большинство документов относится к 1912 г., когда напряженность социальных отношений в регионе достигла высшего накала в условиях Итalo-турецкой (октябрь 1911 – октябрь 1912 гг.) и Первой Балканской войны (сентябрь 1912 – май 1913 гг.), во многом разделивших общественное мнение. Документы позволяют воссоздать правдивую картину столкновения интересов европейских держав в арабских вилайетах, их методы опоры на различные конфессиональные группы. Религиозные институты активно использовались в межпартийной борьбе на уровне центральных османских органов управления, и православный клир не представлял исключения. Сиро-ливанские православные находились в центре внимания России как единоверцы, а следовательно, наиболее расположенная к российскому влиянию социальная группа. Российские дипломаты пристально следили за набиравшим силу межконфессиональным противостоянием в условиях кризиса международной ситуации. Материальная помощь из России, российские

© Сарабьев А.В., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

образовательные и медицинские учреждения продолжали действовать в арабских вилайетах империи. Продолжение политики «мягкой силы» могло бы позволить России добиться гораздо больших успехов в противодействии европейским колониальным формам в виде международных «мандатов» на страны Ближнего Востока в последующий период.

Ключевые слова: Сирия, Ливан, православные, российская дипломатия, Итalo-турецкая война, Первая Балканская война, Османская империя, младотурки

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Сарабьев А.В. Высокая миссия в Сирии и Ливане. Россия и левантинские православные (по донесениям генконсула в Бейруте Г.Д. Батюшкова) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 98–116. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-98-116

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-98-116

A. Sarabiev

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, 107031, Russian Federation

High mission in Syria and Lebanon. Russia and the Levantine Orthodox (according to the reports of the Consul General in Beirut, Georgy D. Batyushkov)

The analysis of the position of the flock of the Antiochian Patriarchate of the Orthodox Church in the Syrian and Lebanese regions of the Ottoman Empire is presented through the prism of assessments of the Russian consul general in Beirut. Most of the documents relate to 1912, when the tension of social relations in the region reached its highest level in the conditions of the Italo-Turkish (October 1911 – October 1912) and the First Balkan Wars (September 1912 – May 1913), which largely divided the social opinion. The documents allow to recreate the true picture of the clash of interests of the European powers

in the Arab provinces, their methods of relying on different confessional groups. Religious institutions in those years were actively used in the inter-party struggle at the level of the central Ottoman government, and the Orthodox clergy was not an exception. The Syro-Lebanese Orthodox were in the center of attention from Russia as co-religionists and, as a result, the most social group located to Russian influence. Material assistance from Russia, our educational and medical institutions continued to operate in the Arab vilayets of the empire, and if this kind of support for the Orthodox Levant were continued, Russia would have achieved much greater success in countering European colonial forms in the form of international "mandates" to the Middle East subsequent period.

Key words: Syria, Lebanon, Orthodox, Russian diplomacy, Italo-Turkish war, Balkan war, Ottoman empire, Young Turks

FOR CITATION: Sarabiev A. High mission in Syria and Lebanon. Russia and the Levantine Orthodox (according to the reports of the Consul General in Beirut, Georgy D. Batyushkov). *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 98–116. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-98-116

Авторитет России, самой обширной державы в мире, нередко обязывал российскую дипломатию выходить за рамки страны-покровительницы только для православных и во многом брать на себя третейские функции в улаживании межконфессиональных противоречий на Ближнем Востоке. Взвешенная позиция в целом характеризовала российскую внешнюю политику в этом регионе и в имперский период.

Между тем важно подчеркнуть, что ощутимого российского «культурного проникновения» на территории Сирии и Горного Ливана – по крайней мере до распространения на них в 1890-е гг. деятельности Императорского православного Палестинского общества (ИППО) – не было. Всерьез говорить о «российском присутствии» в регионе не приходится: это лишь стереотип, сформировавшийся в основном по аналогии с мощной политической поддержкой, миссионерской деятельностью и целенаправленными образовательными и благотворительными проектами на Ближнем Востоке некоторых европейских держав.

Однако определенное внимание к сиро-ливанским православным со стороны российских властей сохранялось. В разные годы поддержка русскими своих единоверцев-арабов весьма различалась, временами усиливаясь (как, например, после трагических событий 1860 г.), а порой снижаясь до минимума. Тем не менее общий стереотип царившего тогда религиозного протекционизма довел и над российской политикой.

Например, арабский историк Никула Зияде трактовал Крымскую войну 1853–1856 гг. следующим образом: «Основанием для войны послужило распространение российского [влияния] на Балканах, настойчивость в защите некоторых святых мест в Палестине, наряду с защитой православных. Ведь отсюда естественным образом следовало стремление остановить продвижение российского православного влияния прежде, чем оно усилится в районах проживания больших православных общин, а заодно и затруднить миссионерскую деятельность» [24, с. 246]. То есть роль русских в решении ближневосточных вопросов и тогдашние европейские политики, и многие нынешние историки определяли исходя из соответствующих «особых интересов» европейских стран в регионе, втягивая в эту парадигму и российскую внешнеполитическую стратегию.

На протяжении всей Новой истории российские власти стремились не упускать из внимания судьбу православных на территориях Палестины, Сирии и Ливана. Следуя традиционной для европейцев опоре на определенные конфессиональные общинны, очевидно, предполагалось, что русские будут продолжать поддерживать православных арабов как единоверных большинству населения Российской империи.

Установить истинное положение дел помогает обращение к документам, в том числе более чем вековой давности, годов, непосредственно предшествовавших Первой мировой войне. Анализ деятельности российских дипломатов тех лет представляет интерес ввиду широты затронутых в дипломатической переписке тем, в числе которых было и участие в судьбе палестинских и сиро-ливанских православных – своего рода мониторинг положения этой многочисленной общинны. Вопрос, нуждающийся в прояснении, может заключаться в следующих его составляющих. В какой степени в документах тех лет выявляется утилитарный подход России к протекции по отношению к православным арабам? Проглядывает ли за детальным отслеживанием местной межконфессиональной ситуации российскими дипломатами на местах некая общая государственная стратегия экспансии по примеру полуколониального влияния «классических» ближневосточных патронов – Англии и Франции? Насколько в дипломатической переписке отразилось желание Российской империи угнаться за европейскими соперниками, более расчетливыми и удачливыми в этом регионе?

Все приводимые ниже сведения почерпнуты из одного внушительно-го по объему (575 листов) дела Архива внешней политики Российской империи (Ф. 151 [Политархив]. Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413; донесения в I Департамент МИД в большинстве своем дублировали донесения в российское посольство в Стамбуле).

Выбор года – «хронологического среза» из жизни сиро-ливанских православных – обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, полнота сведений дипломатических донесений, собранных в деле, позволяет осветить тему во многих ее аспектах: внутренние отношения, церковные дела, проблемы политического участия, эмиграция, внешнее влияние и др. Во-вторых, тревожное время окончательного утверждения у власти младотурок и острая межпартийная борьба во всех крупных городах империи усугубились Итalo-турецкой войной, и на февраль 1912 г. выпала поразившая левантийцев и вошедшая в историю «бомбардировка» Бейрута – обстрел с итальянских кораблей, стоявших на бейрутском рейде, турецких судов, порта и самого города. В-третьих, в тот же год активно обсуждались изменения в Органический статут автономного Горного Ливана, предлагаемые державами-гарантами с целью более эффективной защиты ливанских христиан. Наконец, в-четвертых, на фоне этих событий стало усиливаться напряжение отношений мусульман и христиан, что воскрешало в памяти события полуторавековой давности – резню христиан в Дамаске и Алеппо и кровавые межобщинные столкновения в Горном Ливане в 1860 г. Таким образом, 1912 г. стал показательным в отношении православных сирийских и ливанских областей Османской империи. Анализ событий этого года на основе первоисточников может способствовать более глубокому пониманию положения вообще ближневосточных христиан накануне Первой мировой войны и пика геноцида малоазийских христианских общин (армян, ассирийцев, сирийцев) в 1915 г.

В нашем случае стержневым аспектом является участие в судьбе христиан Шама (Леванта) Российской империи, под особым покровительством которой находились православные. Важная роль в этом деле отводилась дипломатическим миссиям. Возглавлял тогда Российское Императорское генеральное консульство в Сирии (г. Бейрут¹) статский советник Г.Д. Батюшков (1866–1923), знаток арабского и персидского языков.

Разные районы Османской империи (или, как теперь принято говорить, субрегионы) уже несколько десятилетий являлись сферой стратегической конкуренции Германии, Франции и Британии. Сирийские территории, Горный Ливан и некоторые районы Юго-Восточной

¹ Будущая столица Ливана была тогда главным городом Бейрутского вилайета Османской империи и условно входила в число сирийских районов. Собственно ливанцами называли лишь жителей Горного Ливана (Джебель Любнан) – территории под особым контролем шести держав-гарантов (Франции, Великобритании, России, Австрии, Пруссии и Османской империи) на основании Органического статута, составленного после «христианской резни» 1860 г. и европейского вмешательства 1861 г.

Анатолии в первом десятилетии XX в. оказались в зоне активности Франции [28, с. 15]. Это обстоятельство побуждало российское генконсульство в Бейруте внимательно следить за ситуацией в регионе в целом и в частности за судьбой местных православных. Батюшков докладывал послу в Стамбуле о повышенном внимании французской дипломатии к арабским вилайетам: «Остается несомненным, что Франция усиленно интересуется распространением своего влияния в Сирии, чему здешний генеральный консул Куже помогает со столь же большим усердием, как и пониманием положения» [16, л. 80а, 80б об.]. Весьма активен был и британский генконсул Г.А. Камбербэтч.

Развитие межконфессиональной ситуации в ближневосточных обществах шло тогда в условиях Итalo-турецкой (октябрь 1911 – октябрь 1912 гг.) и Первой Балканской войн (сентябрь 1912 – май 1913 гг.). В интересах России было не упустить дела региона за бурными событиями в Европе и Средиземноморье. Обе эти войны прямо и косвенно затрагивали арабские области Османской империи. С моря, вдоль побережья Восточного Средиземноморья, нависала угроза со стороны итальянских военных кораблей. Левантийское население в условиях войны испытывало на себе тяжесть мобилизации резервистов (так называемого *редифа*) при чрезвычайной скудости ресурсов. По сути, арабы Шама рисковали быть отправленными на передовую в войне с балканскими христианами. Арабские христиане, в свою очередь, еще с 1911 г. стали подпадать под призыв в действующую армию (хотя до того времени существовал запрет на службу в армии для всех христиан империи). Наряду с повальным уклонением от призыва вообще арабов, которым была чужда необходимость воевать с балканцами, арабы-христиане как единоверцы воюющих с Османской империей христианских народов Европы особенно стали подозреваться в сочувствии врагу.

С нарастанием военной напряженности ситуация достигла масштабов поголовного призыва. Так, российскому генконсулу даже пришлось вмешаться, чтобы урегулировать с триполийским губернатором Абдул-карим-бесем вопрос о призывае учителей школ ИППО, которые иным способом не могли получить освобождения от него в этом вилайете. «Почему-то начальник местных войск Халиль-паша настаивает на призывае к отбыванию воинской повинности даже тех учителей, которые представляют явленные в Бейрутском маарифате свидетельства об окончании учительских школ Общества. Придется прибегнуть, – писал Батюшков, – к Дамасскому консульству с просьбой воздействовать на мушира в желательном для нас смысле» [11, л. 14]. Конечно же, этот неслыханный дотоле шаг младотурецкого правительства – призыв в армию в условиях войны с христианскими народами Европы и арабов-мусульман,

и арабов-христиан – не мог не оказаться на межрелигиозных отношениях, которые стали постепенно обостряться.

Что касается численности православной паствы, то в рукописной рабочей записи Батюшкова находим следующие сведения о населении Горного Ливана: «Марониты – 230 т[ысяч]. Православные – 52 т. Мельхиты – 30 т. Друзы – 47 т. Шииты – 23 т. Сунниты – 14 т.» [21, л. 319]², т.е. православные в количественном отношении уступали маронитам в 4,4 раза. По другим данным, куда включены, очевидно, и города с большой долей православного населения, это соотношение составляло всего 2,4 (305/125,2 тыс. на 1914 г.) [28, с. 114]. В самом же Бейруте православные по численности и вовсе превосходили маронитов: 38/31 тыс. на 1914 г. [Там же]. В процентном отношении (по другим данным) это выглядело как 23/21% на 1912 г. [27, с. 131]. По Бейрутскому вилайету долю православных оценивали в 13,5% [19, с. 11]. В Дамаске доля православных – самой крупной христианской общины – составляла 13% [20, с. 81], а по Сирийскому вилайету – 14,45% [Там же, с. 5]. Были данные и по другим районам: например, генконсул в донесении приводит результаты переписи в Аданском вилайете: «В Аданском вилайете православных 19 560, яковитов 1560, армян всего 61,6 тыс. – из всего 516 тыс. чел. (429,5 мусульман)» [2, л. 44 об.].

Как известно, при поддержке российской дипломатии на Антиохийский престол в 1899 г. впервые был избран патриарх не греческой, а арабской национальности – Мелетий II Думани, и арабы хранят об этом событии благодарную память. Постоянные контакты поддерживались и с избранным в 1906 г. следующим патриархом Григорием IV Хаддадом. Отдавая должное его личным достоинствам («недюжинный ум и нравственные качества»), российский генконсул, правда, довольно критически отзывался о деятельности этого патриарха. Имея постоянную резиденцию в Дамаске, патриарх в марте имел «продолжительное пребывание в Бейруте», о чем Батюшков писал: «Оно не дало, однако, какого-либо толчка для усовершенствования внутренней жизни общины. <...> Ни на занятиях в школах, ни на собраниях благотворительных обществ, Его Блаженство не присутствовал и ничем иным, кроме вышеупомянутых денежных пожертвований, не проявил участия к интересам бейрутской паствы» [4, л. 56, 57].

Бейрутской православной общине того времени генконсул Батюшков давал развернутую и нелицеприятную характеристику: «Надо сказать, что православная община в Бейруте, считающая в числе своих членов

² На следующей странице этой рабочей записи автором надписано: «Францисий проявляется большая нетерпимость к другим иноверным исповеданиям».

первых жителей этого города, наиболее образованных, имевших возможность благодаря своему богатству побывать в Европе и Египте и, следовательно, несколько воспитать себя, составляющих, наконец, “le monde” Бейрута, не отличается не только фанатизмом, что было бы лишь похвально, и усердием в делах религии. Большинство этих лиц, учившихся в инославных школах – католических и протестантских, не посещает никакой церкви, привыкнув в детстве бывать в инославных храмах при школах и потому отвыкших от хождения на православное богослужение, кроме разве в самые большие праздники. Кроме такого индифферентизма, община отличается и раздорами, которые начинаются нередко от таких пустяшных причин, что трудно верить, чтобы не было более существенных оснований к взаимной вражде, однако все эти поводы немедленно возбуждают чувствительное до крайности самолюбие и заинтересованные лица стараются нанести друг другу материальный ущерб, что порождает бесчисленные и совершенно неосновательные имущественные процессы» [4, л. 56 об.].

Среди бейрутских православных было достаточно состоятельных лиц, которым автор донесения ставит в упрек их нежелание поддерживать единоверцев. «Наконец, кроме, быть может, 3–4 лиц, все эти богачи ничего не делают для пользы своей общины и нуждающихся членов ее [ссылка в документе: “Счастливое исключение составляют наш почетный драгоман – Юсуф Сюрсок – обладатель нескольких миллионов франков – и его племянник, значительно менее богатый, также почетный драгоман Г[енерального] К[онсуль]ства – Михаил Сюрсок, да разве Неджиб Трад и весьма немногих других”], уклоняются от всякого труда или хлопот ради своих собратий и весьма неохотно расстаются с самой скромной суммой, ища возможности использовать ее несколько раз. Ничего со стороны Патриарха не было сделано, чтобы смягчить эти недостатки своей паствы. Бл. Григорий ограничивался тем, что вносил свою лепту в разные благотворительные учреждения, что было ему нелегко, ибо сам он не собирал здесь обильной жатвы, и лишь перед отъездом Его Блаженства с большим трудом собрали ему до 8–10 тыс. фр[анков], несмотря на полное уважение и к Его Блаженству, и признанию его искренне верующим и во всех отношениях достойным иерархом» [Там же, л. 56 об. – 57].

Среди сиро-ливанских сельских районов почти поголовно православным и до сих пор можно считать уезд (*каза*) Куру. Эта каза находилась «под специальным наблюдением» нашего генконсульства. По всему уезду во множестве имелись и сохраняются до сих пор старинные храмы и монастыри. Правда, уже в начале XX в. там наблюдалось сильное влияние протестантов, а английский язык был для православных

предпочтительнее, нежели французский. Отчасти последнее являлось скорее следствием развитых связей православных с диаспорой в США и обучения в школах протестантских миссий. Как писал Батюшков, с православными этого района «ищут [возможности] сблизиться в особенности протестантские миссии, которые и без того имеют сильное распространение в Куре, где говорят по-английски не только вернувшись из Америки, но и многочисленнейшие ученики и ученицы американских школ, как местных, так и триполийских и др. – на Ливане и даже в Бейруте» [11, л. 12 об.].

Генконсул подчеркивал второстепенность для пронизанной католическим влиянием администрации Горного Ливана этой православной области. Продолжая свои наблюдения, он сообщал: «У маронитского в подавляющем большинстве управления Ливана и [генерал-губернатора] Юсуфа-паши православная Кура является своего рода пасынком, и куриотам чрезвычайно трудно добиваться, не обращаясь к помощи Генерального Консульства, малейшего расхода на улучшение в казе или удовлетворения какой-либо потребности населения...» [Там же, л. 15].

Что же касается отношения сиро-ливанских православных к России, то автор подчеркивал в своем донесении их удивительное предпочтение местным властям российского диппредставительства в разрешении любых жизненных затруднений. Интересно, что полутора десятилетиями ранее то же самое отмечал в своих письмах А.Е. Крымский. В 1890-х гг. он писал из Горного Ливана, что во многих домах на стенах висели портреты российского императора и многие православные были убеждены, что они – подданные России [18, с. 174]³.

Российскому генконсулу не раз приходилось быть свидетелем «восторга и энтузиазма» населения. Например, люди были рады политическому воздействию российского генконсульства и посольства на Порту, результатом которого стало избрание каймакамом (наместником) православного из Куры: «Неизменно было выражение благодарности за содействие к назначению каймакамом лица, происходящего из самой Куры и принимающего посему интересы округа близко к сердцу, отступающего их в административных сферах» [11, л. 14 об.].

На дипломатическое представительство России в Бейруте – головное для консульств в Дамаске и Алеппо, вице-консульств в Триполи, Яффе и Хайфе, консульских агентств в Латакии и других городах – возлагались особые надежды православных Сирии и Горного Ливана. Через бейрутское генконсульство проходили и денежная помощь Антиохийской

³ Письма 1896–1898 гг. впервые были изданы лишь в 1975 г., и, вероятнее всего, их содержание было неизвестно Г.Д. Батюшкову.

церкви, и политическая поддержка православного населения: «Ради удовлетворения своих нужд... куриоты обращаются исключительно в Российское Генеральное Консульство, совершенно не признавая других властей... что заставляет Генеральное Консульство с тем большим вниманием относиться к разного рода представительствам куриотов, которые, надо надеяться, на некоторое время по крайней мере будут спокойны, добившись давно желанного назначения своего земляка во главе уезда» [11, л. 15].

Большинство православных арабов ориентировались на своего покровителя – Россию (как, собственно, и наоборот). Правда, на тот момент их интересы отчасти совпадали и с британскими. Впрочем, это не был тактический союз: скорее уж в своих симпатиях к англичанам православные выбирали прежде всего те силы, которые противостояли французскому влиянию и, конечно, экспансивности своих сограждан-маронитов. Так, российский генконсул рапортовал даже об «антифранцузском течении с англофильским оттенком», о вызванном неудачной для турок войной «знаменательном и симптоматическом» настроении: «Подчеркнув существующее уже давно несимпатичное к туркам отношение арабов-христиан и даже мусульман, оно выдвинуло особенную антипатию самых различных элементов против Франции, и в этом чувстве сливаются с мусульманами и друзы, и православные, даже молодежь из маронитов, пожившая в Египте или в Америке и др. цивилизованных странах, преимущественно под британским покровительством, и, пораженные благоустройством этих стран, особенно по сравнению с Турцией, жаждут разделить блага этого режима» [14, л. 150а – 150а об.].

В соответствии с развитием региональной ситуации на первый план для европейских дипломатов в Сирии стали выходить межконфессиональные отношения, накалявшиеся под влиянием внешних обстоятельств. На их обострение в арабских провинциях подействовали восстания в Румелии летом 1912 г., затем начатые 8 октября Черногорией военные действия против османских войск, а с 18 октября – развязанная коалицией балканских областей империи настоящая война.

Отношения накалялись, и основной причиной этого стало предательство, как считали сторонники османализма, балканских народов, выступивших против своего халифата: в ноябре албанское восстание закончилось провозглашением независимости, а в декабре Порта была вынуждена начать мирные переговоры уже с Болгарией. В различных кругах арабской общественности события виделись сквозь призму мусульмано-христианского соперничества. И напряженность в отношениях с мусульманами, и военные сборы резервистов-христиан стали причиной бегства христиан в Горный Ливан под защиту удаленных монастырей, а также мощной волны внешней эмиграции.

Спустя несколько дней после начала Балканской войны, Батюшков писал: «Надо признать, что роль духовных глав населения немусульманского ныне нелегка: имея своими противниками всех христиан, мусульмане стараются дать почувствовать иноверцам, что они все же господа у себя, и в то же время подозревают каждого христианина в сочувствии врагам и отсутствии патриотизма. Нельзя, разумеется, отрицать, что христиане без всякого энтузиазма раскошеливались для взноса выкупа за воинскую повинность... В ряды войск шли и мусульмане неохотно, иноверцы же бежали массами. <...> Бегство в Америку и другие страны, составляющее здесь обычное явление, вызывается главным образом отсутствием обеспеченности прав и имущества» [12, л. 146–146 об.].

Генконсул описывает эпизод, характеризующий напряженность и нервозность, царившие в связи с войной в кругах ливанской элиты, включавшей богатые христианские дома: «Супруга генерал-губернатора, м[ада]м Эхдем-бей, образованная, воспитанная турчанка, хотела было обрушиться на местных дам-богачек, преимущественно православных, которые недостаточно поспешили откликнуться на ее зов, и стала уверять их в отсутствии патриотизма и сочувствии своим единоверцам – врагам отечества...» [Там же, л. 147].

Среди населения все глубже пролегала линия, разделявшая тех, кто оставался патриотом Османского халифата, видя основу его единства в исламе, с одной стороны, и тех, кто надеялся на либерализацию национальной и религиозной политики Порты под нажимом событий в европейских вилайетах, – с другой. «Настроение мусульман подавленное, – писал Батюшков, – христиане же, не решаясь очень показывать это, торжествуют, надеясь, что победа балканских государств отразится благоприятно на положении их в Турции» [Там же, л. 147 об.]. В конце октября он сообщал уже о волнениях среди бейрутских мусульман, спровоцированных настроениями среди христиан: «Нельзя отрицать существование брожения среди местных мусульман, собирающихся в своем квартале Баста, где они горячо обсуждают текущие события и решают в случае тех или иных известий с театра войны, “двинуться” (куда – неизвестно), и эта-то неизвестность и пугает христиан. С другой стороны, христиане, особенно православные, не скрывают своего сочувствия победам своих единоверцев, чем страсти далеко не успокаиваются» [13, л. 148 об.–149]. Генконсул сообщал и о провокативном поведении некоторых предводителей христиан, в частности членов французского диппредставительства – драгомана Михаила Тузини (православного) и некоего маронита Жмайеля (о каком из представителей этого знатного рода шла речь, установить не удалось). Они якобы громко выражали свою готовность дать отпор мусульманам в случае

беспорядков. О нежелательности таких провокаций Батюшков даже уведомил своего французского коллегу [14, л. 150г–150г об.].

Причина раздражения левантийских мусульман была в общем очевидной: в условиях нарастающего давления европейских государств на Порту и даже прямых военных действий против османских провинций многие мусульмане выражали солидарность с действиями своего султана и правительства против балканских христиан-«бунтовщиков» и тех своих соотечественников, кто пользовался поддержкой зарубежных христианских покровителей. Межрелигиозное напряжение нарастало. Советский востоковед, знаток событий в арабском Машрике на заре Первой мировой войны Л.Н. Котлов писал: «Против балканских врагов Порты выступали и многие политические деятели. Еще в канун войны с угрозами в адрес балканских государств и румелийских “мятежников” обрушился в своих стихах Маруф ар-Русафи. Ему вторил Абдалмухсин аль-Казыми, проклинивший измену румелийских подданных султана. Он призывал строить пирамиды из черепов “неверных” и славил “защитников веры”. В том же духе выступали Хейри аль-Хиндави, поэты-исламисты Абдаррахман аль-Банна, Мухаммад Хасан Абу-ль-Мухсин, Шекиб Арслан и многие другие» [17, с. 272–273].

Еще более неспокойными межконфессиональные отношения стали в следующем, 1913-м, году. Мусульман (а возможно, и православных) не могла не раздражать безнаказанная агрессия против империи-халифата католической Италии: Итalo-турецкая, или Триполитанская, война окончилась в октябре 1912 г. позорными для империи соглашениями, предсставлявшими независимость Триполитании и Киренайке, причем фактически страны переходили под юрисдикцию итальянской короны. Наряду с этим множество католических миссий, образовательных учреждений – от школ до университетов, больницы, приюты для детей-сирот и другие продолжали свою активную деятельность, вовлекая в нее все слои населения разных вероисповеданий. Такая социальная активность католиков была дополнительным раздражающим моментом для местных мусульман.

Итальянские военные суда продолжали курсировать в Восточном Средиземноморье, что привело к жертвам среди мирного населения и разрушениям в Бейруте в результате его обстрела, а затем попытались контролировать порт Триполи. В народе, как сообщал управляющий генконсульством В.В. Голенищев-Кутузов, царило «убеждение, что итальянская эскадра, наверное, посетит еще раз Бейрут» [8, л. 82 об.]. Впоследствии, действительно, так и случилось. Позднее Батюшков писал о заходе на сутки 15–16 августа 1912 г. в порт Бейрута итальянской эскадры, в том числе пяти крейсеров, которые отправились затем осматривать другие сирийские порты [10, л. 124–125 об.].

В свою очередь, ситуацию накаляли жесткие действия османской администрации в отношении своих же подданных-немусульман. Они демонстрировали явную неспособность (а для многих это звучало как преступное желание) ограничить в Сирии и Ливане непосредственное влияние на политику и экономику европейских держав-гарантов, державших под своей опекой местных арабских христиан. Наконец, противостояние армянских христиан Киликии и властей, посыпавших на подавление бунтов регулярные армейские части, вело к усугублению подозрений части мусульман по отношению к христианам и разжигало межрелигиозную ненависть.

Об этих тревожных тенденциях писали и Батюшков, и его заместитель в Бейруте (опираясь, в частности, на доклад из Мерсины вице-консула А. Мавромати): «Несомненно, готовится какое-то движение. В противном случае необъяснимо запасание оружием, чем ежедневно занимаются мусульмане, и то отношение, при котором власти ничего не делают, чтобы прекратить эту тенденцию, и еще менее, чтобы предотвратить опасность, к которой может привести такое положение духа, особенно проникнутое фанатизмом против христиан вообще» [1, л. 81].

В описанных условиях обеспокоенность положением христиан в регионе, которую проявляли российские дипломаты, была в высшей степени оправданной. Особенное внимание к сиро-ливанским православным со стороны единоверной Российской империи было для тех ожидаемым, закономерным и, по мнению многих местных жителей, необходимым.

Другое дело, что внимание Министерства иностранных дел Российской империи было сосредоточено в те годы в значительной степени на Балканах и статусе проливов, тогда как восточные направления – столкновение интересов с Великобританией в Афганистане и, конечно, с Францией в Сирии и Ливане – как будто бы несколько отставали. Продуманная, основательная и поэтапная политика в отношении этих стратегически важных направлений (в том числе и с помощью «мягкой силы») зачастую уступала место безрассудным военным планам типа похода через Афганистан на Британскую Индию или оккупации областей вокруг проливов и на северо-востоке Малой Азии. В то же время, как явствует из документов, работа российских консулов в арабских областях, равно как и посольства Российской империи в Константинополе, велась на высоком уровне.

Конечно, можно согласиться с критическим взглядом, высказанным И.М. Смилянской в отношении косности мышления внешнеполитического руководства царской России, словно не успевавшего следить за стремительными изменениями на Арабском Востоке: «Российское Министерство иностранных дел, – пишет она в недавно вышедшем

исследовании, – не имея четкой стратегической задачи, апеллировало в своей политике к “историческим традициям”, не замечая важных перемен, совершившихся в османском обществе, появления в общественно-политической жизни второй половины XIX – начала XX в. новых социальных сил. Мимо внимания руководителей внешней политики прошло арабское возрождение и его деятели, а затем и идеологи и участники рождающегося национального движения. Между тем в процессе реформирования османского государственного аппарата роль духовенства в общественной жизни значительно снизилась» [22, с. 67].

Действуя в сирийских и ливанских областях по привычке – в значительной степени только через Антиохийскую православную иерархию, слабо контролируя поступающую туда материальную помощь, тогдашние российские политики не учитывали произошедших в сирийском социуме изменений, выведших на авансцену новое поколение, людей арабской Нахды (возрождения), настроенных на демократические преобразования и жадно впитывавших новые интеллектуальные достижения европейской культуры. Между тем арабы испытывали воодушевление возможностями, которые открывались перед ними с активизацией настоящей, как им казалось, политической жизни и явными элементами децентрализации при младотурках. Как пишет арабский историк Абдалла Ханна, ведущие сирийские политики вернулись в Сирию и успешно участвовали в выборах в парламент Османской империи (*Маджлис аль-маб'ус*), а затем и в сенат (*Маджлис аль-а'ян*). В 1913 г. в Париже прошла Первая Всеарабская конференция, возглавил которую Абдулхамид аз-Захрауи [27, с. 97–98].

Вместе с тем, благодаря деятельности российских дипломатов на местах, их пространной аналитике и пристальному вниманию не только к политическим перипетиям, но и к нуждам населения, в распоряжении правительства России имелись все необходимые средства. Покровительство сиро-ливанским православным было тогда лишь одним из направлений такого рода деятельности наших диппредставительств в арабских областях.

Как можно видеть из приведенных документов, поддержка левантийских православных была довольно тактичной. Она не имела оттенка использования этой общины как агента влияния и не была частью особой экспансиистской «церковной политики» в условиях продолжавшегося межцерковного соперничества православных патриархатов. Во многом она отвечала ожиданиям самих православных верующих – сирийцев и ливанцев. Эта община ощущала на себе политическую и материальную поддержку со стороны Российской империи, которая была им очень кстати в обстановке конкуренции (причем далеко не всегда

честной) с другими общинами, например в сфере местного управления или образования. Возможно, если бы помочь по линии ИППО православным школам в Шаме не сворачивалась бы в начале второго десятилетия ХХ в.⁴, если бы нашлась возможность продолжить предоставлять образование сиро-ливанским клирикам и мирянам в русских и малороссийских духовных училищах и семинариях, если бы медицинские центры и пункты в арабских вилайетах Османской империи продолжали создаваться на российские средства, то вполне вероятно, что с такой подпиткой и в таких условиях миссия наших дипломатов в конечном итоге принесла бы на Ближнем Востоке куда более значимые плоды.

Итак, ответы на вопросы, поставленные в начале статьи, могут быть только отрицательными. В целом внешнюю политику Российской империи в те годы, безусловно, можно заподозрить в определенном экспансионистском настроении, продиктованном как стратегическими интересами, так и требованием расширять зону безопасности самых протяженных в мире государственных границ, особенно в условиях максимально обострившегося соперничества с мировыми колониальными державами. Однако в исследуемых дипломатических донесениях с мест – а это большой объем исторических документов за разные годы и из разных консульств и генконсульств на Ближнем Востоке – не удалось обнаружить и намека на какой-либо инструментальный подход наших дипломатов по отношению к православным общинам региона. Напротив, это российских дипломатов буквально атаковали разного рода просьбами о помощи, в том числе материального характера. Российские диппредставительства в большинстве случаев служили очагами, куда православные арабы обращались в первую очередь даже в своих частных нуждах.

Конечно, православной пастве оказывалась и политическая поддержка страны с несравненно более многочисленным православным населением, поддержка мощной и влиятельной мировой державы, какой была Российская империя. Но в наибольшей степени усилия наших дипломатов были направлены на выявление тревожных симптомов в сфере межконфессиональных отношений и в конечном счете нацелены на поддержание общественной безопасности в арабских вилайетах.

В конкурентной борьбе с «классическими» метрополиями, считавшими и ближневосточные территории «зонами своих особых интересов», – Англией и Францией, а также Италией и Германией, как следует из исторических документов, Россия никогда не пыталась использовать

⁴ В то же время, как пишет ливанский профессор Масуд Дагер, французы вплоть до 1914 г. контролировали в Сирии и Ливане до половины всех школ и учащихся [25, с. 25].

в своих интересах фактор межконфессиональной розни, как бы далеко ни заходили порой европейские планы по разделу наследства «большого человека Европы» – слабевшей Османской империи.

Сохранившиеся в архивах документы той поры, в частности донесения и черновые записи генконсула Батюшкова, подводят к этим выводам и служат убедительным примером плодотворной работы российской дипломатии в трудное для восточной политики время – период нескольких войн, ставших прологом к Первой мировой войне.

Библиографический список / References

1. Доклад вице-консула А. Мавромати (копия) из Мерсина от 23 мая 1912 г., № 452 «Проблемы общественной безопасности» в Российское генконсульство в Бейруте (на фр. яз.) // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 80–81 об. [Report of Vice Consul A. Mavromati (copy) from Mersin May 23, 1912, No. 452 “Problems of Public Safety” to the Russian Consulate General in Beirut. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 80–81 reverse. (In French)]
2. Донесение российского генконсула в Бейруте Г.Д. Батюшкова в I Департамент МИД, № 183 от 13 марта 1912 г. Приложение // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 42–44 об. [Report of the Russian Consul General in Beirut G.D. Batyushkov in the I Department of the Ministry of Foreign Affairs, No. 183 dated March 13, 1912. Attachment. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 42–44 reverse. (In Russ.)]
3. Донесение № 207 от 20 марта 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 49–49 об. [Report No. 207 of March 20, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 49–49 reverse. (In Russ.)]
4. Донесение № 212 от 22 марта 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи (Политархив). Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 56–59. [Report No. 212 of March 22, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 42–44 reverse. (In Russ.)]
5. Донесение № 239 от 30 марта 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 50–55 об. [Report No. 239 of March 30, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 56–59. (In Russ.)]
6. Донесение № 263 от 11 апреля 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 62–67. [Report No. 263 of April 11, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 62–67. (In Russ.)]

7. Донесение № 282 от 18 апреля 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 75–76 об. [Report No. 282 of April 18, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 75–76 reverse. (In Russ.)]
8. Донесение № 371 от 16 июня 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 82–82 об. [Report No. 371 of June 16, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 82–82 reverse. (In Russ.)]
9. Донесение № 419 от 24 июля 1912 г. Приложение к № 419: Перевод статьи (на фр. язык) из местной газеты «Аль-Иттихад аль-усмани» от 18 июля 1912, № 1170 // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 97. [Report No. 419 of July 24, 1912. Appendix to No. 419: Translation of an article (in French) from the local newspaper Al-Ittihad al-Usmani of July 18, 1912, No. 1170. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheet 97. (In French)]
10. Донесение № 465 от 21 августа 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 124–126. [Report No. 465 of August 21, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 124–126. (In Russ.)]
11. Донесение № 57 от 18 января 1912 г. «Отчет о поездке генерального консула в Бейруте Г.Д. Батюшкова по округу Кура (Ливан)» // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 9–16. [Report No. 57 dated January 18, 1912. “Report on the trip of the consul general in Beirut Batyushkov in the Kura district (Lebanon)”. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 9–16. (In Russ.)]
12. Донесение № 596 от 26 октября 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 145–147 об. [Report No. 596 of October 26, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 145–147 reverse. (In Russ.)]
13. Донесение № 605 от 30 октября 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 148–149 об. [Report No. 605 of October 30, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 148–149 reverse. (In Russ.)]
14. Донесение № 619 от 6 ноября 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 150а – 150г об. [Report No. 619 of November 6, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 150а – 150г reverse. (In Russ.)]
15. Донесение № 78 от 31 января 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 17–20. [Report No. 78 of January 31, 1912. *Archive of the Foreign Policy*

- of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 17–20 reverse. (In Russ.)]
16. Донесение № 319 от 10 мая 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 80а – 80б об. [Report No. 319 of May 10, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 80a – 80b reverse. (In Russ.)]
17. Котлов Л.Н. Становление национально-освободительного движения в арабских странах Азии, 1908–1914 гг. / Отв. ред. Н.А. Иванов. М., 1986. [Kotlov L.N. Stanovlenie natsionalno-osvoboditel'nogo dvizheniya v arabskikh stranakh Azii, 1908–1914 gg. [The formation of the national liberation movement in the Arab countries of Asia, 1908–1914]. N.A. Ivanov (ed.). Moscow, 1989.]
18. Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896–1898) / Сост. Н.П. Визирь, И.М. Смилянская; предисл. и послесл. И.М. Смилянской. М., 1975. [Krymskiy A.E. Pisma iz Livana (1896–1898) [Letters from Lebanon (1896–1898)]. N.P. Vizir, I.M. Smilyanskaya (compiled); I.M. Smilyanskaya (foreword and afterword). Moscow, 1975.]
19. Кюине В. Сирия, Ливан и Палестина. Вып. 1. Бейрутский вилайет. СПб., 1900. [Kyuine V. Siriya, Livan i Palestina [Syria, Lebanon and Palestine]. Vol. 1. Beirut province. St. Petersburg, 1900.]
20. Кюине В. Сирия, Ливан и Палестина. Вып. 3. Сирийский вилайет. СПб., 1900. [Kyuine V. Siriya, Livan i Palestina [Syria, Lebanon and Palestine]. Vol. 3. Syrian province. St. Petersburg, 1900.]
21. Рабочая запись (от руки) российского генконсула в Бейруте Г.Д. Батюшкова, 1912 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 151 (Политархив). Оп. 482, 1912–1914 гг. Д. 413. Л. 319–319 об. [Working record (by hand) of the Russian Consul General in Beirut G.D. Batyushkov, 1912. *Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)*. Fund 151 (Political Archive). Inventory 482, 1912–1914. Case 413. Sheets 42–44 reverse. (In Russ.)]
22. Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М., 2015. [Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M. Siriya nakanune i v period Mladoturetskoy revolyutsii. Po materialam konsul'skikh donesenij [Syria on the eve of and during the period of the Young Turks revolution. Based on consular reports]. Moscow, 2015.]
23. Fawaz L. (Leila Tarazi). Merchants and Migrants in Nineteenth-Century Beirut. Cambridge, 1983.
24. Khalaf S. Persistence and Change in 19th century Lebanon: A Sociological Essay. Beirut, 1979.
25. ضاغر، مسعود. تاريخ لبنان الاجتماعي. [Dagher M. Tarikh Lubnan al-ijtima'i, 1914–1926 [Social History of Lebanon]. Beirut, Dar al Farabi, 1994. (In Arabic)]
26. زياده، نيكولا. المسيحية والعرب. [Ziyade N. Al-masihiya wa al-'arab [Christianity and Arabs]. 2nd ed. Damascus, Qadmous, 2001. (In Arabic)]
27. حنا، عبد الله. المجموعات الأهلية والمدنية في الدولة العربية الحديثة. [Hanna A. Al-majmu'at al-ahli wa al-madani fi al-dawla al-'arabiya al-haditha [Popular and civil societies in a new Arab State]. Damascus, 2002. (In Arabic)]

28. شعيب, علي عبد المنعم. تاريخ لبنان من الاحتلال الى الجلاء ، 1918-1946 [Shuaib A.A.-M. Tarikh Lubnan: min al-ihtilal ila al-jala' 1918-1946 [History of Lebanon: From occupation to evacuation, 1918-1946]. Beirut, 1994. (In Arabic)]

Статья поступила в редакцию 26.04.2019, принятa к публикации 23.05.2019

The article was received on 26.04.2019, accepted for publication 23.05.2019

Об авторе / About the author

Алексей Викторович Сарабьев – кандидат исторических наук; ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, г. Москва

Alexei V. Sarabiev – PhD in History; Leading Researcher of the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: alsaraby@ya.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-117-128

А.М. Родригес-Фернандес

Московский педагогический государственный университет,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Исламская традиция и стратегии национального развития арабских государств

В современном арабском мире поиск путей модернизации, формирование государственных политических идеологий и креативных экономических концепций по-прежнему основывается на старой мусульманской традиции. В рамках этой традиции можно выделить шесть школ. Все они существенным образом, начиная еще с Арабского Средневековья, влияли на общественное устройство арабских стран и социальное поведение людей. Объединяющим признаком этих школ, как и общей их отличительной особенностью от философии европейского pragmatизма, является безусловный примат духовных и морально-этических принципов и установок над факторами материально-го бытия, осуждение крайних форм меркантилизма и индивидуализма. Таким образом, концепции и стратегии развития мусульманских стран при некоторой навеянной традицией утопичности по сути своей являются национально-самобытными и в любом случае антиглобалистскими.

Ключевые слова: агрессивная планетарная экспансия, атлантическая цивилизация, мусульманские коранические традиции, исламское возрождение

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Родригес-Фернандес А.М. Исламская традиция и стратегии национального развития арабских государств // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2020. № 1. С. 117–128. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-117-128

A. Rodriges-Fernandes

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Muslim tradition and conceptions of national development of Arab States

In the modern Arab world, the search of modernization ways, the forming of state political ideologies as well as creative economical conceptions are still based on the old Muslim tradition. There are 6 schools to be considered. All these schools have significantly influenced both the social structure of the Arab States and people behavior even since the Middle Ages. The common sign of all these schools as well as their strong difference from European philosophy pragmatism is undoubtedly priority of moral and ethic principles over material ones, condemnation of mercantilism and individualism. Thus, the concepts and strategies of Muslim states considering some utopian traditions are essentially national and original, but in any case, they are to be considered as anti-globalist tensions.

Key words: aggressive planet expansion, "Atlantic civilization", Muslim Quran traditions, Muslim revival

FOR CITATION: Rodriges-Fernandes A.M. Muslim Tradition and Conceptions of National Development of Arab States. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 117–128. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-117-128

Глобализация, по-разному трактуемая и часто осуждаемая, является, тем не менее, объективной реальностью. Пожалуй, общим в различных оценках остается упор на ее информативно-интеллектуальную сторону. Но именно это обстоятельство во многом определяет возрастающую зависимость большинства бывших стран третьего мира («отсталой периферии») от экономики развитых центров «мирообразующего сообщества» (США, Западной Европы, Японии). Естественно, данная зависимость способствовала разработке многочисленных западных концепций и моделей в качестве рецептов преодоления «вековой отсталости» бывшего колониального мира. В то же время многие развивающиеся страны выдвинули свои, альтернативные модели общественного

развития, опирающиеся на собственные ценности, культурные традиции (например, чучхесон в Южной Корее, рукунегара в Малайзии, панчасила в Индонезии), и даже преуспели в их реализации. Очень часто в таких случаях концепции самостоятельного развития становятся основой правящих политических идеологий (идеократий), национализма и альтернативной глобалистической вестернизации.

В арабо-исламском регионе наиболее авторитетным альтернативным направлением определения автохтонной теоретической основы остается, как представляется, творческий поиск сторонников политического ислама, сориентированный на воспроизведение стратегий национального развития на базе мусульманского учения.

Формирование стратегий национального развития арабских государств на почве исламской философской традиции, т.е. на самобытном культурном материале, сталкивается с существенными трудностями, связанными с продуктивностью дальнейшей реализации такой стратегии в конкретных условиях генерирования в странах мир-системного ядра процессов модернизации и закономерностей интеграции планетарных человеческих сообществ на принципах политического и экономического либерализма, универсализации духовных ценностей и секуляризации общества.

В ракурсе упомянутой традиции можно выделить шесть основных школ.

Джабрия подчеркивает примат принуждения и определенности. Согласно учению этой школы, не человек ответственен за свои действия, а традиция, которая основывается на четких правилах и полной покорности авторитету, преобладая над способностью человека выбирать. Сторонники этой школы придерживались мнения, что человек вообще лишен потребности в рациональных аргументах. Он должен лишь выполнять инструкции лидера, у которого имеются ответы на все вопросы.

Тафвиз делает акцент на свободе воли и свободе выбора. Учение этой школы гласит, что в организационном плане в обществе не должно существовать регламентации набора обязанностей, но коллективная ответственность лучше, чем индивидуальная.

Ихтиар также поддерживает свободу выбора, но, в отличие от Тафвиза, считает, что человек способен превращать зло в добро и нести ответственность за свои проступки. Человек, согласно учению этой школы, является ответственным социальным агентом, который стремится работать с группой и достигать групповых целей.

Мутазилизм, возникший в период борьбы Аббасидов против Омейядов, учит, что любое знание может быть добыто личностью посредством

ее собственного осмыслиения мира. Мутазилиты делали акцент на способности человека различать добро и зло. Они утверждали, что свобода воли является предпосылкой развития общества, а ее отрицание искажает творчество и разрушает душу.

Школа, основанная *Ибн Рушдом*, утверждала, что Коран имеет три семантические формы: образно-аллегорическую, адресованную мас-сам, рациональную, обращенную к теологам, и философскую, предназначенную для мыслителей. Поэтому не следует трактовать Коран как источник жесткой регламентации общественной деятельности правоверных. Последователи этой школы, в частности андалузский философ Ибн аль-Араби, доказывали, что деятельность человека частично зависит от свободной воли и частично – от внешних сил, которые ограничивают или определяют индивидуальные и коллективные действия.

Ихван-ас-Сафа возникла как альтернатива Джабрии. Эта школа отстаивает рационализм, самодисциплину и самоконтроль. Она верит в способность человека к прогрессу и контролю над окружающей обстановкой, считает свободу интеллекта необходимой предпосылкой создания здорового творческого общества [1].

Все эти школы оказали существенное влияние на общественное устройство арабских стран и формы социального поведения людей. В период Омейядов (661–750) доминировали принципы Джабрии. Во времена Аббасидов (750–1258) и Фатимидов (909–1171) преобладали Ихтиар и Мутазилизм. Эпоха Османской империи (1412–1918) содействовала возвращению и утверждению принципов Джабрии, которые доминируют и в современных арабских странах независимо от их политического устройства.

Объединяющим признаком всех этих школ, как и общей их отличительной особенностью от философии европейского pragmatизма, является не только примат духовных и морально-этических принципов и установок над факторами материального бытия, но и обязательное подчинение последних первым. В условиях агрессивной планетарной экспансии атлантической цивилизации с ее ярко выраженной доминантой материальных ценностей мера локальной реорганизации жизни мусульманской среды в соответствии с исламскими установками возможна, как представляется, только вследствие ее дистанцирования от внешнего окружения. То есть реализация стратегии развития мусульманских стран на самобытной основе адекватна, в сущности, ревизии предложенных Западом глобальных правил игры и антисистемной локальной реформации.

Даже современные идеи наиболее компромиссного течения исламской философской и политической мысли – модернистского (в отличие

от двух других направлений – консервативного и фундаменталистского) едва ли смогут быть полезными для сближения межцивилизационных позиций, поскольку они все же идентифицируют арабское общество в традиционной системе координат, в то время как законы западной глобальной экспансии требуют его перестройки по стандартам атлантической цивилизации.

Например, Джамал ад-Дин аль-Афгани, один из первых идеологов исламского модернизма, трактовал необходимость реформ в плане возможности усиления роли ислама в обществе и политике. В исламе же он усматривал динамичную творческую силу, отвечающую требованиям современности и включающую в себя могучий потенциал рациональности и научности [3, р. 61–64]. Его преемники, Мухаммад Абдо и Рашид Рида, разделяя взгляды своего учителя на возрождение самобытности исламского общества, выделяли в нем «адаптационный» по отношению к современности момент. Они подчеркивали, что в мусульманской религии следует различать ее внутреннюю неизменную сущность и внешнее выражение, благодаря которому внутренние сущностные ценности приспосабливаются к запросам разных эпох [4, р. 88–89; 5, р. 47].

Другие приверженцы этого течения, поддерживая идею реформирования мусульманского общества, также исходили из необходимости усиления его исламской составляющей. Так, Маулана Абул Ала Маудуди считал, что исламское сообщество выше не только этнических, племенных, региональных и расовых различий, но и хозяйственных факторов. А Таха Хусейн и Лютфи Аль-Сайд призывали к осторожному преодолению несоответствий между традиционными исламскими политическими и социальными учениями и современностью [6, р. 209–211]. Однако никто из них так и не ответил на вопрос, как соотнести идею современной национальной государственности мусульманских народов с традиционным пониманием исламского сообщества (уммы).

Более жесткую позицию по вопросам возрождения исламской цивилизации на самобытной культурной основе, ограничения и регламентации ее отношений с Западом занимали основатели консервативного и фундаменталистского политического ислама Саид Кутб, Мустафа Ас-Сибай и Хасан Аль-Банна. Отвергая перспективу вестернизации и секуляризации, они выступали за создание исламского государства, которое бы управлялось по законам шариата. Исламская государственная модель связывалась ими с «четырьмя опорами»: Кораном, Сунной, Иджтихадом (право суждений в границах фундаментальных источников ислама) и Иджмой (общее согласование, консенсус) [7, р. 36–37].

Центральным тезисом их программных установок относительно общества была реализация принципа социальной справедливости

в качестве неотъемлемой части концепции ислама. Более того, в интерпретации этих теоретиков осуществление принципа справедливости носило универсальный характер, т.е. не только касалось экономики, политики или социальных отношений, но и должно было охватывать всю жизнь мусульманина.

Различия в подходах к реализации исламского возрождения у современных консерваторов и фундаменталистов весьма условны. По мнению первых, составляющих большинство нынешнего религиозного арабского истеблишмента, адекватно и целостно исламская система представлена в классическом исламе, воплощенном в мусульманском праве. Консерваторы делают акцент на таклиде – традиционном следовании установкам авторитетов прошлого, а также на существенном ограничении либо полном отрицании нововведений.

Фундаменталисты имеют много общего с консерваторами. Подобно им они выступают за возвращение к Корану и Сунне. Однако фундаменталисты обосновывают ограничение права суждений рамками фундаментальных источников ислама. Они непримиримы к нововведениям и более решительны в защите исламских социокультурных основ от процессов вестернизации.

Наиболее склонны к адаптации, как уже отмечалось, модернисты. Они выступают за соблюдение установок Корана и пророка Мухаммада, за опору на исламские принципы и ценности при решении социально-политических проблем, однако признают возможность восприятия лучших достояний других культур, если такие заимствования не противоречат мусульманским ценностям.

Вместе с тем при всех расхождениях сторонники трех течений исходят из признания общего исламского наследия и едины в видении стратегических целей и магистральной направленности процесса будущих изменений.

О том, насколько это видение диссонирует с западной стратегией глобальных рыночных преобразований, свидетельствует проекция принципов ислама на экономическую сферу. Так, в интерпретации исламских теоретиков, естественные ресурсы – это дар божий и эксплуатировать их следует умеренно, развивая торговлю, но избегая ростовщичества.

Краеугольным камнем исламских экономических представлений является принцип социальной справедливости в распределении доходов. Моральные обязательства богатых представляются как плата за пользование факторами производства и состоят в обеспечении существования бедных слоев населения. Исламская экономическая модель строится на том, чтобы не «осовременивать ислам», а «исламизировать современность», т.е. восстанавливать общественное равновесие,

утраченное мусульманским сообществом в результате следования западным хозяйственным стереотипам.

Западная же модель развития неприемлема, по их мнению, ввиду воспроизводства нищеты, расточительности в использовании естественных ресурсов, культа потребления и экономического развития ради экономического развития. Продвижение этой модели на планетарном уровне вызывает у исламских идеологов обеспокоенность, поскольку представление приоритета деньгам и рынкам в мировом масштабе разрушает духовные и традиционные ценности, силы глобализации не считаются с различиями между нациями и вероучениями, а сама глобализация не в состоянии ни служить всему человечеству, ни улучшать качество межкультурного обмена [1].

В целом, при всей концептуальной привлекательности взглядов исламских теоретиков на принципы общественного развития мусульманских народов, было бы наивно считать, что сформированные на основе их идей стратегии развития стран ислама могут оказаться жизнеспособными в жестком конкурентном столкновении с геополитикой ведущих мировых держав. Конечно, версия об исключительной апелляции правящих кругов мусульманских стран к исламским основам является чисто гипотетической, поскольку мировоззренческие позиции властных элит этих стран в реальной жизни формируются под сложным и противоречивым влиянием таких факторов, как ислам, воспитание в духе трайбалистских и родственных традиций, инвариантов арабского, иранского и прочего национализма, «трофейное» наследство в виде трудновыделяемых стереотипов поведения периода Османской империи (на Ближнем Востоке и в Северной Африке) и колониальных времен, сильное влияние Запада.

И все же особое внимание к исламскому вектору развития представляется оправданным, поскольку именно у исламского фундаментализма в мусульманском мире, в частности в Арабском регионе, наибольший мобилизационный потенциал, что объясняется кризисом в нем легитимности светского. Более того, на фоне подъема фундаменталистского факто-ра в арабском обществе классический традиционализм постепенно теряет свои позиции, а исламский модернизм не пользуется широкой поддержкой мусульман и представляет ныне обанкротившийся проект. Только у фундаменталистских идеологов прослеживается сейчас стремление воплотить этические и религиозные нормы в конкретные политические принципы и активное общественное действие, желание превратить политическое участие в религиозную обязанность любого индивидуума и всей общине.

Привязка проблемы разработки стратегий национального развития арабо-мусульманских стран к современным историческим условиям

заставляет признать, что на уровне глобальных политических реалий распад bipolarной системы сказался на укреплении императивных начал в отношениях государств мир-системного ядра со странами периферии, предопределяя, в сущности, направленность и параметры их развития. При этом следует отметить, что было бы ошибочно сводить все беды стран третьего мира к связи между зависимостью и слаборазвитостью. Природно-географические, экологические и социокультурные девиации не являются результатом связи с глобальной политикой мировых держав, так же как и изменения, вызванные влиянием различных эндогенных кризисных явлений конъюнктурного характера на экономику и общество.

Однако бесспорно и то, что ныне социально-экономические преобразования осуществляются в периферийных странах в условиях неэквивалентного обмена с развитыми мировыми державами и преимущественно в соответствии с их программными установками, которые обеспечивают определяющее влияние на экономическое развитие стран третьего мира и ориентацию стратегий их развития, превращая таким образом политический фактор в отношениях Север – Юг в доминирующий относительно экономического.

Обусловлены, в сущности, и пределы стратегий развития стран периферии, собирательный образ которых, в интерпретации западных аналитиков, должен сводиться к усовершенствованию указанными странами возрастающей специализации и обмена, способствующих большей производительности, или трактуется как процесс изменений, подчиненных уменьшению технологического, научного и нормативного разрыва между постиндустриальными государствами и мировой периферией, или толкуется как процесс достижения постоянного экономического роста, стабильности, эффективности, порядка, социального равновесия и политической модернизации в ракурсе приближения к западным эталонам, или имеет другие варианты «атлантоцентристских» знаменателей.

При этом если экономические рубежи развития периферийных стран в общем очерчены западной наукой, то комплексные подходы западных теоретиков к задачам развития периферии не содержат ни признаков общей теории развития, ни единства гносеологических основ концептуальных построений, ни единогообразия критериев измерения проблемы. Кроме того, даже в наиболее отработанной зоне экономических индикаторов развития остается открытым вопрос о необходимых ресурсах, средствах, структуре и кадрах, осуществляемых по западным рекомендациям преобразований, а также о том, во имя чего проводятся экономические реформы, чьим интересам они служат и как реально скажутся на состоянии общества периферийных стран.

Вдобавок весь этот комплекс теоретических нестыковок, ограничений и противоречий наславивается на огромный массив хронических проблем по вопросам развития стран периферии, доставшихся в наследство от XX века. Одной из таких проблем является, например, сам феномен использования западных моделей развития в третьем мире. Парadox, связанный с их копированием государствами периферии, состоит в том, что таким образом эти страны возрождают или импортируют то, против чего боролись в период битв за ликвидацию колониальной зависимости. Подобная «стратегия развития» уже привела в большинстве случаев к краху национальных структур и институтов, подорвала традиционные культуры. Теперь она, не отвечая социально-экономическим и социокультурным реалиям стран третьего мира, все более влияет на экономический упадок и нагнетание политической напряженности.

Другой конгломерат проблем обусловлен фактором принадлежности государства и общества в третьем мире к разнородковым явлениям, поскольку общество в периферийных странах остается преимущественно традиционным, связанным с прошлым множеством уз и тяготеющим к нему, в то время как государство создано по западному образцу, т.е. приспособлено совершенно к иным политическим, экономическим, социокультурным и историческим реалиям. В этих условиях западные эталоны оказываются малоэффективными, потому как в большинстве развивающихся стран еще не произошла «переплавка» традиционного социума в вестернизированное общество. Вот почему периферийная имитация Запада через укоренение демократических систем или распространение рыночных отношений имеет здесь лишь поверхностный характер, а перспектива столкновения традиционалистских и модернистских основ (как можно видеть на примере подъема исламского фундаментализма) несет угрозу социальных кризисов и политических потрясений.

Еще один блок проблем определяется таким явлением, как кризис деколонизации. Вследствие особенностей деколонизации порабощенных народов все преимущества этого процесса достались социальным группам, в которых бывшие метрополии усматривали своих будущих партнеров и которые подчинили себе все властные структуры в постколониальных, формально скопированных с западных образцов государствах. В дальнейшем даже в условиях насилиственной смены правящих элит утверждение в периферийных странах новой доминирующей группы сводилось к адаптации к общим принципам государственного функционирования побежденных противников, т.е. к продолжению толкования императивов развития общества в зависимости от требований государства-протектора.

Даже на уровне национал-патриотичных лидеров стран периферии, стимулируемых стремлениями продуктивного синтеза передовых достижений развитых государств с потребностями собственного народа, в абсолютном большинстве случаев до сих пор остается неразрешенной дилемма, что к чему и в какой мере приспосабливать: западные ценности и модели к традиционному обществу или традиционные мировоззрение и устройство к экономическим системам и политическим институтам, заимствованным из западного цивилизационного опыта? Как свидетельствует практика, длительные раздумья по этому поводу национал-патриотичных правящих верхушек в большинстве развивающихся стран приводят в конце концов к постепенному сползанию их позиции в сторону вестернизации и отбора среди автохтонных ценностей лишь тех, которые совместимы с западными императивами развития.

В повестке дня арабских стран все большую актуальность приобретает вопрос о критериях разработки жизнеспособных стратегий национального развития, которые учитывали бы неизбежность игры по правилам доминирующего мир-системного центра, но допускали применение защитных механизмов от крайностей либерального империализма, а также обеспечивали общественный прогресс при учете цивилизационных особенностей его понимания арабо-исламским сообществом и в условиях объективности функционирования неразрывного мирового экономического пространства и субъективности международного разделения труда [2].

Такое видение, как представляется, является следствием не только социальных потребностей и отрицательного опыта арабских стран, но и велением времени, которое обуславливает необходимость соотнесения задач национального прогресса с глубиной, интенсивностью и масштабами планетарных изменений, действующих на развитие арабских стран. Осознание факта невозможности решения локальных задач без основательной проработки степени зависимости этого решения от определяющих процессов современности легло в основу подходов к проблемам национального развития практически всех ведущих центров арабского мира. А предварительная разработка точной и реальной системы координат современности ныне воспринимается как залог корректного определения перспективы стратегии развития.

В указанном контексте перед властными кругами арабских стран, как, впрочем, и государств третьего мира в целом, возникает необходимость прохождения трех предварительных этапов определения базовых закономерностей современности, отработка которых является обязательным условием приближения к начертанию стратегий национального развития.

Первый этап предполагает идентификацию процессов планетарных изменений и принципов организации современного мироустройства «самих по себе», т.е. меру тождественности и различий между тем, чем эти феномены являются, и тем, как они интерпретируются заинтересованными субъектами, а также требует установления соответствия толкований этих феноменов генерирующему их центром действительному содержанию указанных явлений.

Второй этап предусматривает экспертную оценку законов трансформации планетарного сообщества с целью определения векторов направленности стратегического развития по одному из двух базовых критериев: или все постоянно изменяется, или же все постоянно изменяется по универсальным правилам, а значит, не изменяется по сути.

Наконец, третий этап требует определения границ глобальной зависимости и локальной автономии стратегий национального подъема с целью их подчинения главным задачам развития конкретного общества: обеспечение безопасности, национальной независимости и благосостояния граждан, а также приумножение экономического потенциала; обеспечение социального прогресса на основе общепризнанной системы социокультурных ценностей.

Актуальность решения указанных вопросов обусловлена сложным взаимодействием противоречий на современном этапе развития человечества.

Библиографический список / References

1. Bilbol A. From the “politic” to the “economic”. If economic reform succeeded in Arab World. *Journal of Developing Areas*. 1998. Vol. 32. No. 3. Pp. 357–365.
2. Ibili A., Enders R., Treiclel V. Financial sector reforms in Algeria, Marocco and Tunisia. Washington, 1997. Pp. 27–29.
3. أفغانستان، جمال الدين. ترد على الماديين [Al-Afgani Ja.ad-D. Ar-radd of Halal-made [The Reprimand to the Materialists]. Cairo, 1995. (In Arabic)]
4. عبد الله محمد. رسالات لوحدة [Abdo M. Ar-Risalia at-Tauhid [The Message of the Unity]. Cairo, 1957. (In Arabic)].
5. الريhani، أمين. التقييات [Ar-Reihani A. Al-Keemat [The Value]. Beirut, 1957. (In Arabic)].
6. حلف الله. القرآن ومشكلات حياتنا [Halafala M. Al-Kuran vamushkilathayatini [The Koran and the Probems of our Life]. Cairo, 1967. (In Arabic)]
7. خالدنجيب. الهموالحرية [Khaled N. Allah va-Huriya [Allah and the Freedom]. Cairo, 1958. (In Arabic)].

Статья поступила в редакцию 24.06.2019, принята к публикации 22.01.2020
The article was received on 24.06.2019, accepted for publication 22.01.2020

Об авторе / About the author

Александр Мануэльевич Родригес-Фернандес – доктор исторических наук; профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Aleksander M. Rodriges-Fernandes – Dr. Hab. in History; Professor at the Department of Modern and Contemporary History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: am.rodrigues-fernandes@mpgu.su

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-129-148

А.С. Семушенкова

Средне-Волжский филиал
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России),
430003 г. Саранск, Республика Мордовия,
Российская Федерация

Некоммерческий сектор регионов Поволжья: факторный анализ

В статье предпринята попытка анализа комплекса процессов и явлений некоммерческого сектора регионов Поволжья с целью определения благоприятных и ограничивающих факторов развития. Для решения поставленных задач были детализированы региональные ситуации Нижегородской, Пензенской и Самарской областей, а также Республики Мордовия. Установлено, что набор условий созревания и развития некоммерческого сектора практически идентичен в регионах-лидерах, отсутствует или представлен в непроработанном виде в регионах-аутсайдерах.

Ключевые слова: некоммерческий сектор, некоммерческая организация, социально ориентированная некоммерческая организация, гражданский активизм, гражданские коммуникации, территориальное развитие, регионы Поволжья

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Семушенкова А. С. Некоммерческий сектор регионов Поволжья: факторный анализ // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2020. № 1. С. 129–148. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-129-148

A. Semushenkova

Middle-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice,
Saransk, 430003, Republic of Mordovia, Russian Federation

Volga non-profit sector: Analysis of factors

The author analyzes the non-profit sector of the Volga region. The goal is to determine the factors of development. Nizhny Novgorod, Penza, Samara regions, and the Republic of Mordovia are being studied. The conclusion is made about different levels of regional development and a variety of NGO activities. It is established that the favorable factors are the same for all. Leaders successfully apply them.

Key words: non-profit sector, non-profit organization, socially-oriented non-profit organization, civic activism, civil communications, territorial development, Volga region

FOR CITATION: Semushenkova A. Volga non-profit sector: Analysis of factors. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 129–148. (In Russ.)
DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-129-148

На современном этапе развития российского государства дислокация некоммерческой организации (НКО) в значительной степени определяет ее возможности и потенциал. Ярким примером тому служат практики регионов Поволжья. Общественная жизнь этих территорий настолько разнообразна и самобытна, что зачастую перед исследователем стоит задача сравнения разноуровневых феноменов.

Позитивный опыт и определенные достижения демонстрируют Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области, чьи НКО известны далеко за пределами своих региональных пространств. Своеобразная система сложилась в Пензенской области. Большая часть некоммерческих структур развивается фактически за счет внутренних ресурсов. Однако именно здесь смогли созреть до субъектных и авторитетных организаций с «федеральным» именем. Саратовский некоммерческий сектор довольно часто становится предметом критики со стороны

представителей власти и местных жителей. Ульяновская область, Республика Мордовия, Республика Чувашия малозаметны на некоммерческом поприще. Они только находятся в процессе поиска точек роста.

Думается, ключ к пониманию специфики той или иной региональной секторальной конфигурации кроется в анализе целого комплекса разнообразных взаимосвязанных процессов и проявлений. В первую очередь, важно определить сложившуюся концептуальную систему в целом, а также технические условия развития: какие меры поддержки практикуют представители власти, какую долю инфраструктурного функционала участники некоммерческого сектора реализуют автономно, какое внутрисекторальное и межсекторальное общение существует.

Подобные задачи ставили перед собой как зарубежные, так и отечественные ученые. Теоретико-методологическая база проблематики включает множество тематических разделов. Среди них, например, изучение моделей общественного договора как основы гражданского общества (А.А. Аузан [2]), разграничение «гражданского» и «политического» (А. Арато [1], Ю.А. Красин [10]), анализ гражданской активности (О.Б. Молодов [12]); ресурсное обеспечение некоммерческого сектора (С.В. Белоусова [3], описание новых форм реализации гражданских инициатив (О.Л. Панченко [14]) и др.

Предметом исследования авторов становится некоммерческий сектор отдельных стран и регионов. Л.М. Саламон, В. Соколовски [33] изучают социальную активность Европейского Союза, С. Блок [29] – Скандинавии, Д. Кейси [31] – США и пр.

Наиболее комплексные исследования российских институтов гражданского общества осуществлены И.В. Мерсияновой [11], И. Краснопольской [32]. Можно отметить всестороннюю аналитику по Тверской области [4], Ростовской области [19] и др.

Представленный блок работ, помимо выбора темы научных изысканий, объединяет высокий уровень предметного и точечного эмпирического анализа, основанного на обработке огромного массива данных по отдельным странам и регионам, их систематизации. В значительной степени такого эффекта удалось достичь за счет правильного подбора инструментальных средств анализа. Среди них отдельного внимания заслуживает метод кейс-стади. По мнению И.Н. Тимофеева, данный метод дает эксперту наибольшую свободу, но при этом базируется на солидной процедурной основе [26]. В профильном сборнике статей Высшей школы экономики он назван «исследовательской стратегией» [30], позволяющей выстраивать полноценный и комплексный анализ изучаемого объекта «под ключ».

В русле рассматриваемой тематики кейс-стади дает возможность сопоставлять и категоризировать отдельные внутрирегиональные картины развития некоммерческой сферы. Наглядным примером может служить работа А.В. Соколова, в которой представлены сравнительные данные по 12 субъектам РФ [23]. Автору, при достаточно масштабном географическом охвате, удалось получить ряд ценных выводов о региональных процессах ассоцирования и кооперации гражданских активистов в современной России.

Значительный интерес представляет новое исследование В. Беневоленского, С. Теплера и др. [28]. Ученые анализируют межсекторальную систему коммуникаций в региональном срезе. В качестве переменных выбраны концептуально-режимные условия, особенности отношений «НКО – власть», модели поведения обеих сторон, уровень их активности и субъектности.

Л.М. Саламон, В. Соколовски и их коллеги [33] проводят похожую работу. Однако их кейс-территории – это страны мира. К уникальным результатам исследования можно отнести установление учеными тесной связи между религией и некоммерческой деятельностью. По их мнению, формируемое в рамках религиозного воспитания чувство альтруизма играет огромную роль в стимулировании добровольчества и благотворительности.

Автором данной работы предпринята попытка дать оценку статусно-ролевым характеристикам некоммерческого сектора регионов Поволжья. Для детализации и фрагментирования проблематики было выбрано несколько регионов. Объектами исследования выступили:

- Нижегородская область (численность населения на 1 января 2019 г. – 3 214 657 чел. [27], 14-е место в списке регионов, упорядоченных по их валовому региональному продукту (ВРП) в 2017 г. [25]);
- Самарская область (3 183 038 чел. [27], 11-е место [25]);
- Пензенская область (1 318 122 чел. [27], 53-е место [25]);
- Республика Мордовия (795 502 чел. [27], 66-е место [25]).

Представленные территории демонстрируют разнообразие социальных, экономических, политических и иных детерминант развития. Они различаются по размерам, численности населения, историко-географическим условиям, экономическим показателям, политической культуре и традициям, т.е. представляют различные типы внутрирегионального устройства. Также все выбранные объекты, безусловно, уникальны в проявлении своей социально-гражданской активности. По сути, представлены четыре уровня регионального развития и модели устройства – от сильных позиций до слабых.

Политические и социальные процессы в выбранных регионах отражают и транслируют общеповолжскую ситуацию в частности и общероссийскую в целом. Это достигается за счет того, что Поволжье интегрирует в себе множество ключевых страновых характеристик. Здесь сосредоточены мегаполисы со столичным статусом и небольшие провинциальные пространства, есть лидеры экономического развития, сердечники и аутсайдеры. Территория разнообразна по религиозному и национальному составу населения. Встречаются характерные проблемы общественно-политического и экономического блоков.

Аналитика выбранных регионов позволит выявить факторы развития реальной гражданской активности и определить вредоносные элементы российских внутрирегиональных пространств.

Своеобразным индикатором «благополучности» регионального пространства в плане развития некоммерческой среды принято считать количество зарегистрированных в регионе НКО.

Обращаясь к рейтингу субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) и социального предпринимательства за 2017 г., составленного Минэкономразвития [22], можно сделать вывод, что наиболее «плотным» в этом отношении является некоммерческий сектор Республики Мордовия. На 1 января 2018 г. здесь было зарегистрировано 1426 организаций [13], соответственно, на каждые 10 тыс. жителей приходится 16,3 НКО. С этим показателем регион занимает 8-ю строчку рейтинга.

В тройку лидеров попала Самарская область с индексом 13,2 (всего 4553 НКО [Там же], 20-е место в общерегиональном срезе).

В блоке «регионы с наибольшим потенциалом роста» оказались Пензенская (6,6 – 77-е место) и Нижегородская (4,7 – 83-е место) области. Их соседями по строчкам в рейтинге являются такие территории, как Санкт-Петербург (7,1 – 74-е место), Московская область (6,7 – 75-е место), Москва (5,0 – 81-е место), Ленинградская область (4,9 – 82-е место) [22], – по сумме заслуг признанные лидеры в развитии некоммерческой сферы.

Отметим, что в целом в Приволжском федеральном округе (ПФО) (учитывались все входящие в его состав субъекты федерации) зарегистрировано 18% от общего числа некоммерческих организаций России – 39 364 из 220 154 [8] (по состоянию на 1 января 2018 г.).

Лидирующие позиции в сводной таблице «лидеров» и «отстающих», подготовленной Минэкономразвития России, заняла Самарская область. Она расположилась на 4-й строчке среди всех оцениваемых территорий

России. Например, из рассматриваемых в статье регионов только здесь действовали налоговые льготы для СО НКО. Максимальное количество баллов было набрано в рамках оценки показателя, связанного с представленностью частных дошкольных образовательных организаций [22].

Регионами – кандидатами на лидерство (с 15-го по 31-е место) были признаны Нижегородская (24,57 – 20-е место) и Пензенская области (22,10 – 28-е место) [Там же].

Нижегородская область отличилась структурной активностью в предоставлении налоговых льгот для жертвователей (1-е место). Высоким оказался процент бюджетных ассигнований, направляемых на формирование инфраструктуры для СО НКО (21-е место) [Там же].

Пензенская область при достаточно низких показателях по большинству рейтинговых позиций заняла 7-е место по объему доли муниципальных районов, реализующих программы для представителей некоммерческого сектора, обеспечив себе тем самым 28-ю итоговую строчку [Там же].

Среди среднеуровневых регионов оказалась Мордовия (18,41 – 46-е место). Довольно стабильную «середину» республика смогла занять благодаря следующим показателям: 8-е место по количеству СО НКО; 14-е – по удельному весу негосударственных организаций социального обслуживания [Там же].

При углубленной детализации региональных ситуаций выделяются те же внутренние лидеры – Нижегородская и Самарская области.

Отдельного внимания заслуживает дизайн некоммерческого сектора Нижегородской области. С точки зрения концептуального и законотворческого оформления она является образцово-показательной региональной средой.

Местным законодательным органом в 2009 г. был принят закон о государственной поддержке СО НКО [7]. В рамках его исполнения основной упор делается на финансировании научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по проблемам деятельности и развития СО НКО, на содействии развитию межрегионального сотрудничества, пропаганде и популяризации деятельности СО НКО и пр. Также действует ряд документов о финансовой и грантовой поддержке.

Положительно можно оценить сложившееся в регионе разнообразие конкурсов для общественников. Гранты распределяются по таким тематическим линиям, как «Я патриот!»; «Я помню! Я горжусь!»; «Активное поколение Нижегородской губернии»; «Экоинициатива» и пр. Показательно, что в открытом доступе на официальном сайте Министерства внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области в хронологическом порядке представлена вся содержательная

и техническая информация об отчетности НКО – получателей финансирования из средств областного бюджета.

При губернаторе Нижегородской области в 2014 г. был открыт специализированный Совет по вопросам некоммерческих организаций. В его состав в настоящий момент входят 28 человек – представители профильных властных структур и НКО. Также в 2007 г. был сформирован Координационный совет при губернаторе Нижегородской области по комплексному управлению кадровым потенциалом области, который в числе прочего должен обеспечивать доступ СО НКО к реализации демографической и семейной политики.

В 2014 г. в регионе заработала государственная программа «Социальная поддержка граждан Нижегородской области» (от 30 апреля 2014 г., № 298) [16]. В качестве автономного направления была выделена подпрограмма «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Нижегородской области на 2015–2020 гг.». Финансирование обеспечивающих ее мер превысило сумму в размере 71 450,4 тыс. руб. [Там же]. Критериями достижимости результатов заявлены объем участия СО НКО в «социалке», объем финансовой, информационной, имущественной, консультационной помощи для участников некоммерческого сектора и пр.

Аналогичное положение наблюдается в системе взаимодействия «НКО – власть» в Самарской области. Помимо развития концептуальной среды, мер информационной и финансовой поддержки, в регионе предприняты шаги по усилению роли некоммерческого сектора в общественной жизни. Представители более 300 местных НКО входят в созданные в Самаре общественные экспертно-консультативные и совещательные структуры. Здесь накоплен уникальный опыт проведения публичных слушаний с привлечением экспертов из числа специалистов некоммерческих организаций. При их непосредственном участии, например, проводятся ежегодные экспертизы областного бюджета.

В Самарской области с целью поощрения гражданской активности, общественной и благотворительной деятельности учреждена общественная акция «Народное признание». Победители определяются посредством голосования в рамках разнообразных номинаций. На время проведения конкурса создаются специальные выборные пункты во всех городах и муниципальных районах области. Стоит отметить, что данное мероприятие пользуется большой популярностью у жителей региона. Подобным способом властям удалось успешно консолидировать все общественные секторы – от физических лиц до НКО и бизнеса.

Несколько иной уровень и подход к теме наблюдается в Пензенской области и Республике Мордовия.

В Пензенской области до сих пор не сформирована отдельная программа развития некоммерческого сектора. Профильные задачи вошли в подпрограмму государственной программы «Региональная политика, развитие гражданского общества в Пензенской области на 2014–2020 гг.» [17]. Она, в свою очередь, детализирована на несколько основных направлений. Однако только одна тематика непосредственно связана с деятельностью НКО. Она включает следующие позиции: предоставление субсидий, грантов; осуществление анализа и оценки эффективности мер, направленных на развитие СО НКО; обеспечение функционирования и наполнения профильного сайта; оказание поддержки в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации работников НКО и добровольцев и пр. Суммы выделенного финансирования в рамках развития инфраструктурного функционала составили по 3836,7 тыс. руб. в 2018 и 2019 гг. [Там же]. Для сравнения: расходы на информационную политику оказались в разы масштабнее, они превысили 94 348,1 тыс. руб. в 2018 г. и 93 854,9 тыс. руб. в 2019 г. [Там же].

Профильные структуры, в соответствии с этим, широко и качественно занимаются имиджевым и информационным сопровождением деятельности своего некоммерческого сектора. В Пензенской области действует портал СО НКО, где циркулируют актуальная информация и новости. На сайте для организаций предусмотрен личный кабинет, существует обратная связь и функционал «Вопрос эксперту». Также есть возможность разместить персональные сведения в разделе «Ярмарка социальных проектов». В регионе активно поддерживаются общероссийские и региональные событийные акции. Например, при поддержке местных властей реализуется достаточно масштабный проект «Неделя НКО», направленный на популяризацию общественных инициатив. Все подобные мероприятия широко освещаются телевидением и другими СМИ.

Отмеченные выше ресурсные ограничения наложили отпечаток на местную систему распределения субсидий и имущественной поддержки. В соответствующем правовом документе установлена максимальная сумма субсидирования – не более 300 тыс. руб. одной организации в год [17]. Исходя из открытой информации на официальном сайте Правительства Пензенской области, можно говорить лишь о трех благополучателях льготных помещений (в совокупности 560 кв. м) [20].

Достаточно сложно оценить роль инфраструктурной поддержки и региональных субсидий в жизни некоммерческого сектора Мордовии.

В регионе принятые несколько правовых документов в этой сфере. Однако практически отсутствует открытая и прозрачная информационная система сопровождения мер поддержки. Информация об объявлении конкурсов субсидий появляется на различных информационных

платформах региона, что делает ее проблематичной для актуального отслеживания. Подробные данные об итогах конкурсов и распределении сумм и ресурсов, за редким исключением, не публикуются в открытом доступе. Например, на сайте Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия разово был размещен Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций – получателей поддержки за 2017 г. [21]. Согласно этому документу, всего четыре местные НКО получили имущественную поддержку на неопределенный срок в виде предоставления нежилых помещений площадью 13,9; 12,9; 2427,3 и 78,39 кв. м [Там же].

В Мордовии не принят к реализации достаточно широкий перечень практик, которые уже неплохо зарекомендовали себя в других регионах России, в том числе у соседей-поволжцев. Не созданы специализированные структуры по вопросам развития некоммерческого сектора и поддержки гражданских инициатив. Редки случаи привлечения деятелей НКО в качестве экспертов или исполнителей к решению местных проблем. Взаимодействие осуществляется преимущественно в рамках работы Общественной палаты Республики Мордовия, состав которой также вызывает вопросы относительно широкой представленности и включенности в ее деятельность НКО.

Примечательно, что в данном регионе до сих пор отсутствует базовый ресурсный центр. Ни одна из организаций не взяла на себя весь комплекс инфраструктурного функционала. Только в 2019 г. была создана первая профильная структура, призванная объединить и активизировать работу организаций, занимающихся проблемой пожилых людей, – Центр «серебряных» волонтеров.

В данном вопросе значительно дальше продвинулись соседи. В Нижегородской области на протяжении длительного времени наблюдается своеобразная межорганизационная конкуренция. На лидерство претендуют сразу несколько НКО. Две из них являются «ресурсниками» фактически для всего Поволжья. Ежегодно в Нижнем Новгороде проводятся Ассамблеи НКО ПФО, которые собирают на своей площадке свыше 200 представителей некоммерческих организаций. В 2019 г. здесь был презентован и запущен проект «Ресурсный центр добровольчества Нижегородской области», активизирующий механизм регулярной поддержки добровольцев.

Подобная ситуация сложилась и в Самарской области. Сфера динамично развивается за счет субъектности сразу нескольких крупных НКО.

В 2016 г. здесь был образован Ресурсный центр гражданской активности НКО Самарской области, который интегрировал в себе информационную, ресурсную, экспертную и кадровую компоненты поддержки

некоммерческого сектора. Примечательно, что он был создан инициативными некоммерческими структурами «снизу» и работает автономно от государственных и региональных органов власти.

В Пензенской области роль «ресурсника» на протяжении десятка лет выполнял Пензенский региональный общественный благотворительный фонд «Гражданский союз». Его деятельность включала проведение региональных конкурсов социально значимых проектов, организацию обучения социальному проектированию, информационную и методическую помощь НКО, гражданам и меценатам. В мае 2019 г. Минюст России включил организацию в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента [15].

Помимо этого можно отметить ряд НКО-лидеров, которые также активно участвуют в становлении инфраструктурного комплекса Пензенской области. Например, НКО «Благо дарю» запустила в 2018 г. проект «Социальная передача “Большая маленькая Пенза”» (получен президентский грант), направленный на популяризацию пензенского гражданского активизма. Пензенский благотворительный фонд «Покров», получивший всероссийскую известность в связи с деятельностью грантооператора и личностью своего руководителя Анны Кузнецовой, реализовал практику создания ресурсного центра для некоммерческих организаций, деятельность которых направлена на поддержку семьи, материнства и детства. Также в Пензе зарегистрирован Межрегиональный ресурсный центр для СО НКО Приволжского федерального округа «Покров», территорией инфраструктурного охвата которого заявляется все Поволжье.

Показательно, что в тех регионах, где некоммерческий сектор является инфраструктурно автономным, объем «живых» и работоспособных СО НКО значительно выше. Представители различных профильных структур и местные эксперты пытаются рассчитать и проанализировать этот показатель.

Как уже отмечалось, в Самарской области на 23 декабря 2018 г. было зарегистрировано 4553 НКО [13]. Учитывая, что более 300 организаций ежеквартально подают заявки на конкурс президентских грантов, а также более 200 представителей некоммерческого сектора (по подсчетам помощников губернатора Д.И. Азарова [6]) принимают непосредственное участие в ежегодном Форуме социально ориентированных некоммерческих организаций Самарской области, можно говорить о самом высоком уровне активизма НКО среди изучаемых территорий.

Некоммерческие организации, реализующие на территории Нижегородской области общественно полезные (социальные) проекты (программы), учитываются Министерством внутренней региональной

и муниципальной политики в специализированном реестре. Он размещен на официальном министерском сайте и ежегодно обновляется.

По данным за 2016 г., таковых в регионе насчитывалось 250, в 2017 г. – 267, в 2018 г. – 244 [24]. Наименования организаций расписаны по районам и городам Нижегородской области согласно локализации их деятельности.

В Пензе местной некоммерческой организацией было проведено исследование, посвященное уровню реального активизма некоммерческого сектора. Из 2 тыс. официально зарегистрированных НКО на 2018 г. деятельными признаны чуть более 200 организаций [5].

В Мордовии активные участники сферы подсчитаны на основе данных об их проектной деятельности, отраженной в социальных сетях и СМИ. Из информационного пространства вычленено чуть более 100 организаций, которые в том или ином виде и формате реализуют социально значимые инициативы. Систематическую работу при этом ведут не более 35 НКО. В этом списке оказалось довольно много новичков. Большая часть из них начала свою деятельность в 2016–2017 гг.

О проценте деятельностных НКО свидетельствует статистика победителей конкурсов распределения президентских грантов.

Информационная система Фонда президентских грантов генерирует информацию о 147 проектах самарских НКО, которые становились победителями и получали гранты, 134 проекта были отмечены у нижегородцев, 37 – из Пензенской области и 28 – из Мордовии. Для сравнения: организации региона-лидера стали получателями 292,6 млн руб., тогда как мордовские НКО привлекли в свой регион в десять раз меньше целевых средств – 27,8 млн руб. [18].

Наряду с этим в развитых региональных системах некоммерческий сектор в своей работе демонстрирует внушительный охват социальных направлений и тематических линий общественной жизни. Разнообразие занятых ниш обуславливает включенность в деятельность НКО широких слоев населения.

Данная тенденция характерна для Самарской и Нижегородской областей. Например, деятельность организаций Самары, занимающихся созданием инклюзивной и равноправной городской среды, считается образцовой практикой всей Центральной России. Нижегородская область – флагман деятельности по сохранению исторической памяти и развитию провинциальных территорий. В данных регионах весьма работоспособны и авторитетны НКО в области культуры и искусства, развития институтов гражданского общества, пропаганды здорового образа жизни, охраны окружающей среды и т.д.

Подобный срез по Мордовии показал, что среди гражданских структур наиболее востребована деятельность в сфере социального обслуживания, поддержки материнства, отцовства и детства (суммарно около 33%) [13]. Вдвое меньше организаций трудятся в рамках такого тематического направления, как укрепление межнационального и межрелигиозного согласия и сохранение исторической памяти (12%). По 9% организаций выбрали профиль, связанный с развитием науки и образования, культуры и искусства. Всего 6% НКО реализуют молодежные инициативы. Меньше 1% тех, кто преследует уставные цели в сфере экологии [Там же]. Практически отсутствуют организации, реализующие социальные проекты, связанные с защитой прав и свобод человека и гражданина, в том числе с защитой прав заключенных. Обойдены вниманием местного некоммерческого сектора и проблемы инвалидов, а также семей, где есть дети-инвалиды, в том числе дети-аутисты, дети с синдромом Дауна и пр.

Подобные проблемы отмечаются экспертами и в Пензенской области. «Невостребованными» нишами среди некоммерческих организаций остаются экология, деятельность по профилактике и борьбе с ВИЧ-инфекцией, СПИДом, алкоголизмом, наркоманией и др. В Пензе, однако, традиционно развиты и распространены социальные проекты, связанные с поддержкой и защитой семьи, детства, материнства и отцовства, благотворительные организации, а также НКО патриотической направленности. Некоторые из них известны далеко за пределами области.

Полученные материалы позволяют сделать ряд аналитических выводов не только о состоянии некоммерческого сектора в изучаемых регионах, но и о факторах внутрирегиональных пространств, способствующих и затрудняющих деятельность и развитие местных гражданских структур.

Среди основных движущих сил, безусловно, можно отметить выбранную властной элитой стратегию взаимодействия с институтами гражданского общества.

Субсидиарность и сотрудничество – важные принципы построения системы коммуникации «НКО – власть». Основными методами таких взаимоотношений выступают диалог, компромисс, договор. Стороны формально и реально признают субъектность друг друга. Фактически основным мотивом сотрудничества выступает цель увеличения полезного эффекта общественной деятельности. В такой системе некоммерческие организации получают максимально расширенную среду для развития. Они являются составной частью регионального политического процесса, акцептом в принятии политических решений.

Анализ региональных ситуаций Самарской и Нижегородской областей позволяет говорить о взаимодополняемости государственного и некоммерческого секторов, саморегуляции последнего. Все участники коммуникаций де-юре и де-факто признают равноправие, равноценность и значимость друг друга.

Принцип соприсутствия, или умеренности действий и противодействий, реализуемый в Пензенской области, обеспечивает местные некоммерческие организации необходимыми системными условиями развития. Помимо достижения общеполезных результатов, учитывается прагматичный аспект – собственная выгода каждой из сторон. НКО таких региональных конфигураций активны и инициативны, их место в социально-политической жизни общества упорядочено только системными правилами.

Манкирование (периодическое уклонение от исполнения своего функционала) как стратегия властной элиты налагает специфический отпечаток на положение НКО в регионе. Любые меры поддержки ограничиваются рамками минимума «обязательной программы», спущенной федеральным центром. Представители власти предпочитают сотрудничать только с избранными управляемыми организациями, поддерживая «декорацию» общественной активности. Это способствует разобщению и дроблению некоммерческого сектора на привилегированных и тех, у кого нет доступа к системе преференций.

Помимо выбранных принципов взаимодействия, эффективную обобщенную работу и положительную динамику развития сектора обеспечивает целый ряд технических мер поддержки. Они не являются уникальными и специфичными – присутствуют в том или ином виде и уровне проработанности в каждом регионе. К ним относится и законотворческая целостность, и логичность (как в Нижегородской области), и структурная представленность (как в Самаре, Пензе), и имущественная, консультационная, финансовая помощь (как в Самарской и Нижегородской областях) и прочие элементы. Неотъемлемой частью стимуляции сферы выступают конкурсы грантов и субсидий, фестивали и ярмарки социальных проектов, система поощрений и признания, привлечение представителей НКО к процессу принятия политических решений и пр. Это доказывает опыт Самарской и Нижегородской областей.

Безусловно, на уровень состояния гражданского общества территории влияет и собственный активизм НКО – их творческий потенциал, профессиональные усилия и амбиции, желание постоянно учиться, много и качественно работать.

В Самаре и Нижнем Новгороде лидеры сектора вырабатывают собственную эффективную модель внутриорганизационной деятельности.

Они включают в процесс модернизации сферы всех стейкхолдеров региона. Некоммерческий сектор этих территорий превращается в корпорацию с присущими ей ментально-атмосферными явлениями (ценностями, установками, мотивацией), корпоративным духом, общими интересами, профессиональными критериями соответствия и т.д. Все более популярными становятся формируемые снизу так называемые ассоциации ассоциаций, которым делегируется большая часть инфраструктурных функций.

Отдельного внимания заслуживает естественный процесс наращивания внутрисекторальной конкуренции, с появлением которого сфера получает дополнительные драйверы развития. В данном случае можно говорить о лидерстве социального проектирования, профессиональных команд, моделях и формах построения некоммерческих «предприятий».

В отстающих регионах некоммерческие организации по типу своего устройства остаются «человек-организациями». Их функционал и уставная деятельность замыкаются на устремлениях и творческом потенциале руководителей, многие из которых известны вне брендов НКО как яркие представители регионального сообщества. Редкой является профессиональная командная работа, конкретная деятельность не отличается систематичностью и постоянством.

Достижения отмечаются в регионах, где эффективно реализуется пара взаимосвязанных показателей – разнообразие тематической деятельности / включенность широких слоев населения. Взращивание профессиональной деятельности в грамотно вычлененных проблемных общественных участках – гарант успешности и востребованности некоммерческой организации. В регионах-лидерах существует четкое понимание общественного запроса и практически отсутствуют ниши, в которых не представлены работоспособные НКО.

Токсичный тренд – создание организации без целевой аудитории и конкретной группы благополучателей. Искусственно созданная масса некоммерческого сектора и возведение социальных практик в ранг специфической экономической деятельности опираются на популизм и выступают в качестве «декорирования» сферы.

Важная часть выводов относится к публичности и информационной политике. Для представителей некоммерческого сектора становится актуальным слоган «не запостили – не провел». Лидеры активно и системно включаются в информационные потоки региона, аутсайдеры – слабо и фрагментарно.

Информационное продвижение брендов НКО обеспечивается в том числе усилиями властных структур. Исходя из анализа практик регионов Поволжья, можно заключить, что представленность НКО в региональном информационном пространстве прямо пропорциональна

информационной открытости и публичности мер поддержки региональной властной элиты.

Специализированные разделы официальных сайтов министерств и ведомств Самарской и Нижегородской областей, частично Пензенской области, наполнены всей необходимой тематической информацией, содержат полные и своевременные отчеты. Подобно им местные НКО ведут активную информационную работу с населением в рамках имеющихся у них ресурсов (посредством персональных сайтов, профилей в социальных сетях, СМИ, радио, блогов, информационных систем «ресурсников» и т.д.).

Зрелая и развитая некоммерческая сфера перестает быть исключительной прерогативой столичного региона и крупных мегаполисов России. Это ярко демонстрируют регионы Поволжья. Факторы роста легко вычленяются в комплексе усилий, предпринимаемых участниками гражданских коммуникаций. Регионы-лидеры с корпоративным типом развития некоммерческого сектора открыты для сотрудничества и диалога. Они активно тиражируют собственные практики и проекты. Вопросы вызывает отсутствие у регионов-аутсайдеров желания включаться в эти процессы и перенимать готовые эффективные модели.

Библиографический список / References

1. Арато Э. Концепция гражданского общества: восхождение, упадок и воссоздание и направления для дальнейших исследований // Полис. Политические исследования. 1995. № 3. С. 48–57. [Arato E. The concept of civil society: ascent, decline and recreation and directions for further research. *Polis. Political Studies*. 1995. Vol. 3. Pp. 48–57. (In Russ.)]
2. Аузан А.А. Развитие и «колея» зависимости // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 10. С. 96–105. [Auzan A.A. Development and the “track” of dependence. *World Economy and International Relations*. 2017. Vol. 10.61. Pp. 96–105. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-10-96-105 (In Russ.)]
3. Белоусова С.В. Актуальные проблемы некоммерческого сектора: коммуникационный аспект // Вестник РУДН. Сер.: Политология. 2014. № 3. С. 23–30. [Belousova S.V. Actual problems of the non-profit sector: Communication aspect. *RUDN Journal of Political Science*. 2014. Vol. 3. Pp. 23–30. (In Russ.)]
4. Блохина М.В., Григорьев Л.Г. Проблемы и перспективы развития «третьего сектора» в Тверской области // Власть. 2014. № 11. С. 153–160. [Blokhina M.V., Grigoriev L.G. Problems and prospects of the development of the “third sector” in the Tver region. *The Authority*. 2014. Vol. 11. Pp. 153–160. (In Russ.)]
5. В Пензенской области сокращается количество активных НКО и городских сообществ // Официальный сайт Пензенского регионального общественного благотворительного фонда «Гражданский союз». 26.06.2018.

- URL: <https://penzafond.ru/?p=342> (дата обращения: 15.03.2019). [In the Penza region the number of active NPO and urban communities is declining. *Materials of the official site of the Penza Regional Public Charitable Fund "Civil Union".* URL: <https://penzafond.ru/?p=342> (In Russ.)]
6. В Самаре обсудили вопросы развития некоммерческих организаций // Портал сетевого издания – газеты «Волжская коммуна». URL: <https://www.vkonline.ru/content/view/214968/v-samare-obsudili-voprosy-razvitiya-nekommercheskih-organizacij> (дата обращения: 15.03.2019). [In Samara the development of non-profit organizations was discussed. *Materials of the portal of the online publication the "Volzhskaya Kommuna".* URL: <https://www.vkonline.ru/content/view/214968/v-samare-obsudili-voprosy-razvitiya-nekommercheskih-organizacij> (In Russ.)]
 7. Закон Нижегородской области от 7 мая 2009 года № 52-3 «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Нижегородской области» (с изменениями на 1 ноября 2018 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/944939455>. [Law of the Nizhny Novgorod Region No. 52-3 "On state support of socially oriented non-profit organizations in the Nizhny Novgorod region" dated May 7, 2009 (as amended on November 1, 2018). URL: <http://docs.cntd.ru/document/944939455> (In Russ.)]
 8. Итоги мониторинга СО НКО Приволжского федерального округа. URL: <http://nko-pfo.ru/category/novosti> (дата обращения: 15.03.2019). [Results of monitoring of NPO of the Volga Federal District. URL: <http://nko-pfo.ru/category/novosti> (In Russ.)].
 9. Каминский В. С. Проблемы развития гражданского общества: опыт социологических измерений на региональном уровне // Вопросы территориального развития. 2014. № 6 (16). URL: <http://vtr.vsc.ac.ru/article/1419> (дата обращения: 10.06.2019). [Kaminsky V.S. Problems of the development of civil society: The experience of sociological measurements at the regional level. *Issues of Territorial Development.* 2014. Vol. 6 (16). URL: <http://vtr.vsc.ac.ru/article/1419> (In Russ.)].
 10. Красин Ю.А. Государство и общество в трансформирующемся социуме // Время больших перемен: политика и политики: Материалы Всероссийской научной конференции РАН / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной и др. 2017. С. 203–204. [Krasin Yu.A. State and society in a transforming society. *The time of big changes: Politic and politics: Materials of Scientific Conference of the Russian Academy of Sciences.* O.V. Gaman-Golutvina (ed.). 2017. Pp. 203–204. (In Russ.)]
 11. Мерсианова И.В. Индикаторы развития гражданского общества в России: результаты 10 лет наблюдений // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в РФ. 2017. № 1 (9). С. 6–11. [Mersiyanova I.V. Indicators of the development of civil society in Russia: results of 10 years of observation. *Information and analytical bulletin on the development of civil society and the non-profit sector in Russia.* 2017. Vol. 1. Pp. 6–11. (In Russ.)]
 12. Молодов О.Б. Проблемы развития гражданского общества на региональном уровне // Проблемы развития территории. 2016. № 6 (86). С. 132–146. [Molodov O.B. Problems of the development of civil society at the regional level. *Problems of the development of the territory.* 2016. Vol. 6. 86. Pp. 132–146. (In Russ.)]

13. О деятельности некоммерческих организаций // Информационный портал Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606> (дата обращения: 15.03.2019). [On the activities of non-profit organizations. *Materials of the information portal of the Ministry of Justice of the Russian Federation*. URL: <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606> (In Russ.)]
14. Панченко О.Л. Качество социального капитала региона как фактор развития гражданского общества (на примере некоммерческого сектора) // Регионология. 2019. Т. 27. № 1 (106). С. 156–173. [Panchenko O.L. Quality of social capital of a region as a factor in the development of civil society (the case study of the non-profit sector). *Regionology*. 2019. Vol. 27. No. 1 (106). Pp. 156–173. DOI: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.106.027.201901.156-173> (In Russ.)]
15. Пензенский фонд «Гражданский союз» включен в реестр НКО-иноагентов // Информационно-аналитический портал The PenzaNews. URL: <https://penzanews.ru/society/135441-2019> (дата обращения: 15.03.2019). [“Civil Union” is included in the register of non-profit foreign agents. *Materials of the “PenzaNews”*. URL: <https://penzanews.ru/society/135441-2019> (In Russ.)].
16. Постановление Правительства Нижегородской области от 30 апреля 2014 года № 298 «Об утверждении государственной программы “Социальная поддержка граждан Нижегородской области”» (с изменениями на 13 февраля 2018 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document> (дата обращения: 15.03.2019). [Decree of the Government of the Nizhny Novgorod Region dated April 30, 2014 No. 298 “On approval of the state program “Social Support for Citizens of the Nizhny Novgorod Region” (as amended on February 13, 2018). URL: <http://docs.cntd.ru/document/465510874> (In Russ.)].
17. Постановление Правительства Пензенской области от 27 сентября 2013 года № 733-пП «Об утверждении государственной программы Пензенской области “Региональная политика, развитие гражданского общества в Пензенской области на 2014–2022 гг.”» (с изменениями на 21 мая 2019 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/423862608> (дата обращения: 15.03.2019). [Decree of the Government of the Penza Region of September 27, 2013 N 733-pP “On the approval of the state program of the Penza region “Regional policy, the development of civil society in the Penza region for 2014–2022” (as amended on May 21, 2019). URL: <http://docs.cntd.ru/document/423862608> (In Russ.)].
18. Проекты Фонда президентских грантов. Поиск по номеру заявки, названию проекта, организации, ОГРН, ИНН. Республика Мордовия // Официальный сайт Фонда президентских грантов. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards> (дата обращения: 15.03.2019). [Projects of the Presidential Grants Fund. Search by application number, project name, organization. Republic of Mordovia. *Materials of the official website of the Presidential Grants Fund*. URL: <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/application/cards> (In Russ.)].
19. Протасеня Д.Н. Стратегия и факторы развития СО НКО в системе социального обслуживания Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2017. № 2. С. 239–244. [Protasenya D.N. Strategy and development factors of NPO in the social service

- system of the Rostov region. *State and municipal government. SCAGS Scientific Notes*. 2017. Vol. 2. Pp. 239–244. (In Russ.)]
20. Реестр СО НКО Пензенской области – получателей поддержки // Официальный портал Правительства Пензенской области. URL: <http://pnzreg.ru/open-government/nekommерческие-организации/reestr-so-nko-poluchateley-podderzhki.php> (дата обращения: 15.03.2019). [Register of NPO of the Penza Region – recipients of support. *Materials of the official portal of the Government of the Penza region*. URL: <http://pnzreg.ru/open-government/nekommерческие-организации/reestr-so-nko-poluchateley-podderzhki.php> (In Russ.)]
21. Реестр СО НКО – получателей поддержки за 2017 г. // Официальный сайт Министерства экономики, торговли и предпринимательства Республики Мордовия. URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/upload/medialibrary/24a/24ad147a015d7455e303e36154e657c9.docx> (дата обращения: 15.03.2019). [Register of NPO – recipients of support for 2017. *Materials of the official website of the Ministry of Economy, Trade and Entrepreneurship of the Republic of Mordovia*. URL: <http://mineco.e-mordovia.ru/upload/medialibrary/24a/24ad147a015d7455e303e36154e657c9.docx> (In Russ.)]
22. Результаты рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных поставщиков к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере за 2017 г. URL: <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606> (дата обращения: 15.03.2019). [The results of the rating of the constituent entities of the Russian Federation based on the results of the implementation of support mechanisms for socially oriented non-profit organizations and social entrepreneurship, ensuring the access of non-state suppliers to the provision of services in the social sphere and the introduction of competitive ways to provide state (municipal) services in the social sphere in 2017. URL: <http://nko.economy.gov.ru/portalnews/read/4606> (In Russ.)]
23. Соколов А. В. Особенности кооперации общественных объединений и гражданских активистов // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Социология. 2014. № 4. С. 108–121. [Sokolov A.V. Features of the cooperation of public associations and civic activists. *RUDN Journal of Political Science*. 2014. Vol. 4. Pp. 108–121. (In Russ.)]
24. Список организаций, включенных в Реестр некоммерческих организаций, реализующих на территории Нижегородской области общественно полезные (социальные) проекты (программы) либо мероприятия социально ориентированной некоммерческой организации. URL: <https://mvp.government-nnov.ru/?id=51259> (дата обращения: 15.03.2019). [List of organizations included in the Register of Non-Profit Organizations that implement socially useful (social) projects (programs) or socially oriented non-profit organizations in the Nizhny Novgorod Region. URL: <https://mvp.government-nnov.ru/?id=51259> (In Russ.)].
25. Список субъектов Российской Федерации по валовому продукту на душу населения // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts (дата

- обращения: 15.03.2019). [List of subjects of the Russian Federation by gross product per capita. *Materials of the Federal State Statistics Service*. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts. (In Russ.)].
26. Тимофеев И.Н. Формализованные методы исследования в политологии и сравнительной политике: перспективы политологической школы МГИМО // Сравнительная политика. 2010. № 1. URL: <https://mgimo.ru/library/publications/177128> (дата обращения: 15.03.2019). [Timofeev I.N. Formalized research methods in political science and comparative politics: prospects for the political science school of MGIMO. *Comparative Politics Russia*. 2010. Vol. 1. URL: <https://mgimo.ru/library/publications/177128> (In Russ.)].
27. Численность населения Российской Федерации по субъектам федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/plan (дата обращения: 15.03.2019). [The population of the Russian Federation by region. *Materials of the Federal State Statistics Service*. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/plan (In Russ.)].
28. Benevolenski V. et al. Subnational variations in government-nonprofit relations: A comparative analysis of regional differences within Russia. *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*. 2019. No. 1. Pp. 1–19.
29. Bloch C. et al. Measuring Public Innovation in the Nordic Countries: Copenhagen Manual, Aarhus: The Danish Centre for Studies in Research and Research Policy. URL: http://nyskopunarvefur.is/files/filepicker/9/201102_mepin_report_web.pdf (date accessed: 07.01.2019).
30. Case-study – образовательный и исследовательский опыт в междисциплинарном контексте: Сб. научных статей / Отв. ред. Е.В. Веретённик. URL: <https://publications.hse.ru/books/98560064> (дата обращения: 11.07.2019). [Case-study – obrazovatelnyy i issledovatel'skiy opyt v mezdistsiplinarnom kontekste [Case-study – educational and research experience in an interdisciplinary context: A collection of scientific articles]. E.V. Veretennik (ed.). URL: <https://publications.hse.ru/books/98560064>].
31. Casey J. The Nonprofit World: Civil Society and the Rise of the Nonprofit Sector. London, 2015.
32. Krasnopol'skaya I., Meijs L. The effect of enabling factors on social innovation in Russian non-profit organizations. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2019. Vol. 39. No. 5/6. Pp. 447–463. DOI: 10.1108/IJSSP-09-2018-0140.
33. Salamon L. M. et al. The Size and Composition of the European Third Sector. *The Third Sector as a Renewable Resource for Europe: Concepts, Impacts, Challenges and Opportunities*. Oslo, 2018. Pp. 49–94.

Статья поступила в редакцию 28.06.2019, принятa к публикации 16.07.2019
The article was received on 28.06.2019, accepted for publication 16.07.2019

Об авторе / About the author

Семушенкова Анастасия Сергеевна – преподаватель колледжа, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Саранск, Республика Мордовия

Anastasiya S. Semushenkova – lecturer at the College, Middle-Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Saransk, Republic of Mordovia

E-mail: ana.semu@yandex.ru

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-149-163

Д.И. Горшков

Государственный историко-литературный
музей-заповедник А.С. Пушкина,
143050 пос. Большие Вязёмы, Одинцовский район,
Московская обл., Российская Федерация

Рапорт полковника Э.-Ф.-Р. Пушелона о сражении при Москве-реке, 5–7 сентября 1812 г.

В статье, предваряющей публикацию хранящегося в собрании Исторической службы Министерства обороны Франции (Service Historique de la Défense – S.H.D.) рапорта командующего полковника 33-го полка линейной пехоты, барона Империи, офицера ордена Почетного легиона Этьена-Франсуа-Раймона Пушелона (Pouchelon), анализируются условия создания данного источника. Документ посвящен событиям Бородинского сражения 5–7 сентября (н. ст.) 1812 г. (во французской историографии – сражение при Москве-реке) и впервые вводится в научный оборот в полном объеме. В статье раскрывается важность использования в научных исследованиях синхронных ненамеренных письменных источников, осуществлен источникovedческий анализ публикуемого текста.

Ключевые слова: архивные источники, Отечественная война 1812 года, Русская кампания 1812 г., сражение при Москве-реке (Бородинское сражение), Великая армия, французская армия (1804–1815 гг.), полковник Этьен-Франсуа-Раймон Пушелон, 33-й полк линейной пехоты.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Горшков Д.И. Рапорт полковника Э.-Ф.-Р. Пушелона о сражении при Москве-реке, 5–7 сентября 1812 г. // Локус: люди, общество, культура, смыслы. 2020. № 1. С. 149–163. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-149-163

DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-149-163

D. Gorshkov

State Historical and Literary Museum-Reserve of A.S. Pushkin,
Bolshie Vyazyomy, Odintsovo district, Moscow region,
143050, Russian Federation

Colonel É.-F.-R. Pouchelon report about battle at Moscow River on 5–7th September 1812

In the article which comes before our publication of the report (from Service Historique de la Défense – S.H.D.) of the colonel of the 33rd regiment of line infantry Baron of the Empire and officer of the Legion of Honour Pouchelon we give analysis of the conditions in which this source was created. This document is dedicated to the events of 5–7 of September 1812 and its full text is published completely for the first time. We discover the importance to use in our research written sources. Also we make source analysis of this text.

Key words: Sources, Russian campaign of 1812, Patriotic War of 1812, Battle of Borodino, battle at Moscow River, Grande Armée, French Army (1804–1815), Colonel Étienne-François-Raymond Pouchelon, 33e régiment d'infanterie de ligne.

FOR CITATION: Gorshkov D.I. Colonel É.-F.-R. Pouchelon report about battle at Moscow River on 5–7th September 1812. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2020. No. 1. Pp. 149–163. (In Russ.) DOI: 10.31862/2500-2988-2020-1-149-163

Комплексная и детальная реконструкция хроники военных действий и сражений требует от исследователя максимального использования эмпирического материала. В этой связи поиск и ввод в научный оборот, прежде всего, синхронных ненамеренных письменных источников является важной и актуальной научной задачей. Каждый же новый источник не только актуализирует саму тему, расширяя исследовательские

горизонты, но позволяет ставить новые вопросы и решать старые проблемы. К тому же публичные и частные документальные собрания Европы предоставляют огромный спектр возможностей для поиска новых данных и для анализа старых материалов.

Так, в собрании Исторической службы Министерства обороны Франции (Service Historique de la Défense – S.H.D.), в Корреспонденции Великой армии за 26 августа – 20 сентября 1812 г., хранится рапорт командующего полковника 33-го полка линейной пехоты (с 7 января 1807 г.), барона Империи (по жалованной грамоте дворянства от 26 октября 1808 г.) и офицера ордена Почетного легиона (с 7 июля 1807 г.) под № 11628 Этьена-Франсуа-Раймона Пушелона (Pouchelon) [21; 22], посвященный событиям 5–7 сентября 1812 г. [26]. Данный документ представляет огромный интерес для исследователя войн 1-й Республики и 1-й Империи и впервые полностью вводится в научный оборот. В течение XIX–XX вв. он оставался на периферии исследовательского интереса и был известен лишь небольшому кругу французских интеллектуалов [20, р. 110–111; 36].

Отметим, что публикуемый ниже рапорт не датирован и не подписан. Тем не менее, содержание документа, а также старый личный бланк (печатный экземпляр) полковника 33-го полка линейной пехоты французской армии, на котором, собственно, и написан анализируемый нами текст, свидетельствуют, что его автором является именно полковник Пушелон. Так, в реквизитах бланка, используя язык российского делопроизводства, указано: Армия Германии (вместо Великой армии, т.е. до 15 февраля 1811 г. [7, Vol. XXI (1810–1811), р. 357 (17277)] – Д.Г.), 2-я дивизия, полковник 33-го полка линейной пехоты.

Несмотря на отсутствие сопроводительных писем, данный рапорт, видимо, учитывая военную иерархию, изначально был отправлен Антони Болдевейну Гейсберту (Антуан Бодуэн Жисбер)¹ ван Дедему, графу ван ден Гелдеру (Dedem van den Gelder), бригадному генералу и командующему 2-й бригадой 2-й пехотной дивизии, в которую, собственно, и входил пятибатальонный 33-й полк. Позже ван Дедем переправил его своему непосредственному начальнику: командующему 2-й пехотной дивизией 1-го армейского корпуса Великой армии, дивизионному генералу, графу Империи Луи Фриану (Friant).

Впоследствии рапорт был передан на хранение в Военный архив семьи Фрианов в XIX в., о чем свидетельствует архивная делопроизводственная карандашная помета. По всей видимости, вторая его часть

¹ Следуя за традицией, существовавшей и существующей во французской армии, мы старались давать французский вариант того или иного иностранного имени.

(датированное и заверенное полковником прошение о ходатайствах и о поощрениях) была утеряна. Принимая во внимание дату составления рапорта Фриана командующему 1-м армейским корпусом, маршалу Империи, герцогу Ауэрштадскому, принцу Экмюльскому Луи-Николя Даву (Davout) с просьбой повысить полковника Пушелона до чина бригадного генерала (получил этот чин 8 октября 1812 г.), можно осторожно предположить, что вводимый здесь в научный оборот документ был составлен в период со второй половины сентября до 4 октября 1812 г. [8, т. 3, р. 400].

В данной работе мы намеренно опускаем биографическую справку Пушелона в связи с тем, что его послужной список был практически полностью опубликован еще в 1934 г. [35, т. II (К–З), р. 325–326], а к его биографии не раз обращались как в XIX, так и в XX вв. [4, т. 2, р. 271–272; 5, 3ème Série, р. 9–10 (4); 13, р. 310–311; 18; 19, р. 525; 20, р. 110–111; 30, р. 551; 32, т. 2, р. 291–292].

Но, несмотря на эти обстоятельства, для полноты картины важно привести несколько характеристик этого человека, сделанных современниками, что поможет проведению всестороннего анализа данного источника, определению достоверности сообщаемых сведений и мотивов написания документа.

Так, ван Дедем дает на страницах своих воспоминаний такой портрет Пушелона: «Он был выдающимся офицером и [человеком] большого ума, при недостатке образования и замкнутом характере. [Именно] он заблаговременно известил меня, что дела приняли плохой оборот. Месяц спустя в Витебске (речь идет о начале Кампании 1812 г. – Д.Г.) [Пушелон] сообщил мне: “Я отсылаю все мои вещи. Армия – обречена”». (Примечание ван Дедема: «Он читал “Историю Карла XII” и смог подчерпнуть из нее эту [мысль]. – Д.Г.») [10, р. 216].

Позже, в 1820-е гг., Пушелон воспринимался современниками следующим образом: «Генерал Пушелон, из Роман (сегодня это – Романсюр-Изер. – Д.Г.), – человек в высшей степени выдающийся благодаря своему независимому характеру, прямолинейности и непоколебимой твердости. Все свои чины он снискал на полях сражений...» [15, р. 14].

Возвращаясь к публикуемому рапорту, заметим, что данный синхронный материал заметно расширяет источниковую базу, связанную с участием 2-й пехотной дивизии в боях за Шевардинский редут и сражения при Москве-реке 5–7 сентября 1812 г. Среди известных материалов, касающихся участия 2-й дивизии в сражении, стоит отметить следующие: Журнал дивизии Фриана, частично введенный в научный оборот членом Академии моральных и политических наук Артуром Шюке в 1912 г. [5, 2ème Série, р. 50–51 (14)]; исторический рапорт

48-го полка линейной пехоты (составлен капитаном (1-й батальон, вольтижерская рота; в период отступления принял командование полком) Луи Роббом (Robbe) в Бромберге 11 января 1813 г.) [31, р. 6–7]; записки лейтенанта вольтижерской роты 48-го линейного полка Жана-Жоржа-Жерома Дамплу (Damloux) [9, р. 4]; воспоминания ван Дедема [10, р. 235–241]; «Военная жизнь генерал-лейтенанта, графа Фриана», изданная в 1857 г. его сыном Жаном-Франсуа Фрианом, к тому же во время Русской кампании состоявшим адъютантом в чине лейтенанта при своем отце [12, р. 229–241]; письма бригадного генерала, барона Империи и командира 1-й бригады 2-й пехотной дивизии Франсуа-Мари Дюфура (Dufour) от 28 января 1813 г. и от 5 февраля 1813 г., в которых он пишет о своей роли и роли 15-го легкого полка в сражении 7 сентября [5, 3ème Série, р. 345–346 (80)]; а также рапорт ван Дедема на имя военного министра от 26 февраля 1813 г. (Париж), уточняющий некоторые моменты сражения при Москве-реке [6, 1ère Série, р. 18–20 (9)]. Заметим, что основную массу эпистолярных источников, связанных со 2-й пехотной дивизией, мы намеренно здесь не учитываем, исходя из ее неоднородности с точки зрения информационной плотности и разрозненности.

Отдельно стоят материалы, относящиеся к Испанскому полку «Жозеф Наполеон»: исторический рапорт полковника, барона Жана-Батиста-Мари-Жозефа де Чюди (Tschudy) об участии его полка во время Русской кампании (10 января 1813 г., Бромберг) и его же «Историческое сочинение о делах, в коих находились 2-й и 3-й батальоны Полка “Жозеф Наполеон” ...» (Намюр, 1813 г.), а также воспоминания су-лейтенанта, служившего в этом испанском полку, Мануэля (Мюнюэль) Лопеса (Lopez) [16; 23; 24]. Основная их часть была введена в научный оборот еще в 1899 г. французским исследователем Полем Боппом [3, р. 146–148].

При всем этом мы не можем включить в число источников, связанных с историей генерального сражения, прошение ван Дедема на имя начальника Главного штаба Великой армии, князя Ваграмского и Нёвшательского, маршала Империи Луи-Александру Бертье (Berthier) и рапорт Фриана на имя опять-таки Бертье, поскольку непосредственная информация об участии 33-го полка в генеральном сражении в них отсутствует. Несмотря на безапелляционную характеристику этих материалов со стороны российского исследователя В.Н. Земцова: «К рапортам можно условно отнести и ряд записок военачальников о действиях их частей или соединений: Записка генерала Дедема об участии его и его бригады (33-го линейного полка) в Бородинском сражении. Москва. 21 сентября 1812 г. // SHD. 2C 131...» [2, с. 10] и «В архиве исторической службы министерства обороны Франции хранится записка

генерала Дедема, помеченная Москвой 21 сентября 1812 г., об участии его бригады, состоявшей из 33-го линейного полка, в Бородинском сражении, а также отрывок записки Компана (?), из которых следует, что Фриан передал командование дивизией Дюфуру (SHD. 2C 131)» [2, с. 496].

Дело в том, что в собрании S.H.D. хранится прошение ван Дедема на имя Бертье (от 21 сентября 1812 г., Москва), в котором он просит покинуть ряды 2-й дивизии в связи с равнодушным отношением к нему Фриана, назначением на пост командующего дивизией после ранения самого Фриана 7-го числа бригадного генерала Дюфура, вместо него самого («более опытного» генерала), а также в связи с его, ван Дедема, пошатнувшимся здоровьем из-за ранения 7-го числа и, в целом, из-за тягот кампании [17]. Что же касается второго источника (Москва, не датирован, составлен после 25 сентября 1812 г.), то это – отпуск рапорта самого Фриана на имя маршала Бертье о ситуации, касающейся ван Дедема, его просьбы от 21 сентября 1812 г. и «минут умопомрачения» этого голландца на французской службе [25]. И в первом, и во втором случаях, еще раз акцентируем на это внимание, непосредственная информация об участии 33-го полка в генеральном сражении отсутствует. Более того, оба этих источника хорошо известны исследователям, ведь еще в 1911 г. вместе с письмом Бертье к Фриану от 25 сентября 1812 г. они были введены в научный оборот А. Шюке [6, 1re Série, p. 52–58 (22–24)].

Что же касается публикуемого рапорта Пушелона, то он, прежде всего, существенно уточняет и проясняет ключевые моменты, связанные с боем около деревни Шевардин 5 сентября. Именно он соотносится с уже введенным нами рапортом командующего 1-й пехотной дивизией, дивизионного генерала, графа Империи Шарля-Антуана-Луи-Алексиса Морана (Morand) и позволяет говорить, что 33-й полк 5 сентября прикрывал тыл 17-го линейного во время атаки последнего во фланг тяжелой русской кавалерии [1, с. 211–212, 216]. Важно, что текст рапорта Пушелона можно сравнить с французским пехотным регламентом 1791 г., и соответственно лучше понять построения батальонов 33-го полка на поле боя, как и определиться с номерами батальонов данного полка [27]. Особо выделим упоминание в источнике о потере в живой силе и материальной части полка, с учетом практически полного отсутствия точных расписаний дивизии Фриана на первую половину Кампании 1812 г. (последнее подробное расписание полка датировано 25 июнем 1812 г.) [11; 14; 28; 29; 33; 34], данные сведения предстают совершенно в ином свете.

В целом же, значение данного источника при вводе его в научный оборот бесценно и неоспоримо, ведь он не только расширяет исследовательские возможности и дополняет уже известную информацию, но и свидетельствует о том, что поиск синхронных материалов, связанных с генеральным сражением 1812 г., сегодня не может считаться завершенным.

Публикация осуществлена в параллельной форме, в которой сначала дается текст документа на языке оригинала, с полным сохранением орфографии первоисточника, а затем максимальный приближенный перевод, передающий все особенности содержания и стиля.

Восстановленные, утраченные или пропущенные слова (или части слов) заключены в квадратные скобки; также все даты даны по новому стилю.

Armée²
d'Allemagne.

2e Division

—
N.³

Donation Friant⁴
A le 181
7 septembre 1812

Le Colonel du 33e Rég.^t d'Infanterie de ligne,

Rapport, sur les journées des 5, 6 et 7 Septembre
devant Mozaisk

L'armée étant en marche le 5 Septembre, ayant en tête la Cavalerie et la 5e division du 1er Corps, la 4e Division, marchait ensuite et étoit suivie de la 2e division, dont le 33e régiment forme la seconde brigade. Arrivé [à] hauteur de l'Abbaie de ...⁵ les divisions firent halte pour attendre les renseignement[s], sur les positions que l'ennemi occupoit et avoit fortifiées, particulièrement sur la droite de la grande route de Mozaisk [...] à trois heures de l'après-midi, l'Empereur ordonna un Mouvement Général pour se rapprocher des deux premières redoutes, l'armée tenant toujours le même rang, la 5e Division placée à droite, la 4e à sa gauche, la 2e d'arrête la 4e,

² Жирным шрифтом выделен текст печатного бланка.

³ Угловой штамп.

⁴ Курсивом выделены карандашные пометы, сделанные при поступлении документа в архив. Данная помета в оригинале подчеркнута.

⁵ В оригинале – пропуск.

à distance de Bataillon. L'attaque des redoutes fut aussitôt résolue et ordonnée à la 5e Division, qui les emporta d'emblé[e]. Pendant ce mouvement, la 2e division en fit un à la gauche de la 5e, en passant par les Intervalles de la 4e, afin de manœuvrer sur le flanc de l'ennemi qui fesoit en vain de vives attaques pour reprendre les redoutes. La 1re Division, manœuvroît à la gauche de la Seconde et y étoit, inquiétée à son flanc gauche.

La division étant arrivée derrière le village, y étoit en bataille par brigade, à distance de Bataillon, derrière les unes des autres. La 2e Compagnie de Voltigeurs fut envoyée dans les Jardins du village, où elle trouva un Régiment qui étoit maltraité par les Cuirassiers russes, qui à la faveur de l'obscurité, avoit fait annoncé qu'il étoit allié. Ces Voltigeurs servoient à rallier ce régiment et à repousser cette Cavalerie russe. Comme l'ennemi tenta encore plusieurs charges, les 1er et 2e Bataillon[s] se portèrent dans l'Interval[le] qui sépare le village de la redoute et s'y formèront en quarré⁶ par [é]chiquier, conjointement avec le régiment Joseph Napoléon. Des postes de Voltigeurs furent poussés en avant, on passa la nuit sous les armes et dans cet ordre, sans y être troublé. On apparaît à travers les feux de bivouacs ennemis, que leurs troupes, postées dans le bois, à l'Est de la redoute l'évacuoient⁷, pour se porter sous la protection de nouvelles redoutes.

Malgré le feu de l'Artillerie et de Mousquetterie le 33e n'eut à regretter aucun homme.

Le 6, à 5 heures du matin, lorsque qu'on eut reconnu la ligne ennemie et les ouvrages qui la défendoient, une forte batterie de pièces de douze, fut placée sur le terrain qu'occupoient les 1er et 2e Bataillon[s], qui se formèrent en bataille à la gauche de cette batterie pour la soutenir en cas d'attaque, sa ligne se prolongeant vers le village. Les autres Bataillons furent placés dans les Jardins à l'Est du village et au Nord de la redoute pour y protéger une batterie masquée. Toute la journée se passa dans cette position sans autre Mouvement ; le 33e formant d[é]s lors la 1re ligne de la 2e Division, et l'on se prépara au combat pour le lendemain.

Le 7 à 4 heures du matin, ensuite des mouvement[s] ordonnés par l'Empereur, la 2e division, fut formée en bataille par Brigade, les unes derrière les autres à distance de Bataillon, le 33e formant toujours la première ligne à cent toises en avant de la batterie de douze et des divisions de la garde Impériale, qui vinrent s'y former successivement, resta plusieurs heures dans cette position en attendant que le brouillard fut dissipé et qu'on put diriger les opérations de l'Armée. Pendant ce tem[p]s on lut la proclamation de l'Empereur à son armée et chaque Bataillon y applaudit par des Vivats réitérés.

L'Empereur s'étant porté devant la ligne formée par le 33e, pour découvrir le front de la ligne ennemie, par la plusieurs fois avec bonté [à] des Sous[-]officiers et Soldats du régiment.

⁶ Так в оригинале, вместо «carré».

⁷ В оригинале “l'évacuoient” вставлено в текст.

Dès que l'horison fut éclaircie, il étoit à peu près huit heures du matin, l'attaque Commença vers notre ((A) – droite par la 5e division, appuyée par la 4e et à notre⁸ gauche par la 1er appuyée du 3e Corps. La Cavalerie légère suivoit ces mouvement[s]. La 2e division étoit destinée à former l'avant[-]garde de la réserve que formoit la Garde Impériale.

Les différentes redoutes furent aussitôt prises qu'attaquées ; celles du Centre qui étoit adossée à un village, fraisé et palissadé, fut prise et reprise plusieurs fois, les russes mettant beaucoup d'opiniâtreté à vouloir la conserver.

Pour soutenir les troupes qui avoient constam[m]ent repoussé les russes de ce point capital, ainsi que la batterie des pièces de douze qui battoit la plaine, la grosse Cavalerie se porta en ligne et la 2e division eut ordre de s'avancer, en même tem[p]s, pour appuyer ces diff[fé]ren[t]s mouvemen[t]s. Elle se forma d'abord en colonne, le long du bois en deç[à] du premier ravin, d'où elle partit pour suivre la même direction qu'elle changea par la gauche pour se former en rase Campagne, sur la droite en bataille à 50 toises en arrière de la batterie de douze, dirigée par le Général Pernety, le 33e formant la première ligne, exécuta sa manœuvre sous le feu de la Mitraille. Après avoir resté dans cette position pendant trois quart[e]s d'heure, il rompit par la droite pour changer de direction à gauche sur le terrain, où l'avoit précédé la 5e Division, et il fut formé en bataille derrière la première redoute. Une demie-heure après, d'après l'ordre du Prince d'Eckmühl, le 15e régiment d'Inf^e légère passa dans les intervalles des Bataillons du 33e pour se porter en avant, après quoi les deux premiers Bataillons du 33e firent un changement de front en arrière, sur l'extrémité gauche du 2e Bataillon, ce qui les porta perpendiculairement⁹ aux trois derniers. On resta à peuprès¹⁰ une heure sous le feu du Canon.

Le Roi de Naples ayant jugé nécessaire de renforcer le point Capital (la redoute et le village palissadé) le 33e qui y avoit été devancé par le 15e, s'y porta en Colonne, malgré la mitraille qui le prenoit en flanc. Il la tourna par la gauche et se forma en Colonnes serrées derri[è]re le village, où se trouvoit trois Bataillons du 15e en Bataille ; Deux autres Bataillons de ce régiment, étant en tirailleurs devant ce village. Après avoir resté quelque tem[p]s dans cette position, l'ennemi paraissant la menacer plus vigoureusement, le Général de division ordonna au 33e de se porter en avant en donnant Carte blanche au Colonel pour attaquer l'ennemi. Ce régiment étoit en mouvement pour l'exécuter de cet ordre, lorsque le Roi de Naples fit ordonner qu'il forma ses quarrés pour recevoir des charges de Cavalerie, qui se présentoient avec audace. En conséquence le 4e Bataillon fut porté en avant du plateau à l'Est du village, où il se forma en quarré, les trois premiers bataillons

⁸ В оригинале: «(A) – droite par la 5e division, appuyée par la 4e et à notre» – помета на полях.

⁹ Так в оригинале, вместо «перпендикулярно».

¹⁰ Так в оригинале, вместо «à peu près».

furent formés en quarré long, un peu en arrière sur la gauche du 4e, de manière à présenter les plus grandes façades sur le flanc. Le 6e Bataillon resta en bataille en arrière des quarrés pour couvrir le village ayant derrière lui le 48e régiment en Colonne. Les Quatres Compagnies de Voltigeurs du régiment étant avant des quarrés pour répondre aux tirailleurs ennemis. Toutes ces formations s'exécut[è]rent avec le plus grand ordre, malgré un feu très vif de Mitraille et de Mousqueterie, sous les yeux de Sa Majesté le Roi de Naples et en présence du Général de division.

L'ennemi voyant ces dispositions, redoubla d'efforts pour l'attaque de ce point, sur lequel il portoit Infanterie, Cavalerie et Artillerie. L'artillerie de la division lui fut opposée et fit jouer ses batteries.

L'Inf^e russe n'osa jamais faire un pas pour nous attaquer, mais sous la protection du feu de leur artillerie. Les Cuirassiers russes, crurent pouvoir l'enter d'enfoncer les quarrés. Ils fournirent cinq charges consécutives, qui toutes furent bien réçues, et repoussées, sans qu'aucune façade de quarré, n'ait été offensée. La bonne contenance du 33e sur ce point paraît avoir fait renoncer l'ennemi à ses projets et avoir déterminé le changement de front qui lui fit refuser sa gauche.

Vers six heures du soir on s'aperçut¹¹ qu'il en retirait beaucoup de forces; alors le 33e se porta en tirailleurs pour l'inquiéter, et le poussa jusqu'au bois tailli[s], où il s'arrêta pour éviter de tomber dans quelque embuscade.

A la nuit il prit position en se formant en quarré, pour prévenir les surprises de Cavalerie.

Dans cette journée, où le 33e a eu environ 1000 hommes hors de Combat, 2 pièces démontées et 15 Chevaux tués, Officiers et Soldats ont fait preuve de plus grand courage et de dévouement à leur souverain. Aucun homme n'étoit sorti des rangs sous le prétexte d'accompagner des blessés et l'on a vu plusieurs de ceux qui avoient des blessures aux extrémités Inférieures, ne réclamer aucun soin que le sort de l'affaire ne fut décidé. J'aurais l'honneur de faire connaître plus particulièrement ceux qui ont des droits à la bienveillante munificence de Sa Majesté.

Полковник 33-го полка линейной пехоты

Рапорт о [событиях дней] 5, 6 и 7 сентября около Можайска

5 сентября армия была на марше: во главе [ее] находилась кавалерия и 5-я дивизия (5-я пехотная дивизия Компана. – Д.Г.) 1-го корпуса, следом шла 4-я (4-я пехотная дивизия Дессэ (Dessaix). – Д.Г.), а за ней 2-я дивизия (2-я пехотная дивизия Фриана. – Д.Г.), включая и 33-й полк, образующий вторую бригаду. Подойдя к возвышенности [Колоцкого] монастыря, дивизии остановились в ожидании данных рекогносцировки об укрепленной, особливо на правом фланге от большой Можайской дороги, позиции противника. В три

¹¹ Так в оригинале, вместо «s'aperçut».

часа дня Император (Наполеон. – Д.Г.) отдал приказ начать общее движение, дабы сблизиться с двумя первыми редутами (речь, видимо, здесь идет не только о самом Шевардинском редуте, но и о 9 орудиях 12-й батарейной роты, установленных справа от самого редута. – Д.Г.). Армия по-прежнему держала тот же строй: 5-я дивизия занимала правый [фланг], 4-я была на ее левом, а за ней на батальонной дистанции остановилась 2-я. Тотчас же было принято [решение] начать атаку редутов. [Сия атака] была поручена 5-й дивизии, коя немедля овладела ими. Во время сего марша 2-я дивизия была одна на левом [крыле] 5-й, продвигаясь через интервалы боевых порядков 4-й [дивизии], дабы [далее] маневрировать на фланге противника, который яростно и тщетно атаковал, [пытаясь] вновь занять редуты. 1-я же дивизия (1-я пехотная дивизия Морана. – Д.Г.), действуя на левом [крыле] 2-й, была [свою очередь] потревожена на своем левом фланге.

Дивизия (2-я. – Д.Г.), расположившаяся позади деревни (Шевардино. – Д.Г.), выстроила там [свои полки] на батальонной дистанции, друг за другом, побригадно. 2-я рота вольтижеров (33-го. – Д.Г.) была направлена в сады деревни, где обнаружила полк (111-й линейный полк из 5-й дивизии. – Д.Г.), потрепанный русскими кирасирами, кои, воспользовавшись опустившейся темнотой, объявили [ему], что [перед ним] – его союзник. Вольтижеры помогли [вновь] сплотиться сему полку и отразить сию русскую кавалерию. Когда же неприятель предпринял еще несколько атак, 1-й и 2-й батальоны (33-го. – Д.Г.) выдвинулись на позицию между деревней и редутом и выстроились в шахматном порядке, в каре, при поддержке полка «Жозеф Наполеон» (2-й и 3-й батальоны. – Д.Г.). [Также] со своих постов были направлены вперед вольтижеры; там под ружьем и в сем боевом порядке, безо всякой тревоги, прошла ночь. По огням бивуачных костров противника обнаружилось, что их войска, расставленные в лесу на востоке от редута, отведены под защиту новых укреплений.

Невзирая на артиллерийский и ружейный огонь, 33-й [в сей день по счастью никого] не оплакивал.

6-го числа, в 5 часов утра, для обозрения линии противника и укреплений, защищавших ее, была возведена мощная двенадцатиорудийная батарея, расположившаяся на местности, занимаемой 1-м и 2-м батальонами (33-го. – Д.Г.), выстроенных в развернутых порядках на левом [фланге] от сей батареи. [Она же должна была] в случае атаки поддержать свой фронт, тянувшийся к деревне. Прочие батальоны (33-го. – Д.Г.) были помещены в сады, [раскинувшиеся на] востоке от деревни и на севере от редута, чтобы содействовать там укрытой батареи. Весь день прошел на сей позиции без каких-либо иных передвижений, и на ней же готовились к завтрашнему бою, с сего момента 33-й стал образовывать 1-ю линию 2-й дивизии.

7-го числа в 4 часа утра 2-я дивизия, после того как армия пришла в движение согласно приказу Императора, выстроила [свои полки] друг за другом

на батальонной дистанции, побригадно. 33-й, образовавший по-прежнему первую линию [и развернувшийся] впереди, в ста туазах от двенадцати [орудийной] батареи и от дивизий Императорской Гвардии, кои последовательно там строились, оставался на сей позиции в течение нескольких часов, ожидая, когда туман рассеется и можно будет действовать. В оное время читали прокламацию Императора к армии, и каждый батальон салютовал ей повторяющимися [криками] виват.

Для обозрения фронта противника [сам] Император (в районе 5:30 до 6:20 часов утра. – Д.Г.) направился к линии, сформированной 33-м, и несколько раз с благосклонностью заговаривал с унтер-офицерами и солдатами полка.

Как только на горизонте прояснилось, около восьми часов утра, началась атака: [атаковала] на нашем правом [фланге] 5-я дивизия, поддерживаемая 4-й, и на нашем левом [фланге] 1-я [дивизия], опиравшаяся на 3-й корпус (корпус маршала Нея (Ney). – Д.Г.); за сим следовала легкая кавалерия. 2-й дивизии предназначено было сформировать авангард резерва, отведенного Императорской Гвардии.

Тот час же были взяты атакованные редуты (Семеновские или Багратионовы флеши. – Д.Г.). Так, центральный редут, опиравшийся на одну деревню (Семеновское. – Д.Г.), ажурно обнесенную палисадом, несколько раз переходил из рук в руки. Желая сохранить его [за собой], русские проявили заметное упорство.

В помощь войскам, кои постоянно выбивали с сей ключевой позиции русских, и простреливавшей равнину двенадцатиорудийной батареи была развернута тяжелая кавалерия. Одновременно, дабы поддержать сии маневры, 2-я дивизия получила приказ выдвигаться. Тогда же [дивизия], вдоль леса около оврага, выстроилась в колонны, откуда направилась в указанном направлении на левый [фланг], чтоб в поле развернуться во фронт на правом [крыле] двенадцатиорудийной батареи генерала Пернети (Жозеф-Мари де Пернети (Pernety), дивизионный генерал, командующий артиллерией 1-го корпуса. – Д.Г.), в 50 туазах за [ней]. 33-й был в первой линии и выполнил сей маневр под картечным огнем. На сей позиции он оставался три четверти часа, после был отведен на правый фланг, дабы переменить фронт влево, упредив сим 5-ю дивизию, и развернулся в линию позади первого редута. Спустя получаса, следуя приказу князя Экмюльского (маршал Даву. – Д.Г.), 15-й полк легкой пехоты (5-и батальонного состава под началом 2-го майора Бриса (Brice). – Д.Г.) выдвинулся вперед, [пройдя] через интервалы боевых порядков 33-го. После чего два первых батальона 33-го переменили фронт назад на краю левого [фланга] 2-го батальона, [образовав, сим образом,] с тремя прочими [батальонами] перпендикуляр. [Так, полк] под артиллерийским огнем оставался около часа.

Неаполитанский король (маршал Мюрат (Мюра) (Murat). – Д.Г.), посчитавший необходимым усилить ключевую позицию (редут и обнесенную палисадом деревню), выдвинул туда в колоннах, несмотря на картечный огонь,

бивший во фланг, 33-й; впереди него шел 15-й. [33-й] сделал разворот влево и построился в густых колоннах позади деревни, где уже находились развернутые в линию три батальона 15-го. Два других батальона сего [легкого] полка были высланы вперед в стрелки. Чрез некоторое время появился противник, который стал крайне опасно угрожать [нам], [вследствие чего] дивизионный генерал (**Фриан.** – *Д.Г.*) велел 33-му выдвигаться вперед и атаковать неприятеля, предоставив полковнику (т.е. **самому Пушелону.** – *Д.Г.*) право действовать во время атаки по его усмотрению. В момент же исполнения сего маневра полк получил от Неаполитанского короля [другой] приказ строиться в каре, дабы отразить атаки кавалерии, которая бесстрашно появилась на поле боя. За сим 4-й батальон был выдвинут вперед с возвышенности к востоку от деревни, где он построился в каре; немного позади на левом [фланге] 4-го три первых батальона также выстроились в длинные каре для того, чтобы на фланге образовать один большой фас. 6-й батальон оставался развернутым во фронт, позади каре, дабы прикрыть находившуюся за ним деревню и колонны 48-го полка (5-батальонного состава под командованием полковника Груана (**Groisne.** – *Д.Г.*)). Также, чтобы противостоять тиральерам противника¹², были высланы вперед от каре четыре вольтижерские роты полка. Вопреки сильнейшему картечному и ружейному огню, все сии построения были выполнены с величайшей точностью и на глазах Его Величества Неаполитанского короля, в присутствии дивизионного генерала.

Неприятель, видевший [все] сии диспозиции, удвоил силы, направив пехоту, кавалерию и артиллерию, дабы атаковать сию позицию[, но наша] дивизионная артиллерия ответила ему огнем своих батарей.

Русская пехота никогда одна нас не атаковала, только при поддержке артиллерии. Русские же кирасиры полагали, что смогут проломить каре[, посему] пять раз подряд атаковали [нас]. Но все [атаки полк] превосходно выдержал и отбил, и ни один фас [его] каре не был прорван. Прекрасная выдержка 33-го на сей позиции, видно, заставила противника отказаться от своих планов и побудила изменить линию фронта: его левый [фланг] был смещен назад.

Около шести часов вечера было замечено, что [противник] отступает в большем числе. В сей момент для тревоги оного 33-й рассыпался в стрелки и проединулся вперед вслед за ним до самой рощи, где остановился, дабы не попасть в засаду.

Ночью он занял позицию и на случай неожиданных кавалерийских атак построился в каре.

В сей день, стоявший 33-му около 1000 человек [убитыми и ранеными], 2-х подбитых пушек (из 4-х полковых орудий. – *Д.Г.*) и 15 убитых лошадей,

¹² Речь идет о стрелках или охотниках российской пехоты, т.е. пехотинцах, рассыпавшихся цепью впереди боевых порядков своих войск с целью задержать передовые части противника и вынудить его главные силы развернуться в боевой порядок, либо обеспечить благоприятные условия для вступления в бой или при отступлении своих войск.

офицеры и солдаты выказали невероятную отвагу и преданность их суверену. Ни один человек не покинул строй под предлогом сопроводить раненых, а многие из получивших ранения нижних конечностей и вовсе отказались от помощи до исхода дела. Особливо я имел бы честь довести до сведения имена тех, кто имеет право на благосклонное великолодшие со стороны Его Величества.

Библиографический список / References

- Горшков Д.И. Рапорт генерала Морана о сражении при Москве-реке, 5–7 сентября 1812 г. // Вестник архивиста. 2013. № 2. С. 206–231. [Gorshkov D.I. General Morand report about battle at Moscow River on 5–7th September 1812. *Vestnik arhivista*. 2013. No. 2. Pp. 206–231. (In Russ.)]
- Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 2018. [Zemcov V.N. *Velikaya armiya Napoleona v Borodinskem srazhenii* [Napoleon's Great Army in the Battle of Borodino]. Moscow, 2018.]
- Boppe P. *Les Espagnols à la Grande-Armée. Le Corps de la Romana* (1807–1808). *Le Régiment Joseph-Napoléon* (1809–1813). Paris-Nancy, 1899.
- Brun-Durand J. *Dictionnaire biographique et biblio-iconographique de la Drôme* : contenant des notices sur toutes les personnes de ce département qui se sont fait remarquer par leurs actions ou leurs travaux, avec l'indication de leurs ouvrages et de leurs portraits. Т. 1–2. Grenoble, 1901.
- Chuquet A. 1812. *La Guerre de Russie. Notes et documents*. Sér. 1–3. Paris, 1912.
- Chuquet A. *Lettres de 1812. 1re Série*. Paris, 1911.
- Correspondance de Napoléon 1er / Publ. par ordre de l'empereur Napoléon III. Vol. I–XXXII. Paris, 2006.
- Correspondance du maréchal Davout, prince d'Eckmühl : ses commandements, son ministère, 1801–1815 / avec introd. et notes, par Ch. de Mazade. Т. 1–4. Paris, 1885.
- Damploux J.-G.-J. *Le carnet du lieutenant Damploux. Le Matin : derniers télogrammes de la nuit. Vingt-Neuvième Année. № 10405* (Vendredi 23 août 1912, Paris), p. 4.
- Dedem van den Gelder A.B.G., van. *Un général hollandais sous le Premier Empire. Mémoires du général Bon de Dedem de Gelder, 1774–1825*. Paris, 1900.
- Etat nominatif de MM^{rs} les officiers du 33e Régiment de ligne avec les mutations survenues depuis le 1er juin 1812 au 14 février 1813 <...>, 1813. S.H.D. / GR. Sous-Série X^b 414.
- Friant J.-F. *Vie militaire du lieutenant-général Cte Friant*. Paris, 1857.
- Garcin M. *La patrie en danger : histoire des bataillons de volontaires de 1791 à 1794 et des généraux drômois*. Étoile-sur-Rhône, 1991.
- Grande armée. Le 1er septembre 1812. Situation. Récapitulation de la Grande armée au 1er septembre 1812. S.H.D. / GR. Sous-Série 1K^{mi}1.
- Lettre adressée à un électeur du département de la Drôme, par un compatriote. Paris, 1820.
- Lettre du colonel de Tschudy au ministre de la guerre, le 19 juin 1813 (Namur). S.H.D. / GR. Sous-Série C² 134.
- Lettre du général van Dedem au maréchal Berthier, le 21 septembre 1812 (Москву). S.H.D./GR. Sous-Série C² 131.
- Notice biographique sur le général Pouchelon, candidat des électeurs constitutionnels du collège d'arrondissement de Valence. Valence, 1820.
- Pigeard A. *Les étoiles de Napoléon*. Paris, 1996.

20. Poirier-Clerc A.-M. *L'homme de bronze de Napoléon : un fantassin comtois dans la Grande Armée*. Bière, 2013.
21. POUCHELON, Étienne, François, Raymond. C.A.R.A.N. LH/2208/35.
22. POUCHELON, Étienne, François, Raymond. S.H.D./GR. Sous-série 8 Y^d 1422.
23. Précis des opérations du Régiment Joseph Napoléon pendant la Campagne de 1812 par le colonel du Régiment Joseph Napoléon de Tschudy, le 10 janvier 1813 (Bromberg). Copie. S.H.D./GR. Sous-Série 1 M 672.
24. Précis historique des actions où se sont trouvés les 2me et 3me bataillons du Régiment Joseph Napoléon <...>, 1813 (Namur). S.H.D./GR. Sous-Série C² 134.
25. Rapport du général Friant au maréchal Berthier (brouillon), après le 25 septembre (Moscou). S.H.D./GR. Sous-Série C² 131.
26. Rapport, sur les journées des 5, 6 et 7 Septembre devant Mozaisk, sans date. S.H.D./GR. Sous-série C² 130.
27. Règlement concernant l'exercice et les manœuvres de l'infanterie, du 1er août 1791. Paris, 1811.
28. Relevé des feuilles d'appel des différents corps d'armée au 2 septembre 1812. S.H.D./GR. Sous-Série C² 527.
29. Relevé des feuilles d'appel des différents corps d'armée au 3 septembre 1812. S.H.D./GR. Sous-Série C² 527.
30. Rivoire de La Bâtie G., de. *L'armorial de Dauphiné* : contenant les armoiries figurées de toutes les familles nobles & notables de cette province, accompagnées de notices généalogiques complétant jusqu'à nos jours les nobiliaires de Chorier et de Guy Allard. Lyon, 1867.
31. [Robbe L]. *Campagne de Russie. Rapport historique du 48e régiment d'infanterie de ligne*. Extrait du Spectateur militaire (août 1840). Paris, [1840].
32. Rochas A. *Biographie du Dauphiné* contenant l'histoire des hommes nés dans cette province qui se sont fait remarquer dans les lettres, les sciences, les arts, etc. ; avec le catalogue de leurs ouvrages et la description de leurs portraits. T. 1–2. Paris, 1858–1860.
33. Situation du 1er corps d'armée, le 15 septembre 1812. S.H.D./GR. Sous-Série C² 695.
34. Situations générales par numéros de régiments de toutes armes et troupes hors ligne et auxiliaires (juillet – août – septembre – octobre – novembre 1812, manque décembre 1812). S.H.D./GR. Sous-Série C¹¹ 188 à 189.
35. Six G. *Dictionnaire biographique des Généraux & Amiraux français de la Révolution et de l'Empire (1792–1814)*. T. I–II. Paris, 1934.
36. 33e régiment d'infanterie. S.H.D./GR. Sous-série 4 M 42.

Статья поступила в редакцию 16.12.2019, принята к публикации 14.01.2020

The article was received on 16.12.2019, accepted for publication 14.01.2020

Сведения об авторе / About the author

Горшков Дмитрий Игоревич – кандидат исторических наук; старший научный сотрудник, Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина, пос. Большие Вязёмы, Одинцовский район, Московская обл.

Dmitriy I. Gorshkov – PhD in History; Senior Researcher, State Historical and Literary Museum-Reserve of A.S. Pushkin, Bolshie Vyazyomy, Odintsovo district, Moscow region

E-mail: le84e-regiment@mail.ru

Критика. Библиография

В.С. Калмыков

Московский педагогический государственный университет,
119991, г. Москва, Российская Федерация

V. Kalmykov

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Цена взятия Измаила в 1790 г.

Размышления над книгой М.К. Чинякова
«Суворов и Измаил» (М., 2017. – 198 с.)

М.К. Чиняков давно и плодотворно разрабатывает тематику военной истории применительно к разным странам и эпохам, в основном, к эпохе наполеоновских войн¹. В своей новой книге он избрал другой

¹ Чиняков М.К. Луи-Никола Даву // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 59–72; Он же. Маршал империи Л.Н. Даву в Отечественной войне 1812 года // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи: Материалы научной конференции. Москва, 24 апреля 1998 г. М., 1999. С. 48–50; Он же. Андре Массена // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 38–58; Он же. Венера в объятиях Марса. Женщины наполеоновских легионов // Родина. 2002. № 8. С. 51–54; Он же. Луи Александр Бертье // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 32–52; Он же. Императорская гвардия Наполеона I // Воин. 2002. № 7. С. 27–37; Он же. Женщины французских легионов // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 112–122; Он же. Маршал империи Андре Массена: человек и полководец // Наполеон. Легенда и реальность. Материалы научных конференций и наполеоновских чтений. 1996–1998 / Сост. А.А. Васильев, Г.Л. Медынцева. М., 2003. С. 150–168; Он же. Жан д'Альбре // Вопросы истории. 2007. № 6. С. 37–52; Он же. Жан Ланн // Вопросы истории. 2010. № 2. С. 29–51; Он же. Павел I – «Российский Гамлет» // History Illustrated. 2011. № 9–10; Он же. Никола-Шарль Удине // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 49–63; Он же. Огюст-Фредерик-Луи Вьё де Мармон // Вопросы истории. 2015. № 7. С. 17–40; Он же. Гийом-Мари-Анн Брюн // Вопросы истории. 2016. № 8. С. 13–32; Он же. Куртингский кризис (май–сентябрь 1917 г.): Монография. М., 2017; Он же. Le transport des troupes russes vers Brest (1916–1917) // Les Cahiers de l'Iroise. 2018. № 230 (Juillet-Décembre). Пр. 73–90; Он же. Боевые действия русских войск во Франции и на Балканах (июнь 1916 г. – январь 1918 г.): Монография. М., 2018.

период и обратился к истории русско-турецкой войны 1787–1791 гг., рассмотрев взятие Измаила в 1790 г. русскими войсками под командованием генерал-аншефа А.В. Суворова. В ходе исследования автор задает себе и читателям ряд вопросов, которые позволяют по-новому взглянуть на это событие. Почему русская армия понесла серьезные потери в ходе штурма? Зачем вообще был нужен штурм Измаила? Почему после взятия крепости турецкое правительство не пошло на заключение мира?

Помимо этих вопросов, автор рассматривает историографические и источниковедческие проблемы, связанные с темой его исследования. Так, он отмечает, что основным источником по ходу штурма Измаила является биография Суворова, созданная его личным секретарем и адъютантом И.Ф. Антингом. На ее основе, как пишет автор, были созданы все последующие биографии Суворова. Чиняков специально обращает внимание на этот факт, поскольку все следующие исследования строились на данных одного источника. В результате источниковедческого анализа автор делает парадоксальный вывод о том, что «современная версия обстоятельств штурма Измаила практически полностью базируется на непроверенных наукой данных Антинга» (с. 26). В работе отмечается тот факт, что отечественные исследователи практически не использовали иностранные источники, в первую очередь, турецкие. Также отечественные исследователи, как указывает автор, не использовали научные труды турецких, австрийских и французских историков по данной тематике. Замечание справедливо, однако следует отметить, что в советский период получить доступ к иностранным источникам и исследованиям по «острым» темам было практически невозможно.

Автор задается следующим вопросом: насколько сильны в плане фортификации были укрепления Измаила? Был ли он неприступной крепостью? Насколько укрепления Измаила соответствовали фортификационным стандартам крепостей Западной Европы? Проведя исследование, автор делает вывод о том, что «Измаильская крепость являлась заурядной» (с. 84). Измаил был слабо укреплен, в сравнении с крепостями европейских стран, только два его бастиона из семи имели облицовку камнем. Это авторское заявление очень ценно, поскольку развеивает устоявшийся миф о неприступности укреплений Измаила.

Какими силами турки обороняли Измаил, какова была численность гарнизона? Как отмечает автор, сам Суворов определял численность гарнизона в 35 тыс. чел. Исследуя данную проблему, автор сомневается в этих цифрах, считая их очень завышенными. Он указывает на плохое состояние турецкой армии в смысле боевого духа и дисциплины. Данное заявление в целом верно, однако следует учитывать религиозный фанатизм турецких солдат и их стойкость в обороне. Еще меньше известно историкам о судьбе гражданского населения Измаила.

Исследование этого вопроса приводит автора к выводу о том, что практически невозможно установить точную численность гражданского населения, гарнизона и гражданского ополчения. Автор оценивает численность гарнизона Измаила в 10 тыс. чел., а остальные 25 тыс., по его мнению, являлись гражданскими лицами. Он пишет, что Суворов откровенно завысил численность гарнизона. Во всяком случае, гипотеза о малочисленности гарнизона Измаила является крайне интересной.

Пытаясь определить численность русских войск, штурмовавших Измаил, Чиняков отмечает, что дореволюционные исследователи так и не пришли к единому выводу по поводу численности штурмующих. В результате собственного исследования он определяет численность осаждающих примерно в 21 530 чел., из которых 12–13 тыс. принадлежали к регулярной пехоте русской армии, а остальные были казаками и арнаутами. Это смелый вывод, из которого видно, что штурмующие не имели подавляющего численного перевеса над турками. Получается, что Суворов шел на большой риск, отдавая приказ о штурме Измаила. Все же автору приходится признать, что «точная численность русских войск при штурме неизвестна» (с. 122).

Касаясь артиллерийской подготовки, проведенной Суворовым перед штурмом, автор считает, что она не имела решающего значения и не нанесла укреплениям Измаила серьезного урона. С учетом малой численности русских войск, в книге Чинякова представлена совершенно иная картина штурма Измаила, далекая от канонической версии.

Самым интересным вопросом, по мнению автора, является вопрос о потерях русских войск во время штурма, а также о потерях турок. По официальным данным, турки потеряли убитыми 26 тыс. человек и 9 тыс. человек пленными. Автор считает эти данные «удивительными» и проводит собственное исследование данной проблемы. В результате, ссылаясь на письма М.И. Кутузова, он приходит к выводу, что турки потеряли 15 тыс. человек убитыми. Турецкие данные о потерях отсутствуют. Следует сказать, что автор затронул очень интересную и малоизученную тему. Дальнейшее исследование проблемы возможно только при изучении турецких источников.

При подсчете потерь русской стороны автор констатирует, что существуют две версии боевых потерь при штурме Измаила. «Суворовская» версия, которая указывает 4500 убитых и раненых и, условно говоря, «не суворовская», определяющая потери в 10 тыс. убитых и раненых. Автор отмечает, что разница в этих версиях «более чем серьезная» (с. 147). По его мнению, если допустить 10% потерь русских войск, то получится 4306 человек убитых и раненых. Однако главное, как пишет автор, что данным о потерях Суворова не верили уже в дореволюционный период. Во всяком случае, проблема остается не полностью

изученной, и автор проявил большое упорство исследователя, подняв этот неудобный вопрос.

Потери русских, как считает Чиняков, составили, скорее всего, от 4 до 5 тыс. человек убитыми и ранеными из общего числа 15–20 тыс. участвовавших в штурме. К сожалению, автор не дает прямого ответа на вопрос о причинах столь тяжелых потерь русской армии. Скорее всего, такие потери были возможны при упорных уличных боях внутри Измаила, в которых принимали участие не только солдаты турецкого гарнизона, но и гражданское население. Во всяком случае, цифры потерь говорят об ожесточенном характере сопротивления турок.

Далее автор задается вопросом, каково было впечатление падения Измаила на турецкое правительство? Он приходит к выводу, что турецкое правительство и султан остались полностью спокойными и не запросили у Петербурга мирных переговоров. Из этого следует вывод о том, что штурм Измаила не достиг своей политической цели. Поведение турок определялось надеждой на политическую и военную помощь со стороны Франции и Англии, именно поэтому падение Измаила не произвело на Стамбул устрашающего эффекта. Правда, автор не отвечает прямо на этот вопрос, но из его исследования можно сделать именно такой вывод.

В заключение работы автор критикует Суворова, обвиняя его в недооценке важности ружейного огня пехоты на поле боя. В качестве примера он противопоставляет Суворову тактику Веллингтона в период войны с армией Наполеона в Испании. Однако такая критика суворовской тактики не совсем корректна и требует отдельного исследования хотя бы потому, что от штурма Измаила кампанию Веллингтона в Испании отделяет 20 лет. Добавим, что тактика Веллингтона требовала высокого профессионализма личного состава, что вряд ли мог обеспечить в реальности Суворов.

В целом, монография производит хорошее впечатление, а автор поднял ряд новых вопросов в истории русско-турецких войн XVIII в., требующих дальнейшего изучения. Можно пожелать автору новых успехов в их исследовании.

Сведения об авторе / About the author

Калмыков Виталий Сергеевич – кандидат исторических наук; доцент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В.Ф. Семёнова Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет

Vitaliy S. Kalmykov – PhD in History; Associate Professor at the Department of History of the Ancient World and the Middle Ages of the Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University

E-mail: newlofty12@mail.ru

Издание
подготовили
к печати:
редактор
А. А. Козаренко,
корректор
А. А. Алексеева,
обложка, макет,
компьютерная
верстка
Н. А. Попова

ЛОКУС | ЛЮДИ
ОБЩЕСТВО
КУЛЬТУРЫ
СМЫСЛЫ

2020.1

Сайт журнала: j-locus.ru
E-mail: izdat_mgopu@mail.ru

Авторы статей несут полную ответственность за точность
приводимой информации, цитат, ссылок и списка литературы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале,
невозможна без письменного разрешения редакции.

Подписано в печать 31.03.2020 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура «Times New Roman».
Объем 10,5 п. л. Тираж 1000 экз.